

Владимир Кнари

Графоманы не плачут

Владимир Кнари
Графоманы не плачут

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кнари В.

Графоманы не плачут / В. Кнари — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04481-4

А что если халява существует? А если семеро гномов не желают отдавать спящую красавицу кому попало? А если эволюция на Земле пошла как-то не так, как мы привыкли считать? А если потусторонний мир не совсем такой, каким нам его малюют? Рассказы из этого сборника были написаны в период с 1998 по 2004 год. Смешные и не очень, наивные и серьёзные, про обычных людей и про гномов с чертями — здесь всё перемешано. Как и в нашей жизни.

ISBN 978-5-532-04481-4

© Кнари В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие автора	5
Подходящий жених	6
Исповедь	11
К Богине	14
Халява	17
Жертвы греха	20
Работа над ошибками	25
Наша игра	35
Закон солнца	39
Иголка в стоге	44
Обыск	50
(начало рассказа, Кир Булычёв)	51
(окончание рассказа, Владимир Кнари)	55
Мёртвый город (хроника истерии)	62
8 часов до	62
6 часов до	64
4 часа до	65
2 часа 47 минут до	67
1 час 45 минут до	68
47 минут до	69
3 минуты до	70
Время отсчёта	71
2 часа 11 минут после	72
Прецедент	73
Неудачливый преемник	78
Во спасение	81
Будущее – в наших руках!	92
Юрский период	92
Примерно двести миллионов лет спустя. Начало XXI века	93
Много, бесконечно много лет спустя	94
Безумно много лет спустя. Снова Юрский период	97

Предисловие автора

Я начал писать рассказы, можно сказать, случайно. Мне не спалось, в голову лезли дурные мысли, а потом вдруг появилась идея, которую захотелось записать. И за одну ночь я написал целых два рассказа (кстати, оба они представлены в этой книге).

Я был воодушевлён и хотел узнать мнение близких мне людей, но так, чтобы они не знали, кто же автор. Так на свет вместо Алексея Герасимовича (моё настоящее имя) появился автор «Владимир Кнари». Позже я стал этим именем подписывать не только рассказы, но и статьи, а также несколько художественных переводов книг по вселенной игры StarCraft. И имя зажило само по себе.

Все представленные в этом сборнике рассказы были написаны в период с 1998 по 2004 год. Потом вдруг как отрезало. Для этого сборника я долго думал, какие из написанных мною рассказов вставить, а какие не стоит. Сел и перечитал все подряд, один за другим. Многие теперь, по прошествии лет, кажутся по-детски наивными и графоманскими по слогу. Другие я и сам до сих пор с удовольствием перечитываю. В итоге решил оставить меньше половины, но даже у этих стиль порой очень отличается.

Почему-то так вышло, что мне было интересно писать иногда откровенно стёбные вещи, а порой я уходил в более серьёзные темы. Но при этом уж очень часто мои герои оказывались в потустороннем мире, хотя и тут не обходилось без альтернативного взгляда на известные факты.

Но здесь я всё перемешал. И весёлое, и грустное. И наивное раннее, и более серьёзное позднее. Про наш мир, и про чертей с ангелами.

Если какой-то рассказ вдруг покажется скучным и неинтересным, смело пропускайте. Следующий должен быть лучше, я уверен!

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить всех тех, без кого эти рассказы могли бы и не появиться. Разумеется, в первую очередь это родители и моя жена. Спасибо Ольге Громько, с которой мы, можно сказать, вместе начинали этот путь, только она улетела вперёд, а я так и остался в хвосте. Спасибо Леониду «LLeo» Каганову за его помощь молодым авторам в Fido-конференции ОВЕС.РАСТЕТ (и за пельмени на его кухне, я помню!) А также всему русскому фэндому, который всегда меня воодушевлял.

И спасибо вам, что решили прочесть эту книгу.

Владимир Кнари, 6 августа 2020 года

P.S. Меня легко найти в интернете: все мои контакты собраны на <http://about.me/knari>, также я веду блог о книгах и многом другом – <http://knari.by>.

Подходящий жених

Бродяга по прозвищу Ветер не соврал. Отмахав несколько вёрст по оврагам и перелескам, царевич Еремеля наконец добрался до заветной горы. Воистину, всё было так, как воспевали в песнях заграничные певцы-скоморохи. И берёзка у пещеры, и бурый камень, поросший мхом, и даже три неведомых знака на стене, зовущиеся странно – эротическое уравнение.

Пока царевич решал, оставлять ли скакуна снаружи, или же въехать в пещеру верхом, солнце стало клониться к горизонту. Убоявшись не успеть до темноты, царевич спрыгнул с коня и бочком, прислушиваясь да приглядываясь, двинулся в неизведанную глубину, отдающую запахом гнили и тлена.

На счастье, по стенам чьей-то заботливой рукой были приспособлены гнилушки, потому идти оказалось не так и боязно. Вот только руки царевича в неясном свете отдавали непривычной синевой. Через полсотни шагов Еремеля узрел вдали конец туннеля, стало заметно прохладнее, и царевич перешёл на бег трусцой.

Яркий, но всё такой же синеватый свет резко ударил по глазам. Когда удалось взглянуть вокруг, перед царевичем предстала огромная пещера. Отовсюду сочился белый дымок с едким запахом, стены были подёрнуты инеем.

А в центре всей этой немой красоты в хрустальном гробу покоилась та, ради которой царевич и затеял своё опасное путешествие. Свет очей его, любовь наречённая, спящая вечным сном Снежнобелка. Ну или не совсем вечным, если верить всё тем же скоморохам да сказителям. Хотя странный цвет лица суженой и заставлял задуматься о правдивости древних легенд. Однако что в этой пещере не казалось странным?

Издали донеслось ржание оставленного у входа жеребца, и царевич Еремеля решил поскорее исполнить задуманное. Он приподнял крышку гроба, примерился, как бы половчее поцеловать Снежнобелку, наклонился, поднеся свои губы к синим устам будущей невесты и...

И в этот миг синий свет резко сменился красным, а вокруг зашумело, засвистело, заголосило ужасным голосом, будто сам Соловей-разбойник вернулся из небытия. В ужасе царевич отпрянул от хрустального ложа. Свет мигнул и погас. Гул исчез, но тишину всё ещё нарушал странный тихий свист.

Спустя несколько минут, когда рассудок царевича уже стремился унести прочь, свет вспыхнул ярко, по-солнечному, и молодой искатель приключений обнаружил, что в пещере стало заметно больше народу. Прямо по центру, вокруг гроба и всё ещё дремлющей суженой толпилось семеро низкорослых богатырей. И уж настолько были они малы, что самый высокий из них доходил царевичу лишь до пояса. Принадлежность же к богатырям удалось установить по амуниции: семь мечей волочились по земле у ног своих обладателей, разномастные шлемы украшали не по размеру огромные головы незнакомцев... Да много ещё всякой старой рухляди свешивалось с плеч явившихся как из-под земли хмурых низкоросликов.

Царевич от удивления сел на холодный пол, звякнув своим кладенцом по белой стене.

– Ишь, целовать удумал... Много вас тут таких ходит... – начал самый крупный из богатырей, хмуро поглядывая из-под тяжёлых бровей.

– Хорошо хоть сигнализация не подвела, – ответил другой, осматривая гроб. Он ткнул пальцем во что-то невидимое, и свет вновь приобрёл свой мертвенный оттенок, да и назойливый свист прекратился.

– Вот-вот, – встрепенулся самый мелкий и, на взгляд, самый противный. – На готовенькое вы все горазды! А ты её кормил, ты её поил? Или, может, гробик каждый день тряпочкой протирали да утку выносили? – Он так напирал, что царевич невольно отполз ближе к стене, опешив от такого натиска.

– Тише ты, брат Воскр! – остудил пыл крикуна здоровый парень с обнажённой грудью, бугрящейся мощными мышцами.

Царевич вообще с трудом понимал, кто эти малорослые богатыри, и о какой утке вопрошает мелкий. Страшная догадка родилась в голове: быть может, царевна бессмертная, как и Кощей, а смерть её в утке? Нет, быть того не может... Да и чего бы лежать ей бездыханной? С Кощеем было не так, ещё батюшка рассказывал: вот живёхонек был, а вот рухнул как подкошенный и издох на месте. А эта ни жива ни мертва...

Ещё один богатырь поправил покрывало на Снежнобелке и аккуратно опустил хрустальную крышку.

– Хорошо хоть не попортил... – буркнул второй, что ранее щёлкал чем-то позади гроба.

– И на том спасибо... – вредный низенький богатырь осуждающе взглянул на негодея, чуть не осквернившего опочивальню, и отошёл за спины своих братьев.

Царевич взял себя в руки, встал наконец на ноги и решился подать голос:

– Но ведь... как же так? Ведуны ж и песняры говорили, будто нужно придти и поцеловать. – Он задумался на миг, а затем вспомнил, процитировал по памяти: «Принцесса вспрянет ото сна, и на останках тех несчастий...»

– Мало ли что скажут! – перебил его первый малый. – Ну да, вспрянет. Куда ж она денется-то? А толку?

– Да что ты ему объясняешь, Понед? Гнать его взашей, вот и все дела... – снова подал голос вредный Воскр.

Понед, видимо, бывший тут за старшего, рукой остановил эту малоприятную для Еремелева слуха речь, осуждающе глянул на царевича: – Вот ты, по всему видать, царских кровей...

Царевич неуверенно кивнул.

– Звать-то как? – уже не так сурово поинтересовался Понед.

– Ерм... Емр... Еремеля, – в горле вдруг как комок застрял.

– Ну так вот, Еремеля царский сын, сам посуди: ну проснётся Снежнобелка – и что? – голос маленького богатыря стал спокойным, рассудительным.

– Как что? На коня и свадебку, как положено...

– Экий ты скорый, однако. Ну, она-то тебя полюбит, положено так. Заклинание такое, – тихо пояснил Понед. – А вот ты?

Еремеля аж опешил.

– А что я?

– А ты любить её будешь?

– Конечно, а то как же иначе?

– Знамо дело, – вышел вперёд до того молчавший богатырь без шишака на голове. Волосы его уже были припорошены сединой. – Все так говорят, что любовь до гроба, «жили они долго и счастливо и умерли в один день»...

– А потом мужики вспоминают заветы древних, типа «Каждый мужчина имеет право налево», – заговорил Воскр. – И пошло-поехало... Нет, мы нашу Снежнобелку за здорово живёшь не отдадим.

– А вы сами-то кто будете? – Только сейчас царевич осознал, что до сих пор даже представления не имеет, с кем свела его судьба-злодейка.

– Мы-то? – удивился Понед. – Мы – братья гнумы-богатыри. Неужель о нас в песнях не поётся?

– Не поётся... – ответил Еремеля. Он оглядел семерых братьев, оценил превосходящие силы противника, после чего понурил голову, с тяжёлым вздохом повернулся и побрёл к выходу из пещеры, где уже давно ржал его конь, соскучившийся по хозяину.

– Эй, царевич, ты куда? – окликнули его в спину.

Еремеля удивлённо остановился:

– Домой, куда ж ещё?

– А Снежная тебе уже не нужна? – спросил Понед. Позади него послышался шёпот Воскра: «Ну? Что я вам говорил? Им бы всем только целоваться!...»

От удивления Еремеля аж рот разинул. А после возвестил:

– Так вы сами... того... этого...

– Чего того-этого?

– Ну, не отдавать решили...

– Так за здорово живёшь и не отдадим. А вот коли докажешь честность своих намерений относительно Снежной, сумеешь убедить, что любить будешь верно, тогда и посмотрим...

Тут Еремеля явно обрадовался, потому как на лице его появилась хитрая улыбка, и он весело признался:

– Ну, искусство-то это я знаю. В лучших французских университетах проходили. А вот учитель мой, милейший мужичок, ещё особо отмечал меня среди прочих за умение целоваться...

Воскр при сих словах скривился:

– Да нет, Еремелюшка, это тебе тут не пригодится, мы и сами это можем.

Еремеля вновь взглянул на возделенный гроб и спросил:

– Так а что делать-то нужно? Как доказать?

– Ну вот, это другой разговор, – радостно потирая руки, Воскр двинулся к царевичу. – Сейчас мы тебе всё и объясним, Еремелюшка...

Объяснения длились долго и под добрую закуску. Понималось всё равно с трудом. Тогда выступил Воскр и предложил начать с простейшего: с письменных упражнений.

Упражнения эти заключались в том, что Еремеле подсунули огромный рулон бересты, на котором кривыми буквами были выцарапаны триста осемнадцать каверзных вопросов и варианты ответов на них. Судя по содержанию вопросов, составлял их сам Воскр, с первого взгляда так не полюбившийся царевичу. Спустя три дня и неслыханное количество жбанов медовухи испытание было пройдено и большинством гнумьих голосов признано успешным. Против такого решения был лишь сам Воскр, которого не удовлетворили ответы Еремели на вопросы «Кому на Руси жить хорошо?» и «Кто виноват?». Однако его возражения были отклонены, потому как объяснить наличие данных вопросов в испытании на способность любить Снежную он не смог. А вот ответ на вопрос «Что делать?» был одобрен всеми единогласно.

Далее весёлый гнум-богатырь Серед предложил сыграть в угадки. Сия игра заключалась в том, что уставший от объяснений и вопросов царевич должен был узнавать предметы обихода своей потенциальной невесты. Из предложенного набора (в который входили нижняя юбка, портянки, хрустальная туфелька, двуручная секира, самовар и подозрительный туго скрученный ватный валик) он с лёгкостью выбрал юбку с туфелькой, лишь на миг засомневавшись по поводу самовара. Главный судья Понед и тут решил признать победу молодого царевича.

Когда на пятый день в светлице братьев закончилась закуска, седоватый Втор задал свою задачу: а что будет делать молодой муж, коли жена занеможет и не в силах будет кормить его? Сумеет ли прокормить себя да любимую?

Тут уж пришлось Еремеле постараться, потому как не царское это дело-то – кашеварить. Однако отступать было некуда, позади – гроб хрустальный. И снова вздохнув, Еремеля принялся за дело. К вечеру он сообщил, что ужин готов, и сперва все семеро братьев вызвались судьями быть, однако приблизиться к котлу сумел лишь Воскр. Спустя три дня Воскр так и не окочурился, и испытание готовкой было признано пройденным.

И долго бы ещё продолжалась эта канитель, если бы запасы медовухи у гномов совсем не исчерпались, потому что идей у братьев-богатырей было хоть отбавляй. Да и царевич уже стал сдавать и чахнуть. Глядишь, и выдавать-то скоро Снежнобелку не за кого будет.

Покумекали гномы, да и порешили, что парень Еремеля неплохой, девку в обиду не даст, и вполне достоин стать ей мужем. Еремеля расчувствовался, расцеловал всех братьев, а с Воскром даже побратался.

К торжественному моменту пробуждения Снежнобелки все гномы разошлись, кому как совесть позволила, да и заявили вослед царевичу Еремеле в пещеру. Все вместе они бережно сняли хрустальную крышку, в последний раз благословили царевича и спрятались за дальним камнем, чтобы не портить интимность события.

Когда Еремеля склонился над невестой, Воскр стал тихо выбивать дробь тоненькими палочками. Наконец царевич коснулся горячими губами холодных, но предварительно подсахаренных уст царевны, и та сразу стала преобразаться. Кожа её порозовела, веки вздрогнули и... так и остались в полуоткрытом состоянии.

Из-за камня раздалось злое шипение, оттуда быстренько выскочил хозяйственный Пятень и снова щёлкнул чем-то невидимым за гробом, после чего сразу спрятался. Царевна Снежнобелка раскрыла прекрасные очи, взглянула на онемевшего Еремелю и томным голосом произнесла: – Ты мой герой... Бери же меня и веди в палаты белокаменные!

Еремеля не заставил долго ждать, подхватил молодую жену на руки и галопом вынес её на свет солнца, где уже ждал приготовленный конь.

Воскр еле успел их догнать с криком: «Вещи-то её, вещи возьми!» Всунул в суму запасной набор тифлек и белый пакет, на котором крупными буквами значилось непонятно: «ИНСТРУКЦИЯ». Затем шлёпнул коня по крупу и крикнул вдогонку:

– Прощевай к лешему!

Из пещеры появились и остальные гномы. Пятень в руках мял ещё один кусочек бересты:

– Эк вон скоро-то... даже гарантийку забыл...

– Ничего, – утешил его Понед, – понадобится – прискачет.

– Главное – ещё от одного избавились, – тихо проговорил Втор.

– А в песнях теперь и про нас петь будут, – непонятно к чему закончил Воскр.

В гнумьей горнице (надобно сказать, совсем не в той, где Еремелю привечали) было светло и чисто. У дымящейся печки готовила еду Второва жена Пепелюшка, у окна вышивала Понедова принцесса Фасолька, Пятенева царевна Жабюшка тихо баюкала сынка в колыбели, остальных жён видно не было.

– Снежнобелка, – позвал Воскр.

На его голос появилась красавица, как две капли воды похожая на только что увезенную Еремелей. Воскр обнял её за талию (выше не доставал) и радостно проворковал ей в пуп:

– Вот и ещё одного, что по твою душу приезжал, спровадили...

Тут в оконцо постучали, и Понед, нахмурившись, вышел.

Вернувшись, он был ещё более недоволен.

– Беда не ходит одна, – молвил он. – Ветер передал, что ещё одного нелёгкая несёт. Дня через четыре у нас будет.

– Что, опять Снежнобелка ему нужна? – испугался Воскр.

– Нет, этому Середова Сонная красавица приглянулась.

Пятень задумчиво поскрёб подбородок.

– Ну, ежели никто мешать не будет, денька через три сделаю. Деталек я заранее наготовил про запас. Вот только говорить не сможет, с говорилками напряжёнка, а самому делать – на

это недели полторы бы понадобилось, а за четыре дня – нет, не успеть... Понед хлопнул брата по плечу:

– Ну, от этого отмажемся. Спишем на последствия долгого сна.

Повернувшись к Середу, с усталостью в голосе произнёс:

– Ну, веди жену. Будем очередному соискателю красавицу-невесту по образу лепить...

А затем повернулся к Воскру:

– А ты, будь добр, придумай ещё пару-тройку испытаний, да потруднее. Авось Пятень всё же успеет за это время говорилку сварганить...

06.10.2002

Исповедь

Да простится мне это, но признаюсь честно, я сюда идти не хотела. Это всё отец мой настаивал. И сейчас, небось, под дверью стоит, караулит, чтобы я не сбежала.

Он мне уж сколько времени толкует, что грешница я, и покаяться мне просто необходимо. Зачем? Всё равно я не верю во всё это. Но если уж ему станет от этого легче, то и от меня не убудет.

Что вы говорите? А, просто уселись поудобнее. Это правильно. Раз уж он меня вытащил сюда, то я расскажу всё как на духу. С самого детства до сегодняшнего времени. Пожалуй, времени на это уйдёт достаточно.

Ну, начнём по порядку. Зовут меня Люси. Отец с матерью говорили, что это в честь какой-то нашей далёкой прародительницы. Или прародителя. Не помню уж точно. Ну да не важно.

Отец мой из простых. Работает в котельной. Мать всю жизнь секретаршей в канцелярии проработала. Ясно, что достаток в семье небольшой был. Но с самого раннего моего возраста родители пытались наставить меня на путь истинный, хотели, чтобы я добилась в жизни большего, чем смогли они сами. Поэтому и не жалели ничего для меня. Но и баловать тоже особо не приходилось – их совместного заработка едва на жизнь хватало.

Хотя отец очень хотел отдать меня на воспитание в детский сад, мама сразу воспротивилась этому, а после того, как к нам приехала моя бабушка, папа окончательно сдался. Поэтому я прошла отличное начальное домашнее воспитание под руководством аса своего дела – моей любимой бабули Эмми. И уж я-то точно не жалею об этом. В свои пять лет я была значительно более развита по сравнению со своими сверстницами. Да что говорить, я стала заводилой всего и вся в нашем дворе. Даже мальчишки считались с моим мнением. Слышала, как втихаря они меня называли прирождённой чертовкой. Папа тогда нарадоваться на меня не мог, говорил, что вся в него пошла.

Что? Нормальное детство? Ну, так а я о чём. Но ведь только начала... Кстати, а что такое «нормальное»? Такое, как у всех? Тогда у меня было отнюдь не нормальное. Я же говорю, что отличалась от всех ребят в нашем дворе. Все ночи напролёт я там проводила. А однажды даже подговорила нескольких мальчишек днём сходить на заброшенную котельную. Ух и навизжались мы тогда. Особенно я. Да нет, я не со страху, я их пугала. Да и не только визжала. Стонала, ухала, вздыхала – всячески пыталась их напугать. Они-то в первый раз туда пришли, а я уже и раньше ночью облазила там всё одна. К этому походу все закоулки знала, да и сама кое-что подготовила к такому культ-массовому мероприятию. Жаль, девчонки тогда отказались идти. Слабаки.

Но это было уже тогда, когда я в школе училась. Так что вернёмся немного назад.

В общем, стараниями моей бабушки к моменту поступления в школу я уже считала себя вполне взрослой, готовой к будущим жизненным испытаниям и радостям. Я знала такие вещи, о которых другие подростки тайком шушукались в подворотнях, передавая это как самую сокровенную тайну – «а ты знаешь... да ты что, это всё девчоночьи сказки, вот я слышал...» Ну и так далее в том же духе.

На тестах при поступлении в школу я показала один из лучших результатов, но мои резкие высказывания в адрес экзаменаторов привели к тому, что я попала не в самый «престижный» класс, а класс так называемых хулиганистых подростков. Или трудновоспитуемых. Но мне там даже больше нравилось. Не люблю заучек.

Не скажу, что мне нравилось учиться. Скорее мне было всё это индифферентно. Просто у меня получалось учиться хорошо. И всё. Даже похвальные грамоты несколько раз получила.

Правда, моя хорошая учеба несколько терялась за моим не столь хорошим поведением. Например, мне страшно нравилось на уроках дёргать за хвостики впередисидящих. Девчонки постоянно визжали, а среди ребят я снискала славу придурковатой отличницы. Они придерживались мнения, что у меня крыша поехала, причём так, что мои достижения в учёбе прекрасно компенсировались моим умственным «развитием» в других областях. По их мнению, конечно.

Но с приходом времени, когда мальчики уже начинают понимать, что мы, существа другого пола, являемся не просто надоедливо копошащимися соседями, мои одноклассники резко поменяли своё мнение обо мне. Или научились его хорошо скрывать. А всё дело в чём? В том, что я оказалась не обделена многими чисто женскими физическими достоинствами. Причём в их глазах мне удалось затмить всех остальных своих сверстниц.

Но мой темперамент дикой амазонки не давал ни одному из них ни единого шанса. Это подзадоривало их ещё больше, а я лишь наслаждалась всем этим. Ушки торчком, нос пяточком, хвостик колечком. По пятам ходили, как собачки.

Ой, у вас что-то упало? А что же это за лязг тогда был? Не слышали? Наверное, почудилось.

Ну так вот. Ещё до школы мне нравилось рисовать, а в школе я продолжила это дело. Даже картину мою выставляли на выставке в доме небезызвестной нашей молодёжной организации. Что? Почему я её так называю? Ну, не нравится она мне... Да нет, состояла я в ней, состояла. Столько лет ей отдала, у-у... Даже в совете школы состояла. А толку? С тех времён только лозунги и помню. «Молодежь! Ты должна быть достойна получить огонь в свои руки!» Нашлись Прометеи... Или ещё – «Вилы – символ трудового народа!» Убивать нужно тех авто-ров, что это придумывают...

Школа была закончена с медалью, которую я не заслужила. Ну не училась я – просто так получилось. И тут встала проблема – куда податься? Не очень долго думая, я решила продолжить «учиться». Поступила в университет (опять же, почти нахалюву). Вначале ещё пыталась хотя бы показывать видимость учёбы, а потом плюнула на это. Тем более, что в этом возрасте уже хотелось иметь какие-то развлечения, а оные, как известно, стоят денег. А родители у меня далеко не богатые. Пришлось совместно с учёбой подрабатывать. Кем я только не работала – некоторое время в котельной (кстати, прекрасное место для размышлений о смысле жизни), потом курьером, затем занималась подушной переписью населения. И множество других мелких профессий испробовала.

Спрашиваете, чего к вам-то пришла? Я же сказала: отец прислал исповедаться. Незачем? Так я и не всё ещё рассказала. Какой-то вы нетерпеливый, ей-ей. Ну, ничего, я уже приблизилась к сути.

Когда я уже заканчивала третий курс, я впервые увидела его на нашей дискотеке. Он стоял в сторонке, такой милый и в то же время почему-то такой одинокий. До сих пор не пойму, почему такого красавчика оставили без присмотра. Я подбежала к нему и спросила, не хочет ли он потанцевать. Он как-то сразу засмутился, зарделся, а потом тихо так сказал, что не умеет танцевать. Я пообещала научить и вытянула его на площадку. Во время танца узнала, что его зовут Иммануилом и он учится у нас же, специализируется на человеческой психологии.

С этих пор со мной стало твориться что-то совершенно для меня непонятное. Я не могла и ночи прожить, чтобы не увидеть его лица, не услышать его голоса. Он перестал стесняться меня, и тогда я узнала так много! Он читал мне стихи, рассказывал о великих людях и их судьбах. А я могла выцарапать глаза любой девушке, которая бы только попыталась флиртовать с ним.

Тут-то и начался раскол в моей семье. Ещё с детства отец постоянно повторял мне, что все люди – порядочные сволочи и Геенна Огненная – самое подходящее для них место. Мой дед, который тронулся, получив контузию при взрыве в цеху, постоянно твердил, что люди умеют только издеваться над ближними, и с тоской в глазах повторял одну и ту же фразу:

«Вернуться бы мне туда, я бы этому Балде показал». Так что в этой атмосфере я выросла настоящей человеконенавистницей.

А Иммануил заставил меня посмотреть на людей с другой стороны. Ведь это же прекрасные создания! И не их вина, что они варятся в адских котлах. Это всё тот старик придумал, чтобы им жизнь малиной не казалась. В общем, нам пришлось бросить учёбу, и сейчас я хочу уехать с Иммануилом куда-нибудь подальше и посвятить свою жизнь изучению этих странных созданий – людей. Я полюбила их всем сердцем! Я хочу...

В этот момент страшный крик огласил пещеру: «Вон!!! Вон из святого места!»

В свете звёзд Люси молча брела по дорожке. Бурная жизнь окружала её со всех сторон, но она не замечала бегущих, куда-то вечно спешащих, толкающихся и кричащих. Она шла к своему любимому.

Ничего, что они не понимают тебя. Главное – я верю тебе, я верю в тебя. А ещё я просто люблю тебя. Люблю смотреть, как твоя чёрная шерстка блестит в свете луны. Люблю твои маленькие рожки. А ещё мне нравится, когда твой хвостик с такой милой острой стрелочкой на конце скручивается, когда я внезапно вхожу в комнату. Я всегда буду с тобой, что бы ни говорили все эти святоши. Ведь люди так похожи на нас...

06.01.1999

К Богине

Как только прозвучал звонок, в классе наступила тишина. Обычный урок литературы в обычной школе.

– Темой нашего сегодняшнего урока будет творчество Хьюго Бранта. К сожалению, до нас дошли лишь несколько стихотворений этого поэта, но уже они показывают, насколько велик был талант этого человека. – Мария Васильевна обвела взглядом учеников. Как всегда, на последних партах было слышно какое-то шуршание и сопение. Ничего, они же всё-таки дети. Но уметь заинтересовать было главным в её профессии.

– Итак, – продолжила она после небольшой паузы, – сегодня мы рассмотрим всего одно стихотворение – «К Богине». В нём Хьюго Брант описывает женщину. И это не просто женщина, это Женщина с большой буквы...

С последней парты третьего ряда раздался сдавленный смех. Опять этот Петров, подумала Мария Васильевна. Вечно он что-нибудь находит в её словах. Нахмутив на мгновение брови, она продолжила:

– Да, именно Женщину с большой буквы, хотя автор и описывает всего лишь простую женщину своего времени. По разным признакам мы даже можем судить о её профессии – она танцовщица. Это следует, например, из следующей строки: «Твой танец завораживает взор...» Но... Давайте сделаем так: пусть каждый сейчас сам прочтёт это стихотворение, а затем мы поговорим, какие образы, какие мысли автор хотел донести до нас этим прекрасным творением...

... Громко хлопнула входная дверь, и компания уже изрядно подвыпивших верзил с громкими криками и руганью заняла свободный стол у окна.

– Хозяйка, пива! – Огромный детина с чёрными нечёсаными волосами и в вонючей куртке так ударил по столу, что затряслись соседние.

Взгляды всех посетителей харчевни на миг обратились к нему, но почти сразу же каждый вернулся к своим делам – сплетням, грязным анекдотам, перемалыванию косточек соседям и, конечно же, к пиву.

Только один человек в харчевне, казалось, не замечал ничего вокруг себя. Сидя прямо у стойки, он молча потягивал из своей кружки, наблюдая туманным взором за полётом мухи над тарелкой с куском позавчерашнего пирога.

Он бы сидел так ещё долго, если бы не Мари, хозяйка этого заведения, которая выросла прямо перед ним, закрыв своим далеко не малым телом от него эту идиллическую сцену:

– Хьюго, кстати, а как там дела с поэмой в мою честь? А?

Хьюго Брант с трудом смог сфокусировать свой взгляд на ней. Мари была настолько толстой, что за её спиной давно уже шутили, что «если бы наша Мари только захотела, то могла бы своим весом раздавить весь замок графа». Однако личико её было довольно милым.

Тем временем Мари настойчиво повторила свой вопрос:

– Так что же, Хьюго? Или ты нагло обманул бедную невинную девушку?

После этих слов по харчевне раскатился оглушительный хохот сорока глоток. Мари явно была довольна такой реакцией.

Огромный верзила с чёрными лохматыми волосами встал и тоже спросил:

– Да, Брант, мы все слышали, как ты на днях обещался написать поэму про нашу крошку Мари. Люди ждут. – И разразился ужасным хохотом. Остальные посетители не заставили себя ждать, а Мари, всплеснув руками, проговорила:

– Ах, Вильгельм, ты так мил, – что вызвало новую волну смеха.

Хьюго наконец смог прояснить свой взгляд, посмотрел сначала на Вильгельма, затем снова повернулся к Мари:

– Что ж, Мари, я практически закончил. Хотелось бы добавить ещё несколько строк, а затем я смогу прочесть это божественное творение во всеуслышание. Позволь, и я сделаю это прямо сейчас.

– Ну, я могу и подождать. А пока ты будешь дописывать, мы с Вильгельмом сможем поплясать. – Она кокетливо повела своими огромными бедрами. – Надеюсь, музыка не будет мешать твоему творчеству? – Последнее слово Мари произнесла, намеренно выделив его, после чего сразу же отвернулась от Хьюго и двинулась к Вильгельму. Завсегдатаи харчевни уже расчистили место в центре, и там возвышался Вильгельм.

Да... Танцы в харчевне – это что-то, подумал Хьюго. Слова о том, что поэма уже почти завершена, были наглой ложью. Он даже не помнил, когда смог наобещать такого Мари. Но сказанного не воротишь. Придётся черкануть что-нибудь. Он подсел к освободившемуся столу, положил на него руки и уперся в них подбородком. Минут десять он наблюдал за танцующими людьми, впитывая в себя весь этот шум и гам. Затем открыл свою сумку, достал оттуда несколько листов бумаги, явно побывавших во многих передрыгах, порылся на самом дне и извлек перо с чернильницей.

Вы хотите стихов? Что же, будут вам стихи. Какая-то искорка блеснула в глазах Бранта. Казалось, что весь хмель разом вышел из него. Он склонился над бумагой и стал выводить аккуратным почерком слова.

Спустя некоторое время он оторвал взгляд от бумаги, взглянул на Мари, лихо выплясывающую с Вильгельмом, затем опять посмотрел на неутомонную муху и написал последнюю строчку: «Твой танец завораживает взор».

Шёл дождь. В полной темноте Хьюго брёл по дороге, которая сейчас больше напоминала болото. Яркие молнии то и дело озаряли небо. Мыслями Брант всё ещё был в харчевне.

От его «поэмы» все остались в восторге. Особенно Мари. Даже попросила, чтобы он подарил ей это «чудное творение». Ему было не жалко.

«Дурачье! Вы так ничего и не поняли! Да что вы могли понять? Куда уж вашим слабеньким умишкам понять то, что они понять не в состоянии. Ни до одного из вас так и не дошло, что скрывалось за всеми этими строками... Я высмеял их, а они восторженно хлопали меня по плечу и кричали от умиления. Дурачье...»

Хьюго зацепился ботинком за какой-то хлам на дороге, не замеченный им в темноте, и всем своим весом рухнул в грязь. Поднявшись, он отыскал свою сумку и двинулся дальше.

«Ну ничего, ничего... Сейчас только дойду до своей лачуги...»

Хьюго подумал о стопке листов, тщательно спрятанных в специальном отделении его стола.

«Вот это настоящее творение. Вот это я смогу с гордостью прочесть людям. Пусть не этим, пусть другим, тем, которые поймут. Да, главное – чтобы люди поняли его, поняли его стремления, его переживания... Я отдал этому почти десять лет. Десять лет! Но сегодня я закончил свой роман. Да, закончил! И пусть они считают меня никудышным пьяницей, пусть...»

Вдруг, обогнув очередной поворот, Хьюго заметил в отдалении на холме красное зарево. Со всей возможной скоростью он бросился туда.

Когда он подбежал к тому, что ещё недавно было его домом, там уже почти ничего не осталось. Огонь ещё горел, но по большей части это были уже лишь угли. Не осталось практически ничего. Рядом с домом догорали остатки огромного дуба. Похоже, что молния попала в него, а уж от дерева, крона которого раньше закрывала от солнца часть крыши, запылал и сам дом.

Хьюго упал на колени, изо рта его раздался стон вперемешку с хрипом. Слезы не были заметны на лице, по которому яростный ветер бил струями дождя.

– Нет, – только и смог произнести Хьюго... – Нет!

...Раздался звонок, и дети сразу заёрзали, загомонили.

– Тихо, ребята.

Мария Васильевна была довольна сегодняшним уроком, он прошёл просто блестяще.

– Итак, сегодня мы познакомились с творчеством поэта Хьюго Бранта. На следующем уроке я расскажу вам, как великий Уильям Шекспир писал свою известную пьесу «Гамлет».

28.11.1998, 19.12.1998

Халява

Стояла морозная январская ночь, когда из окон дома по улице Корлюяровской раздались дикие крики:

– Халява! Приходи! Приходи ко мне, халява!

Такие крики продолжали оглашать окрестности ещё минуты три. Наконец Витька Добрушев закрыл форточку и подытожил: «Ну что ж, с подготовкой покончено». После чего выключил свет и с чувством выполненного долга отправился смотреть новый боевик, принесенный другом Генкой.

Часа через два он вернулся в свою комнату, удивился, обнаружив открытую форточку, снова закрыл её и включил настольную лампу. На краю стола, поодаль от обёрток жевательной резинки, расчерченных под «Морской бой» листов, карикатур на преподавателей и прочих полезных в студенческой жизни мелочей одиноко лежала зачётка. Неясное чувство любопытства заставило Витьку открыть сей документ и подробно рассмотреть каждую страницу, вплоть до фотографии с печатью. Почерпнув, видимо, много новой и полезной информации, Витька снова кинул зачётку на стол и повернулся к своей кровати.

Только по невероятной случайности его челюсть не сумела достичь пола в этот момент – поворачиваясь, Витька почёсывал рукой подбородок, и рука явилась преградой на пути челюсти в неизведанные низины.

На Витькиной кровати сидело существо. Именно так Витька охарактеризовал его для себя в первый момент. Существо было похоже на огромный тюк ваты с торчащими из него тоненькими ручками и ножками. Только вата была какая-то розовая, будто вымазанная вареньем. Прямо на этом тюке находились две чёрные бусинки глаз, а рот был будто небрежно нарисован куском угля.

Вернув распоясавшуюся челюсть на место, не потерявший самообладания Витька спросил:

– Ты кто?

– Как это кто? – ответило существо довольно высоким голосом. – Ты же сам не так давно орал что есть мочи: «Халява! Приходи!» Ну вот, я пришла.

– Ты что, всамделишная Халява? – Витька не верил своим глазам, лихорадочно вспоминая, не было ли вчера какого-нибудь очередного студенческого праздника, где бы он мог напиться до белых коней... вернее, до розовой Халявы.

– Естественно, всамделишная. Самая что ни на есть всамделишная. Ты что, никогда Халявы не видел? Тогда чего звал?

– Ну... я думал... поверье это такое студенческое...

– Поверье... Сам ты поверье. – Халява спрыгнула с кровати и подошла к Витьке вплотную. – Запомни, студент, никакое поверье просто так не может появиться. Ему почва нужна. – Для пушей доходчивости Халява постучала кулаком по Витькиному лбу.

– Ладно, – решила Халява, – пора и делом заняться. Ты, например, как зовёшься?

– Витька... Виктор Добрушев.

– Ага, Витёк, значить. – Халява уселась прямо на стол, предварительно сметя большую часть бумажного хлама на пол. – Отлично, Витёк. Учишься, значить, ты хорошо, – при этом она раскрыла зачётку на странице, где красовались три каллиграфически выведенные «уд.» – Что ж, помощь моя потребовалась?

– Ага...

– Ясно, что «ага». Чего сдавать собираешься?

– Матан. В смысле, математический анализ.

– У-у... Сильная вещь. Два вопроса и задача?

– Ага.

– А кто преподавателем у тебя будет?

– Макаров Борис Петрович.

Халява на секунду задумалась.

– Это такой лысый в очках? Нет?

Витька отрицательно покачал головой:

– Не... Он молодой.

– А, знаю. Это который сам недавно закончил? Точно, он! Ну, этот любит позверствовать.

Ладно, двигаем научный процесс дальше: учил?

Витька опять отрицательно замотал головой:

– Ну, если только немного. Вот, конспект посмотрел.

Халява проследила за Витькиным взглядом и обнаружила небольшую полуобшную тетрадку, валявшуюся возле кровати. Халява пристально посмотрела на неё, и тетрадка сама всплыла в её тонкую ручку, раскрывшись на первой странице. По верху белого листа размашистым Витькиным почерком было выведено: «Мат. ан. Консп. студ. 1 гр. 2 к. Добрушева В.» В нижней части маленькими буквами, явно девичьей рукой, было приписано: «Макаров Борис Петрович». Халява перевернула страницу и обнаружила достаточно профессионально выполненный портрет какой-то девушки, скорее всего, той самой студентки, что выводила текст на первой странице. Далее был нарисован, по-видимому, сам Борис Петрович с огромным знаком интеграла в руке. Остальные листы тетради были девственно чисты.

Халява многозначительно взглянула на Витьку и спросила:

– Ну и как, что-нибудь запомнил?

– Да, – честно ответил Витька. – Имя, фамилию и отчество преподавателя.

– Да... Это в нашем деле главное. А ты ещё, к тому же, и название предмета знаешь.

Уперев руки в бока, Халява спросила:

– Ну и какую оценку ты, касатик, хочешь?

– Ну... – Витька явно ещё и сам не знал, какую оценку хочет касатик. – Ну, пять – никто не поверит, три – уже надоело, вот четыре – в самый раз, – решил он.

Халява молча наклонила голову и посмотрела на Добрушева снизу вверх. Витька сразу решил добавить:

– Можно с минусом.

Ещё немного помолчав, Халява наконец произнесла:

– Ладно, четыре так четыре. На экзамен я завтра с тобой зайду. Пиши и говори только то, что я тебе показывать буду...

– Так, а как же...

– Не бойсь, меня никто, кроме тебя, видеть не будет. Чай не первый раз экзамены сдавать помогаю. Много вас таких... образованных. А теперь – спать. Здоровый сон перед экзаменом – залог успеха.

Назавтра Витька решил не высовываться, а потому пошёл отвечать последним. Как Халява и говорила, всё прошло отлично. Сначала она помогла решить задачу, а затем подсказывала ему ответы на все вопросы Бориса Петровича, при этом не забывая делать положенное количество ошибок. То есть Витькин ответ полностью подпадал под критерий «знает на хорошо».

Генка, ждавший друга в коридоре, с пессимизмом в голосе спросил Витьку, когда тот показался из-за двери:

– Ну что, пересдача?

– Четыре балла, – гордо ответил Витька.

– Ну, ты, блин, даёшь... – только и смог произнести Генка, с восхищением глядя на неожиданно поумневшего друга.

Забежав в туалет и проверив, что там никого нет, Витька перевёл дыхание и произнёс: – Ну, Халява, спасибо. Век не забуду.

Розовое облачко с ручками и ножками сидело на подоконнике и беспечно болтало ногами.

– Да ладно, чего уж там. Такова наша работа – учиться помогать, – произнесла ещё более зардевшаяся от удовольствия Халява. – Только помни одно: пользоваться услугами Халявы можно только три раза. Больше трёх – нельзя.

– Ясно, – ответил слегка огорчённый Витька, который уже строил планы на годы вперёд. – Ну да ладно, – махнул он рукой.

– Ну, тады я пошла. У меня дел ещё хватает. Пакедова.

А в это время в аудитории собирал вещи после экзамена молодой преподаватель Борис Петрович.

– Ну, Халява, спасибо, – сказал он, глядя на сидящую перед ним Халяву. В отличие от Витькиной, эта имела сероватую окраску.

– Да ладно, Боря. Что мне, впервой? Помогать принимать экзамены – наша святая обязанность.

– Прямо и не знаю, как бы я без тебя...

– Ничего-ничего, скоро узнаешь, – весело ответила спасительница, – ведь отпущенные тебе десять преподавательских вызовов Халявы уже подходят к концу. Сегодня – девятый.

– Нда... – многозначительно ответил Борис Петрович. – Быстро, однако.

– А ты думал! – Припомнив былое, Халява мечтательно произнесла: – Вот посмотреть бы на тебя, когда б ты сам кандидатскую писал, – и хитро подмигнула.

Борис Петрович пропустил эти слова мимо ушей:

– Ну что, пошли. – Он поднялся. – До скорого свидания, Халява. Свидимся как-нибудь.

– Свидимся-свидимся. Я в этом не сомневаюсь. Ну всё, пока.

В коридоре Борис Петрович столкнулся нос к носу с Витькой.

– Вы, Добрушев, порадовали меня сегодня, порадовали. За ум взялись, я погляжу. Молодец, учитеесь так и дальше.

– Уж постараюсь, Борис Петрович, – ответил Витька, повернулся и побежал догонять Ленку из второй группы.

А в коридор, невидимые никому, одна за одной выходили Халявы различных окрасок и вместе двигались дальше – сессия только началась.

28.11.1998

Жертвы греха

Мне часто снится один и тот же сон. Сон, который заставляет меня вскакивать в холодном поту...

Весь в грязи, пропахший потом и гарью, я врываюсь в небольшой домик. Обычный, ничем не примечательный домик. Да кроме двери я ничего и не вижу, я только знаю: там – Враг. Там тот, из-за кого мы живём в Аду вечной войны. И поэтому я врываюсь в этот дом. Порезы на руках кровоточат, форма ошметками висит на теле, а в руках у меня нож, огромный армейский нож.

Я влетаю в комнату и на миг застываю. Дубовый стол, за которым могли бы поместиться человек двадцать, в центре тускло светит керосиновая лампа. Она могла бы давать и больше света, но то ли из экономии, то ли по другой причине пламя уменьшено до маленького язычка, который борется за право существовать каждую секунду. А за столом, спиной ко мне, сидит человек. Похоже, что взгляд его ловит каждое движение огонька, а разум витает где-то далеко-далеко... Он не слышит грохота, с которым я появился у него за спиной. Не слышит или не желает слышать?

И тут я вновь ощущаю: это – твой Враг. Враг, которого ты обязан уничтожить. И с криком ярости, с пеной берсерка на губах я ударяю ножом ему в спину. Но ярость не лучший помощник – лезвие, скользя по лопатке, находит щель возле ключицы, пронзает слабую плоть и уходит по самую рукоятку.

Уже понимая, что рана не смертельна, я резко выдергиваю нож. Он, Враг, медленно, как в вязком тумане, начинает поворачиваться ко мне. Ага, я достал тебя! Теперь ты понял, что я уже здесь!

Я дёргаю его за раненое плечо, быстрее разворачивая к себе, и вновь втыкаю нож. Я должен попасть ему в сердце, должен! Но, видимо, весь мир против меня... Лезвие вновь съезжает по рёбрам и уходит ниже, протыкая лёгкое.

Кровь льётся из раны в плечо, его руки даже не пытаются подняться и хотя бы оттолкнуть меня, только пальцы сжались в судороге, в мгновение став похожими в этом сумеречном свете на когти.

С криком бешенства я вырываю нож из его плоти, запёкшаяся кровь на моих руках покрывается свежей. Новая порция яда... Я заносу руку для последнего удара и тут...

Солнце жарило немилосердно.

Гэл услышал скрип калитки и повернулся навстречу гостю, отложив очередное полено. Топор он воткнул в бревно возле сарая, снял с двери рубаху и вытер ею пот со лба.

Кузнец Холхо приближался к нему, пробираясь по узким тропинкам между бесчисленных грядок. Старый приятель Холхо, которого обожала вся детвора, девушки просто висли на нём, а он даже не замечал этого, и потому в свои почти сорок лет так и оставался холостяком. Он был здоров как бык, запросто гнул руками подковы на потеху мальчикам, но никогда и мухи не обидел. Казалось, что на его лице всегда играет улыбка, а радость и умиротворённость так и разбегаются от него тёплыми волнами во все стороны.

Но именно сейчас Холхо почему-то был темнее тучи. Ещё издали он помахал рукой Гэлу. Пёс Дрок тоже учуял гостя и выскочил навстречу, молотя себя хвостом по бокам и аж подпрыгивая от нетерпения вылизать ему лицо. Холхо стойко выдержал вылизывание рук, пощекотал Дроку шею, и только тогда собака соблаговолила отпустить его.

Подойдя наконец к Гэлу, Холхо протянул ему руку и произнёс зычным басом, хотя и попытался говорить тише:

– Здорово, Гэл.

– Здорово. Давай вовнутрь зайдём, печёт ужасно. – Гэл вошёл в сарай и сел на доски у стены, а Холхо облокотился о косяк двери, оставшись у порога.

Он явно пришёл не просто поприветствовать старого друга, но подталкивать его к разговору не хотелось. Захочет – сам скажет. А не решится – так оно и к лучшему, наверное.

– Выборы скоро... – наконец выдал он из себя.

– Как всегда, – ответил Гэл, не понимая, к чему клонит кузнец.

Холхо тяжело вздохнул, посмотрел на топор, легко достал его из колоды и повертел в руках.

– Тебе ничего выковать не надо? – произнёс он, разглядывая лезвие.

– Да нет, кажется...

– А то заходи... Я тут мимо проходил, дай, думаю, спрошу, не нужно ли чего Гэлу.

Гэл взглянул на него исподлобья. Нет, что-то с ним сегодня не то творится. Взгляд какой-то растерянный. Не за этим он сюда пришёл, не за этим.

– Как твои дела-то вообще? – спросил он, чтобы поддержать разговор.

– Да... более-менее. Помаленьку. Там коня подкую, здесь кочергу сделаю. Солидных заказов нет давно, – какое-то сожаление чувствовалось в его голосе.

– Ну так радоваться должен! На славу, значит, работу делаешь, раз люди так долго не обращаются.

– На славу, – опять со вздохом согласился Холхо.

Вроде бы он и порывался что-то сказать Гэлу, но то ли опасался расстроить, то ли боялся оказаться непонятым, а потому только мялся и молчал. Гэл в свою очередь и не знал даже, что предпринять. За все годы их знакомства, со времён совместных детских проказ и до нынешних дней, он ещё ни разу не видел, чтобы Холхо был так озабочен чем-то. Да ещё эти постоянные вздохи каждую минуту...

– Как думаешь, кого выберут в этот раз? – тихо спросил Холхо.

Наверное, именно с этим и связано его поведение, решил про себя Гэл. Выборы должны состояться уже послезавтра. Но вот почему это так взволновало Холхо?

– Не знаю даже, – ответил он вслух. – Это Совету решать, на то они весь год и наблюдают за нашей работой.

– Знаю, что Совету, но ведь кого-то они выберут. Знать бы, кого...

Странно, что Выборы так взволновали Холхо. Выборы были всегда, это было как явление природы. Только не стихийное, а происходившее в чётко определённый день каждый год. Каждый год Совет выбирал кого-то из общины, это было не просто привычно, это просто *было*. Было и всё. Гэлу даже и в голову никогда не приходило задуматься о том, кто же будет избран в очередной раз.

А вот Холхо это пришло в голову.

– Как думаешь, меня могут выбрать? – почти неслышно спросил он.

– Тебя?! – изумился Гэл.

– Здравствуйте, дядя Холхо, – раздался вдруг девичий голос позади кузнеца. Холхо отодвинулся и первым делом в сарай заскочил Дрок, сразу кинувшийся вылизывать своего хозяина, будто не видел его много лет. Вслед за псом на пороге появилась Эла в своём белом платье. Она остановилась на пороге, и в свете солнца стала видна её точёная фигурка, просвечивающаяся под тонкой материей.

«А девчонка-то выросла, я и не заметил...» – подумал Гэл, сразу позабыв про последние слова Холхо.

– Папа, мама звала всех в дом. Обед стынет. – Она озорно улыбнулась кузнецу и убежала.

– Что ж, обедать так обедать... – охнув для приличия, Гэл поднялся. – Идём, Холхо. А то ты уже отошл на своей холостяцкой диете. Сейчас моя Клэ покажет тебе, что такое настоящая

стряпня. А вообще, – он похлопал Холхо по спине, – жениться тебе, брат, надо. Дети, они все беды снимают...

Как назло, в день Выборов погода испортилась, и с пасмурного неба сыпал мелкий дождик. Гэл по привычке поднялся рано, но по закону работать в этот день запрещалось, поэтому, позавтракав, он сидел у окна и наблюдал, как свинья катается в свежей грязи, подставляя то один бок, то другой тёплым струйкам воды. Курица со своими цыплятами тоже не была сильно расстроена сменой погоды, малыши норовили убежать каждый в свою сторону, а бедная мамаша разрывалась, стараясь собрать их всех вместе от греха подальше.

«Скотине закон не писан... Что праздник, что будние, знай, живут себе да и всё...»

Наконец время пришло, и Гэл стал собираться. Он надел свою самую красивую куртку и новые штаны, что Клэ прикупила ему на ярмарке. Обняв на прощание жену и поцеловав дочурку, он двинулся к зданию Совета. Дрок было увязался за ним, но Гэл погрозил ему пальцем, и пёс, повесив уши, спрятался в своей будке.

Площадь перед Советом уже была заполнена народом – похоже, не он один изнывал дома от безделья. Тем не менее, по узким улочкам всё прибывали и прибывали новые люди. Сегодня здесь соберётся почти весь их городок. День Выборов!

Дождь не прекращался, но людей он не смущал, в такой день можно пережить всякое. Даже долгое отсутствие Советников не сильно возмущало собравшихся. Каждый нашёл общие темы для разговоров, и площадь Совета была скорее похожа на базарную в день ярмарки. Однако спустя полчаса после обычного срока людей всё больше стало одолевать волнение. И как раз в это время двери здания Совета отворились, и на помост перед домом вышли три Советника.

Сегодня они были облачены в торжественные наряды, чёрные балахоны до земли с красной каймой по краям. На головы были накинuty капюшоны, закрывающие лица, и лишь сквозь специальные прорези в них стоявшие ближе остальных могли попытаться разглядеть холодные и решительные глаза.

Двое Советников стали по бокам помоста, а третий – Главный Советник – вышел вперёд, держа в руках пергаментный свиток – дань традиции.

В тишине, мгновенно обрушившейся на собравшихся, он развернул его. Многие даже смогли расслышать, как хрустнула, разламываясь, сургучная печать.

– Сегодня, в день Выборов, – молодой голос Советника разнёсся над толпой, – мы собрались здесь, чтобы объявить очередных избранников. Их имена записаны в этом свитке, своими деяниями за прошедший год они доказали свою избранность, так пусть же они будут названы! – он обвёл взглядом толпу, и каждый почувствовал в этот миг, как в него впился тяжёлый взор. Выдержав необходимую паузу, Советник крикнул в толпу:

– Семья Гэла-мастерового!

Толпа загудела, крики стали нарастать и перешли в ужасный рёв.

Знакомые и незнакомые руки подхватили Гэла, стоявшего посреди площади, и вынесли прямо на помост. Он, ошарашенный и не верящий в произошедший выбор, стоял на коленях перед Главным Советником. Двое Советников, стоявших до этого по краям, подошли к нему, подхватили под руки и поставили на ноги. Затем ему помогли усесться в празднично наряженную повозку в установленное специально для Избранника кресло.

Возница щёлкнул кнутом, и повозка двинулась в сторону дома Гэла. Беснующаяся толпа с радостными криками расступилась, пропуская её, а затем люди медленно стали уходить с площади, следуя за Избранником.

Через двадцать минут на площади остались только три Советника. Главный проводил взглядом последнего человека, исчезнувшего в узкой улочке, смял в руках свиток, повернулся

и быстрым шагом вошёл в здание Совета. Остальные двое проследовали за ним, и дверь захлопнулась.

Повозка с сидящим в ней Гэлом остановилась на улице перед домом. Гэл и не заметил, как нежные и заботливые руки двух девушек быстро обвязали его веревкой, лишив любой возможности двигаться. Но и желания такого у него не возникало.

Он спокойно смотрел, когда подоспевшая толпа ринулась во двор, сметая забор. Спокойно взирал на то, как успевшие раньше остальных принялись крушить всё, что попадалось под руку.

Дрок, не понимая, что происходит вокруг, сначала выскочил из будки, радостно виляя хвостом, а затем быстро юркнул обратно, почуяв беду. Наружу торчал только его нос, собака жалобно скулила и подвывала, пока пробежавший мимо малец лет десяти не запустил в неё булыжником. Дрок взвизгнул, но не выскочил наружу, и тогда трое парней постарше приволокли тяжелую колоду и вместе сбросили её на будку сверху. В отчаянии собака попыталась выскользнуть, но, получив удар по морде, осталась внутри, когда колода раскрошила будку в щепки, раздавив череп добродушной дворняге.

Мальчик и девочка, совсем ещё дети, носились по двору, хватая цыплят и сворачивая им шеи, бабы втроём волокли за ноги упирающуюся и визжащую на всю улицу свинью.

Гэл спокойно смотрел, когда на шум из дома выскочила Клэ, и Грик, сын её детской подруги, наотмашь полоснул её косой, разрубая тело пополам. Его мать, оказавшаяся рядом, накинулась на Грика с криком, врезала звонкий подзатыльник и кинулась помогать резать свинью.

С треском падали подрубленные деревья в саду, со звоном вылетали выбиваемые стекла... Люди рвали и ломали всё то, что можно было превратить в ничто, в однообразную мешанину.

Ни одна мышца не дрогнула на лице Избранника, когда трое парней и девчонка, лучшая подруга Элы, вытащили его упирающуюся дочку на крыльцо. Она кричала, когда подруга с двумя парнями заставили её упасть и стали держать за руки и ноги. Кричала, когда самый высокий и здоровый из них, мечта любой девушки, стал расстегивать брюки, пытаясь что-то сказать ей среди бушующего смерча из людей. Кричала, когда его плоть вошла в неё. Кричала, не понимая своей Избранности...

Гэл даже не отвернулся, когда молодёжь, вдоволь натешившись с дочерью, методично перерезала её хрупкую шею кухонным ножом.

Смерть и разрушение были повсюду.

Как по команде, все отступили. Несколько мужиков с канистрами быстро облили стены дома бензином и подпалили его. Пламя мгновенно охватило весь дом. Тогда пришёл черёд сарая. Он удостоился той же участи, что и дом, только в нём предварительно широко распахнули ворота. И когда огонь заплясал на крыше, несколько особенно рьяных добровольцев подтолкнули повозку с Гэлом, и она прямёхонько въехала в пылающий ад.

Никто не видел улыбки, которая озарила в этот момент лицо Избранника...

Люди быстро разбрелись по домам. Возле пепелища стоять было уже не интересно.

Один только Холхо стоял у останков ограды и молча взирал на то, что ещё утром было цветущим садом и гостеприимным домом с добрыми хозяевами. Он оттолкнул ногой сломанную калитку и вошёл вовнутрь. Возле дымящегося остова дома опустился на колени, будто пытаясь разглядеть, найти что-то, спрятанное среди золы и пепла... Слеза скатилась из глаза и с шипением исчезла на горячей головешке.

– Что-то ищете, дядя Холхо? – неожиданно раздался сзади звонкий молодой голос.

От неожиданности кузнец резко повернулся. Нет, это был всего лишь соседский мальчишка.

Холхо забыл о слезе, а вот парень заметил мокрые дорожки под глазами.

– О чём вы плачете, дядя Холхо? – участливо спросил он.

Холхо рукавом вытер остатки слёз и, проглотив комок в горле, ответил:

– Я был уверен, что выберут меня... Я ведь почти ничего полезного в последнее время и не сделал...

– Ну, дядя Холхо, не стоит так расстраиваться... Это ведь не последние Выборы, да и вы ещё не старый. Вы ещё тоже сможете ответить за грехи города... – мальчишка с воодушевлением посмотрел ему прямо в глаза.

Холхо отвел взгляд, молча кивнул в ответ и побрёл вверх по улице...

*...И тут я поднимаю лицо... Мои глаза встречаются с глазами моего Врага. Глазами, в которых застыли боль и страдание. Глазами, в которых нет мести, а лишь непонимание и... сострадание. Глазами, так похожими на мои собственные. **Глазами моего брата.***

*Его тело начинает опадать, и мне приходится подхватить его левой рукой. Из рта льётся кровь, глаза заволакивает туманом. Он мог бы выжить, если бы ему оказали помощь. Мог бы. Но тут нет никого, кто бы это сделал, кроме меня. А я... я уже ступил на этот путь, назад дороги нет. Да и я отчётливо осознаю: как бы ни старался я помочь ему, даже имея при себе лучшие препараты, это не поможет. **Моя** помощь ему не поможет. Он умрёт, умрёт в любом случае. Умрёт, истекая кровью.*

И тогда я делаю единственное, на что ещё способен. Со всей силой я опускаю нож! Пальцы ощущают, как сердце последний раз сжалось вокруг появившейся внутри преграды и... отпустило. Его затуманенные глаза расширились, рука схватила меня, и тогда я выдернул лезвие...

Невесть откуда появившийся ветерок всё-таки погасил борющийся из последних сил огонёк в лампе...

18.07.1999

Работа над ошибками

В сентябре 2001 года моя знакомая, в то время ещё никому не известная Ольга Громько предложила мне поучаствовать в проходившем в интернете конкурсе "48 часов" (позднее ставший называться «Рваной Грелкой»). Суть конкурса состояла в следующем: координатор в назначенное время объявляет тему конкурса, после чего все желающие в течение 48 часов (реально было немного больше) пишут свои творения. Затем начинается голосование: каждый участник читает все работы конкурентов и выделяет среди них первые шесть мест. Баллы суммируются, объявляется победитель. Всё чётко, всё просто.

Прочтя в означенное время тему конкурса, я задумался, поговорил с женой. В ходе разговора из старой идеи, которая долго не находила своего применения, родился новый сюжет. Не скажу, что он был заготовкой, нет. Старая идея дала лишь толчок. Дальше всё было придумано на лету. Рассказ был послан на конкурс под двойным авторством. Впервые я написал рассказ в соавторстве вообще и в соавторстве с женой в частности. Кстати, ей пришлось взять мой псевдоним ;-). Удивительно, но рассказ сумел попасть на почётное четвёртое место.

Конкурс прошёл, но ещё долго я переписывал отдельные эпизоды, давал читать многим знакомым, чтобы в итоге получить «вылизанную» версию.

И напоследок: позднее главный герой этого ещё дважды появлялся в других рассказах – в моём собственном не очень удачном «Очередь на жизнь», а также мельком в рассказе Ольги Громько «Замок с секретом».

Оставалось почти семьдесят лет, но что можно сделать за такое ничтожное время?

Мысль проскользнула в мозг новорожденного, да так и осталась без ответа – тело младенца наконец взяло власть в свои руки, отключив сознание чёрта по имени Барток.

Ласковые руки подняли малыша, но он, потревоженный, лишь закричал в ответ...

Ни разу за всю свою жизнь Пётр Васильевич не думал, что конец его будет именно таким.

Вообще-то умирать никто не хочет в принципе, но раз уж избежать этого не дано, каждый в конце концов выбирает себе свой собственный идеальный вариант смерти.

Говорят, в древности любой воин желал встретить свою смерть на поле боя, предварительно отправив в тёмные чертоги как можно большее количество врагов.

Но люди, которых боги не наградили судьбой героя, уже тогда предпочитали умереть во сне. Тихо и благородно уйти на покой, никого не пугая, а главное – не боясь самому.

Вот так и Пётр Васильевич в свои почти семьдесят лет уже давно решил: умереть надо тихо. Так тихо, будто тебя и не было вовсе. Дети давно выросли и разъехались кто куда, жена покинула этот мир двенадцать лет назад. Умри сейчас в своей квартире, и о тебе вспомнят, лишь когда ты в положенное время не появишься в конструкторском бюро.

Именно так хотел умереть Пётр Васильевич. Хотел, но почти незаметно, в один миг всё обернулось совсем по-иному.

Ветер, который не был замечен в течение всего дня, вдруг стал холодными бичами хлестать по лицу. Он будто пытался остановить человека, решившегося на самый последний в своей жизни шаг.

Пётр Васильевич взглянул вниз. Кажется, не так уж это и много – двенадцать этажей.

Принять такое решение было далеко не просто. Ещё тяжелее было его осуществить.

Старик тяжело вздохнул, не отрывая взгляда от спящих внизу фигурок людей. Затем резко вскинул голову, пробормотал совершенно неуместные в данной ситуации слова: «Один раз живём!» и шагнул в бездну.

Когда Пётр Васильевич открыл глаза, первым, что он увидел, было его собственное тело. Мёртвое тело. Тело старика, лежащего в какой-то неестественной, невозможной позе. Только потом до него дошли истошные крики молоденькой девушки, которую угораздило в момент падения оказаться совсем рядом.

Толпа собралась почти мгновенно, люди обступили тело самоубийцы со всех сторон, но подходить к нему близко никто не спешил. Откуда-то вдруг появился милиционер и, не найдя пульс, коротко ответил на немой вопрос в глазах напарника, только что пробившегося сквозь толпу: «Мёртв». Сухо, без эмоций. Простая констатация факта.

Лишь в этот момент Пётр Васильевич осознал, что же происходит. Он резко отшатнулся от тела, недавно повиновавшегося его желанием, и только тогда взглянул на себя, на собственные руки. Руки были такими, какими он их помнил. Морщинистыми, с длинными тонкими пальцами и белым шрамом на левом указательном. Точно такими же, как у лежавшего на тротуаре старика. Вот только крови на них не было.

Странно, но именно теперь пришло полное спокойствие.

Выходит, не ввали люди, что жизнь смертью не кончается.

Послышался звук приближающейся сирены. К подъезду подкатила скорая, врачи выскочили из ещё не остановившейся машины, но милиционер опередил их:

– Это уже не ваш клиент.

Пётр Васильевич смотрел на всё это как-то отстранённо, будто происходящее совершенно его не касалось. Да и как оно может его касаться, если лежащий на асфальте труп – лишь труп, груды мяса? Он, Пётр Васильевич, уже не там. Вот он, рядом! Однако никто его, естественно, не замечал.

– Ладно, и что дальше? – спросил он, косясь на небо. Никакой коридор со светом в конце и не думал появляться. – Где, где он – этот свет в конце туннеля? – вновь задал вопрос в пустоту Пётр Васильевич. Ответом ему служили лишь причитания вездесущих старушек вокруг трупа, который уже успели накрыть простынёй. – Даже черти не явились, – с непонятным сожалением добавил он, – самоубивец всё же...

Он в последний раз обвёл взглядом толпу случайных очевидцев, потом сплюнул на землю и произнёс в сердцах: – Ай, даже умереть толком не удалось, – и двинулся сквозь толпу в сторону автобусной остановки.

Боль оказалась ещё сильнее, чем чёрт мог себе представить. Барток сразу же схватился рукой за покалеченную щеку. Сквозь пальцы на пол потекла кровь.

Будь эта рана нанесена кем-то другим, она зажила бы минут за десять, максимум за полчаса. Но эта, оставленная когтем самого Властелина Ада, останется с чёртом навечно. Зарастёт, конечно, но шрам на лице теперь постоянно будет напоминать Бартоку о его провинности.

Да и было бы за что! Ну, подумаешь, не забрал душу грешника, как это положено. Ну и чёрт с ним, в конце-то концов. Что у нас, мало этих грешников? Одним больше, одним меньше...

– Тебе где было положено быть? – проревел на молодого чёрта Сатана, отрывая руку Бартока от раны и заставляя того взглянуть себе в лицо. – В глаза смотри! Умел с друзьями развлекаться, умей и ответ держать!

Барток обречённо смотрел на Властелина, не осмеливаясь даже моргнуть. Но на вопрос так и не ответил.

Сатана прошествовал к дальнему концу комнаты. Там он обернулся и вновь, уже тише, спросил Бартока:

– Молчишь? Нечего сказать?

Молодой чёрт молчал.

Сатана снова подошёл к нему вплотную и громко, раздельно выговаривая каждое слово, повторил свой вопрос прямо в ухо замершего от страха Бартока:

– Где?! Ты?! Должен был?! Быть?!

Вся шёрстка мигом вздыбилась на теле провинившегося. И даже хвост встал торчком.

– На посту! – отчеканил он. – Ожидать вызова. При поступлении такового срочно явиться на место и забрать новую грешную душу к нам.

– Вот-вот, – уже мягче ответил Сатана. – А ты где был?

Барток потупил взор.

Властелин сокрушённо продолжил: – Этот Савченков П.В. по всем законам должен был стать нашим! Сам знаешь правило про самоубийц. Эти, – он указал пальцем вверх, – по этому правилу взять его не могли. Всего делов-то – забрать вовремя! А теперь – всё! Срок вышел, и душа, никем своевременно не оприходованная, так и будет слоняться по Земле, пока сама не сойдёт на нет... Да что я тебе говорю?! – в сердцах выкрикнул он.

Взгляд Сатаны стал последним гвоздём в крышке гроба несчастного чёрта. Вынесенный им приговор не имеет обратного хода. Властелин Ада отвернулся, и, выдержав томительно-бесконечную для Бартока паузу, бросил через плечо:

– С завтрашнего дня поступаешь в распоряжение Корвала-чистильщика. Будешь исполнять всё, что он прикажет.

Мир зашатался и рухнул перед глазами Бартока. Хуже чистильщика в Аду была только одна должность – его помощник.

– Это будет твоей работой ближайшие три тысячи лет.

Властелин взмахнул когтистой рукой и исчез в клубах серного дыма.

В баре «Между Раем и Адом» стоял привычный шум. Официантки-бесовочки резво и безостановочно сновали между столиками, принимая и разнося заказы. Завсегдатаи предпочитали места у стойки. Пусть не так комфортно, зато открывается удобный вид на весь зал, можно перекинуться парой-тройкой слов с барменом.

В другой день Барток тоже с радостью покалякал бы с одноруким Джо, который уже много лет был фирменным знаком заведения, но теперешнее настроение – вернее, полное его отсутствие, – к этому не располагало.

Поэтому он уединился в самом дальнем и тёмном углу, сев за столик на две персоны. Как из-под земли рядом выросла миловидная бесовочка.

– Чего подать? – с улыбкой на лице прочирикала она, показав ровные зубки со слегка выступающими клыками.

– М-м-м... – промычал Барток, сиюсь прочесть имя у неё на блузке. – Эллочка, – наконец разобрал он, – виски...

– Минутку, – уже разворачиваясь, ответила Эллочка.

– И водки, – добавил чёрт.

Бесовочка снова обернулась к нему и сделала запись в блокнотике.

– Закуска? – она вопросительно взглянула на Бартока.

– А на закуску – «Кровавую Мэри»! – вдруг ни с того ни с сего рявкнул чёрт.

– Фи, – ответила Эллочка, ничуть не уязвлённая таким отношением, и гордо удалилась.

Когда два из трёх заказанных напитков уже были выпиты, возле столика появилась смутная тень. Барток прихлебнул из недопитого бокала, и тень приняла вполне чёткие очертания, оказавшись никем иным как демоном Брагом.

– Проблемы, малыш? – спросил он, бесцеремонно устраиваясь в пустовавшем кресле возле стола.

Браг был одним из немногих демонов, слову которых должен был повиноваться почти каждый в Аду. Он проворачивал самые тёмные и грязные делишки. Многие из них сомнительно балансировали на грани разрешённого даже для обитателей этого не отличающегося приличием мира. Кое-кто поговаривал, что Сатана терпит его выходки только по той причине, что и сам пару раз обращался за помощью к Брагу. Если уж сам всемогущий Властелин искал помощи у этого демона...

Тем более странным показалось Бартоку появление этой личности именно перед его столиком. Ведь Барток в недавнем прошлом был всего-то простым чёртом, а теперь и вовсе стал помощником чистильщика.

– Ты, кажется, не расслышал моего вопроса? – поинтересовался Браг, ощерив свои клыки. – У тебя проблемы?

– Уже нет. Какие у помощника чистильщика могут быть проблемы?

– Действительно, никаких. Кроме его положения! – подмигнул в ответ демон.

Барток уныло посмотрел на нежданного собеседника и сделал изрядный глоток «Кровавой Мэри».

Демон тем временем приподнялся и щёлкнул пальцами. Эллочка появилась почти мгновенно.

– Вот что, милашка, – проговорил Браг, ущипнув бесовочку за округлую попку. – Выпивки и жратвы для меня и моего друга, – он кивнул в сторону Бартока.

– Сию минуту, – проворковала Эллочка и исчезла. Спустя всего какое-то мгновение она появилась снова и быстро расставила заказанное на столе.

– Спасибо, цыпочка, – поблагодарил Браг и сделал попытку снова ущипнуть её, однако Эллочка со смешком искусно увернулась от него и исчезла за барной стойкой.

Демон сделал изрядный глоток из своего бокала, оторвал зубами кусок ещё дымящегося мяса и с набитым ртом снова обратился к молодому чёрту.

– Вот что, брат...

– Я тебе не брат, – зло буркнул Барток.

– Брат, не брат – какая, к чёрту, разница? – спросил ничуть не обидевшийся демон. – Главное – я именно тот, кто сможет решить твою проблему!

– Это как? – хмуро поинтересовался Барток. – Вместо меня к Корвалу работать пойдёшь?

Браг громко расхохотался в ответ на его слова: – А ты, малый, шутник! Молодец! Нет, работать я за тебя не буду, уж не обессудь. А вот избежать этой работы могу помочь.

– А не врёшь? – в глазах молоденького чёрта зажглась надежда. Карьера, которая только только началась, теперь провалилась из-за обыкновенной халатности. А тут – возможность исправить сделанную ошибку.

– В данном конкретном случае – нет, – честно признался Браг.

– А какой тебе-то резон? – засомневался вдруг Барток. – Тебе-то к чистильщикам идти не надо. Какой же тебе прок мне помогать?

– Ну, малыш, – демон похлопал чёртика по плечу, – мне резон есть. Уж поверь мне. Лишь бы ты не оплошал...

«Сразу ведь чувствовал, что дело нечисто», – подумал Барток, как только осознал, где оказался.

Единственное решение проблемы! Самые совершенные технологии! Стопроцентная гарантия! Красноречию Брага тогда не было предела, так он хотел уговорить Бартока принять участие в этом сомнительном эксперименте. Ну и где эта стопроцентная гарантия теперь?

Барток попытался двинуться, но мышцы ещё плохо подчинялись желаниям, а потому движение получилось каким-то странным.

– Доктор, смотрите, он двинулся! – раздался радостный вопль.

– Спокойнее, мамаша. А вы думали – это кукла? Это живой человечек, – услышал чёрт добрый голос доктора. Мужские руки подняли младенца в воздух. – Имя-то хоть придумали уже своему богатырю?

– Андрюшенька это, Андрейчик, – проворковала новоявленная мамаша.

«Какой я тебе Андрюшенька?» – хотел крикнуть Барток, но раздался совсем не тот звук, которого он ожидал.

– О! Уже и говорит, – провозгласил доктор. – Держите вот так, – он передал кулёк мамаше, – посмотрите на своё чудо.

Барток на эту человеческую женщину смотреть не имел никакого желания, а потому попытался хотя бы закрыть глаза. К его удивлению это удалось ему без проблем.

Мамаша сразу же начала убаюкивать его, решив, что он засыпает. А Барток вновь смог предаться своим горестным мыслям.

Вот ведь угораздило! Дал Сатана помощника... Договаривались как? Закидывают они меня человеком на Землю незадолго до злосчастных событий, я быстренько нахожу этого Савченкова П.В., произвожу все надлежащие процедуры – и всё! Дело сделано, к чистильщикам меня уже не за что отправлять! А теперь что? Какую там дату этот доктор называл? Про самую счастливую страну на свете помню, Андрюшкой вот назвали – тоже помню... а какая же дата? Ой, ёлки зелёные, а как же я этого самоубийцу-то найду? Только и знаю о нём, что фамилию да инициалы. Ни место, ни дату смерти... хотя нет, вот как раз дату и знаю. Но толку-то теперь?

Лежать в одной позе было неудобно. Он попытался шевельнуться, но привело это лишь к тому, что мамаша стала качать его ещё более настойчиво.

«Чтоб тебя!» – мысленно выругался Барток. Больше он решил не предпринимать попыток двигаться.

Стопроцентная гарантия! Где эта гарантийная мастерская, которая теперь вернёт его в нужное состояние? Чёрт бы вас всех побрал...

Мамаша вдруг качнула его уж слишком резко. От неожиданности Барток раскрыл глаза.

– Ну, спи, малыш, спи... – склонилась над ним «мама».

«Ща, только штаны подтяну», – подумал в ответ Барток. Но тут он услышал ещё кое-что. На стене висел радиоприёмник, и именно его звук донёсся сейчас до чёрта в теле младенца. Он начал вслушиваться в речь, не обращая внимания на мамашу, с усердием пытавшуюся убаюкать своего малыша.

«Вот оно!» – наконец воскликнул он внутри: «Это будет, это будет... Да чтоб ты сдох, Браг! Чтобы тебе всю жизнь в помощниках помощника чистильщика ходить! Я же ничего не знаю об этом Савченкове!"

Оставалось почти семьдесят лет, но что можно сделать за такое ничтожное время?

Вдруг будто что-то щёлкнуло, и бесовское сознание покинуло тело младенца. Малыш зашёлся плачем на руках у своей мамы...

Двое запыхавшихся мальчишек проскользнули в щель между домом и сараем.

– Ой, – вскрикнул забежавший первым невысокий шупленький паренёк лет тринадцати.

– Да тише ты! – шикнул на него второй, выглядывавший в это время во двор.

– Так крапива тут, – начал оправдываться его товарищ.

– Уж лучше крапива, чем эти, с Петрозаводской... – пробормотал второй, выглядывая из-за угла сарая на улицу. – Фу, пронесло. Они в сторону Карповской понеслись, – он наконец

взглянул на своего друга, потиравшего голые колени. – Да ладно тебе, Петька! Пройдёт, не боись.

Этот второй был примерно того же возраста, что и первый паренёк, но вид имел более боевой. Да и ссадин на руках и ногах у него было не в пример больше.

– Ага, тебе, Андрюха, хорошо, на тебе быстро всё зарастает, а у меня потом по месяцу сыпь держится, – пробубнил в ответ Петька.

– Ну и нечего было лезть! – зло проговорил боевой Андрюха. – Бежал бы себе дальше по улице от этих придурков.

– Да пошёл ты! – выругался Петька.

– А я и так уже ухожу, – ответил Андрюха и вылез из щели во двор.

Петька подулся некоторое время, а затем тоже полез на улицу за другом. Когда они на бешеной скорости залетели за этот сарай, он почему-то и не заметил, сколько тут навалено всякого хлама. Выбираться получалось значительно медленнее.

Петька споткнулся обо что-то и чуть не ударился носом о землю. Он еле успел выставить руку перед собой, но тут же взвыл: рука ударилась о какой-то камень.

– Ну скоро ты там? – раздался голос Андрея. – Или мне одному домой возвращаться?

– Сейчас, – ответил Петька, рассматривая своего обидчика – небольшой бурый ноздреватый камень. Он быстро сунул его в карман и выскочил на улицу.

– Гляди! – Петька протянул находку другу.

– Ну и что это? Камень как камень... – буркнул Андрей.

– Да ты посмотри, ты ещё такие видел хоть раз?

– Ну... – засомневался Андрей.

– Вот то-то! – обрадованно воскликнул Петька. – Знаешь, – уже тише начал он, – а может, это камень с другой планеты?

– Ага, с Луны. Или с Марса, – скептически заметил вихрастый Андрей.

– А что?! Хоть бы и с Марса. Вон, помнишь про Тунгусский метеорит?

– Так тот какой огромный был!

– Тот – огромный. А другой запросто может быть меньше. Вот как этот. – Петька снова выставил находку перед собой, рассматривая её в лучах заходящего солнца.

– Ладно, уговорил, это самый настоящий кусок марсианского грунта, – произнёс Андрюха, глядя куда-то вдаль. – Домой уже пора. А то влетит нам обоим.

– Точно, – согласился Петька, – пора. – Он ещё раз посмотрел на свою находку, а потом спрятал камень в карман и двинулся за Андреем, который уже скрылся в арке.

А через год Петька со своими родителями уехал в другой город. Петькин отец был инженером на военном заводе, и его вместе со всем производством перебрасывали на новое место.

Перед самым отъездом Петька забежал к Андрею. Попрощаться.

Конечно, Андрей понимал, что у каждого человека своя собственная жизнь, но всё же тяжело было расставаться с другом, с которым столько всего пережито. Четырнадцать лет – это ого-го! Не хотелось ни о чём говорить. Он даже не просил, чтобы Петька написал ему с нового места. Кстати, он так и не выяснил, куда же уезжает Петькина семья. Да и так ли уж это важно?

– Не смотри ты на меня, как на бандюгу! – воскликнул Петька, уставший выносить насупленный взгляд друга.

– Я не смотрю на тебя, как на бандюгу, – почти без интонации в голосе ответил Андрей.

– Нет, смотришь! – Петька подскочил и стал мерять шагами комнату. – Что я, виноват, что мы уезжаем? Думаешь, тебе одному тяжело?

Андрей молчал, тупо рассматривая за окном мокрый после дождя асфальт.

Огромные напольные часы звонко ударили в углу, возвещая окончание очередного часа.

– Ну вот, мне уже и идти пора, – расстроено пробормотал Петька. – А попрощаться так и не смогли по-человечески...

– А что нам надо было – обняться и поплакаться друг другу в жилетку? – не оборачиваясь, спросил Андрей.

– Да по... – Петька не окончил фразу. – К тебе как к другу, а ты...

Андрей продолжал смотреть в окно.

– Ну и сиди! Прощай! – крикнул Петька ему в спину.

Что-то стукнуло по столу, а затем хлопнула дверь. Только через пять минут Андрей обернулся. На столе лежал тот самый кусок марсианского камня.

Такси удалось словить очень быстро. Теперь с этим не было никаких проблем, не то что в прошлые времена. Раньше остро стояла проблема транспорта, теперь на первый план вышла проблема денег: их у населения было маловато.

Большинство сверстников Андрея Валентиновича жили на мизерные пенсии, которые государство ещё и не выплачивало в срок. Кто-то подрабатывал честным трудом или хотя бы собирал бутылки в сквериках, другие же опустились до нищенства. Но даже глядя на самого отвратительного бомжа, Андрей Валентинович всё равно восхищался волей к жизни у этих немощных семидесятилетних детей.

Наверное, будь Андрей Валентинович просто человеком, он бы даже посочувствовал им. А так он просто восхищался. Безо всякой жалости.

Знание накатило примерно три года назад. Это знание было как ушат ледяной воды. Прожить шестьдесят пять лет и вдруг узнать, что ты не обычный человек, а чёрт в человеческом обличье. Согласитесь, такое принять спокойно просто невозможно. Но одно дело, когда тебе расскажет об этом кто-то другой – ему можно просто не поверить. И совсем другое дело, когда такое знание пробуждается прямо в тебе со всеми воспоминаниями доминирующей личности. Личности, которая до поры до времени спала внутри. Тут уж тяжело не согласиться.

Конечно, можно решить, что тебя не миновала чаша сумасшествия, но Андрей Валентинович был человеком другого склада. Он принял. Принял всё без остатка. Да и если признаться честно, тут ситуация несколько иная была. Это не Андрей принял в себя личность Бартока. Это Барток заявил: я – Барток, а ты, парень, – тоже я, только во сне.

Но полностью искоренить в себе человеческую сущность Бартоку всё же не удалось. Для всех окружающих он всё так же оставался Андреем Валентиновичем.

Когда внутренние миры двух сущностей наконец пришли в согласие, в теле пожилого человека на полную катушку заработал нестареющий разум чёрта Бартока.

Во-первых, до нужного момента оставалось совсем немного, всего-то три года. Так что теперь можно было сказать, что Браг не обманул его хотя бы в этом.

Во-вторых, надо было срочно найти этого самого Савченкова П.В., о котором и сам Барток, и его человеческая сущность Андрей не знали ровным счётом ничего, кроме даты смерти.

Всеми мыслимыми и немыслимыми способами Барток взялся за решение задачи. Сначала он создал себе материальную базу для поисков. Благо, времена поменялись, теперь при наличии должной смекалки и отсутствии страха за своё предприятие (что, согласитесь, немаловажно) можно было за короткий срок сколотить приличные деньги.

Многие молодые нувориши на первых порах с удивлением смотрели на не по возрасту резвого старичка, но затем, замечая его успехи, прониклись уважением. Всего за три года Андрею Валентиновичу удалось поднять на ноги фирму, которая имела филиалы во всех крупных городах бывшего Советского Союза. Но даже самые осведомлённые люди в фирме – его заместители – и помыслить не могли, что вся эта канитель проводилась ради единственной цели: найти одного конкретного человека.

За деньги в этом мире можно было сделать всё. Поэтому дальше уже стоял только вопрос времени, которого оставалось совсем немного. Правда, и этот вопрос решился успешно, когда немалые суммы всё тех же денег перекечевали в нужные карманы. И то, что в самом начале казалось нереальным для решения даже за семьдесят лет, теперь решилось за каких-то три года.

И сейчас, в этот самый день «Ч» («М», или как там его ещё называют люди?) чёрт в человеческом обличье ехал в такси по незнакомому городу. Разосланные по всей стране агенты донесли: разыскиваемый Савченков Пётр Васильевич находится именно здесь. Проживает в двенадцатиэтажном доме. В настоящее время находится в своей квартире.

На этих агентов он израсходовал почти все свои деньги. Он продал все свои акции. Но дело того стоило. Цель была близка. А всё остальное чёрта Бартока уже совершенно не интересовало. Андрея, растворившегося в личине жителя Ада, в общем-то, тоже, хотя он и сумел заставить Бартока отдать все оставшиеся средства на благотворительные нужды (иначе бы всё досталось неизвестно кому: наследниками Андрей так и не обзавёлся).

Судьба – странная штука. Кто бы мог подумать, что Петька, лучший друг детства Андрея, окажется той целью, ради которой и прибыл в этот ужасный мир Барток? Знать бы это заранее, и поиск оказался бы значительно более простым. Хотя, Андрей всё равно не знал новой фамилии Петьки, которую тот взял по матери.

А теперь оставалось самое простое: дожидаться, когда Петька спрыгнет с крыши, и быстро оприходовать его тёпленькую душу.

– Далеко ещё? – спросил Андрей водителя, одновременно сверяя показания счётчика и остатки денег в кармане.

– Да нет, папаша, всего пару кварталов.

– Это хорошо, – пробормотал Андрей Валентинович и прикрыл глаза.

И в этот момент водитель с диким криком резко нажал на тормоза. Такие шуточки не для пожилого человека. Андрей головой врезался в стекло и почувствовал, как по лбу поползла струйка крови.

Прямо перед ними стоял потрёпанный «Мерседес», из которого уже выскочил водитель и склонился над телом перед капотом.

– Папаша, с вами всё нормально? – спросил сбоку таксист.

– Да, сынок, всё нормально. – Андрей Валентинович вытер кровь рукавом и открыл дверь, выбираясь на воздух. Таксист уже подбежал к стоявшей впереди машине.

Кое-как Андрей Валентинович подковылял к месту происшествия. Перед «Мерседесом» лежал мужчина средних лет. Таксист пытался делать ему искусственное дыхание, а другой мужчина, по-видимому, водитель «Мерседеса», стоял рядом и причитал:

– Он выскочил неожиданно... я не видел его... я не мог увидеть его!

Таксист оторвался, приложил ухо к груди пострадавшего, после чего стал пытаться запустить сердце.

Андрей взглянул по сторонам. Проезжавшие мимо машины притормаживали, да и на тротуаре начала собираться группа любопытных.

И тут Андрей заметил мерцающую фигуру, стоящую в отдалении. Несомненно, это была душа лежавшего перед «Мерседесом» человека. Значит, таксист старается уже напрасно. За столько лет Барток отвык от вида душ умерших. Тем не менее, он спокойным шагом направился к этой. Пока ещё рядом с ней не было видно ни ангела, ни беса, но любой из них мог появиться с минуты на минуту.

– Ну что, сам виноват? – обратился он к душе, уныло созерцавшей происходящее на дороге. – Как думаешь, куда тебя теперь – в Рай, – Барток указал пальцем в небо, – или же в Ад? – он опустил палец вниз.

Душа никак не прореагировала на его слова.

– Эй, я к тебе обращаюсь! – с тревогой в голосе проговорил Барток в теле Андрея.

Душа всё так же не замечала его, а потом и вовсе двинулась сквозь Бартока, пытаясь подойти чуть ближе к месту трагедии. Тут-то и появился проводник. Душа оказалась счастливой. В ярком свете ангел утянул её на Небо.

– Не может быть... – прошептал Барток. – Не может быть... он не видел меня... – и кинулся бегом по улице.

Правда пришла так неожиданно, что ошеломила даже служителя Сатаны. Да, он нашёл того, ради кого прибыл в этот мир, но все его поиски были напрасными. Какой толк в том, что этот Савченков совсем рядом, когда он просто не сможет забрать его душу? Души не видят чёрта! Не видят чёрта в теле человека!

Молодой Барток в этот момент всю кутит со своими друзьями и знать не знает ни про каких самоубийц. А этот Барток знает, но грош цена теперь его знанию!

Петька убьёт себя, как это уже было один раз, семьдесят лет назад, и никому, никому не дано исправить раз допущенную ошибку!

Разум понимал всё это, но ноги сами собой понесли тело старика к отпечатавшемуся в мозгу адресу. Последние купюры он отдал какому-то пацанёнку, указавшему ему путь к нужному дому. Вот уже та самая улица, вон в конце видна заветная двенадцатиэтажка.

Как молодой он взлетел по лестнице, без лифта, к выходу на крышу. Оставалось всего несколько минут, но что он теперь сможет сделать?!

И перед тем, как выйти на воздух, чёрт нашёл единственное решение, свой последний шанс исправить ошибку.

Петька стоял на краю и смотрел вниз. Как же он постарел за эти годы. Если бы Андрей не был уверен, что видит перед собой старого друга, ни за что бы не узнал.

– Эй, – окликнул Андрей старика, уже взобравшегося на парапет.

Старик вздрогнул и оглянулся.

– Не подходите, я сейчас прыгну, – пробормотал он. Сильные порывы ветра заглушили его слова, но Бартоку не надо было их слышать, чтобы всё понять.

Он как-то странно улыбнулся и сам запрыгнул на парапет.

– Что ж, дело твоё. Прыгай.

Старик посмотрел на него как на идиота: – Ещё один шаг, и я обещаю вам – я прыгну.

Барток посмотрел вниз, плюнул и проследил за улетающим плевком.

– А что, высота вполне. – Он вновь взглянул на Петьку, такого старого Петьку. – Так ты не обещай, Петька, ты возьми и прыгни.

Савченков Пётр Васильевич продолжал смотреть на незнакомца, взявшегося невесть откуда. Казалось, своё имя он просто не расслышал.

А Барток продолжал:

– Ты думаешь, прыгнуть вниз – проще всего? Что это разом решит все твои проблемы? – Пётр Васильевич молчал. – Если честно, ничего сложного в этом поступке нет. Совершенно ничего. И ты даже можешь это сделать, в этом я не сомневаюсь ни минуты. Но вот что будет дальше – ты знаешь? Я – знаю. А вот ты? Ты можешь сказать, что случится потом? Боль – этого почти не будет. Всё произойдёт мгновенно. Но что потом?

– Когда – потом? – со страхом спросил старик.

– Потом, когда наступит смерть?

– Вы... вы о чём?

Барток резко развёл руки, опасно балансируя на краю:

– Ну неужели ты не слышал про Ад и Рай? Слышал?

Старик согласно кивнул.

– Ну вот, – продолжил Барток. – А куда попадают самоубийцы?
Старый Петька потупил взор.

– Ага! Вижу, что знаешь. Так неужели ты хочешь этого? – Савченков всё так же смотрел вниз и теребил полу пиджака. – А это, – Барток указал рукой на крышу и далёкий асфальт внизу, – это, Петька, действительно сделать очень просто, – и с этими словами он шагнул вниз.

– Нет! – вскрикнул старик и дёрнулся к тому месту, где только что стоял его странный собеседник.

Глухой удар снизу был ему ответом.

Ошарашенный всем произошедшим, старик спустился с парашюта на крышу.

Перехода Барток не почувствовал. Казалось, только он шагнул с крыши, и вот он уже в компании своих дружков.

Да, это была та самая вечеринка, из-за которой он проморгал душу Савченкова П.В. Но в ближайшее время душа Петьки не появится в загробном мире. В этом Барток теперь был уверен.

– Эй, Барток, ты чего пригорюнился? – крикнул ему кто-то и запустил бутылкой: – На, развеселись!

Барток словил бутылку и удалился с ней в тишину коридора.

«Значит, память у меня останется...», – подумал он, отхлебнув.

«А ты хитёр». Голос раздался прямо в голове у Бартока. Он похолодел, прекрасно вспомнив этот голос. Голос Властелина. «И твоя хитрость спасла тебя, ты остаёшься на своём месте. Пока. А вот с Брагом и его экспериментами придётся разобраться».

Барток облегчённо вздохнул. Значит, он старался не зря.

«Но память у тебя останется, в этом ты прав», – и Властелин зло расхохотался у него в мозгу.

Барток почувствовал, что на лице что-то засадило. Он провёл ладонью по щеке и с удивлением обнаружил на ней свежий шрам. Шрам от когтя Сатаны.

Когда старик спустился вниз, там уже собралась изрядная толпа. Милиционеры отгоняли особо любопытных до крови зрителей.

«Это, Петька, сделать очень просто». Эти последние слова странного незнакомца всё так же звучали у него в мозгу.

Возле тела на корточках сидел человек в штатском. Он поднялся и подошёл к кутившему рядом офицеру: – Вот, это всё, что у него нашли в карманах, – произнёс он и протянул ладонь с какими-то предметами на ней.

Старик потянулся, чтобы увидеть лежавшие на ладони вещи незнакомца.

В его карманах они нашли горстку мелочи, грязный носовой платок, спички, мятую полупустую пачку «Золотой Явы» и бурый ноздреватый камень – кусок марсианского грунта...

30.09.2001, 25.11.2001

Наша игра

– Так, вы вот здесь располагайтесь, – помощник режиссёра бегал от одной группы людей к другой, указывая всем их места.

– Товарищ Комаренко, Николай Петрович, – тоненьким голоском закричала появившаяся в дверях девушка. Помощник бегом кинулся туда:

– Ну что тебе, Сазонова?

– Тут ещё одна группа пришла. Требуют, чтобы к режиссёру отвела. Ну, я к вам, как вы и говорили...

– Молодец, Сазонова. Сейчас я подойду. – Он вновь повернулся к брошенным людям. – Значит, вы сидите здесь, по моей команде, вот такой, – он изобразил хлопок руками над головой, – вы начинаете хлопать и кричать «Ура!» Ну, и что ещё сами придумаете. В общем, вы сами понимаете: вы – группа поддержки. Главное – не перепутайте, чья именно.

Выскочив в коридор, он нос к носу столкнулся с солидным пожилым мужчиной, который отталкивал хрупкую Сазонову, пытаясь ворваться в аудиторию. Но второй помощник режиссёра была непоколебима.

– Это вы хотели видеть режиссёра? – Комаренко сразу понял, что нападение в данном случае будет лучшим тактическим приёмом.

– Вы – режиссёр? – ответил вопросом на вопрос седовласый мужчина.

– Так вы хотите видеть режиссёра или нет?

– Да. Понимаете, я ректор данного учреждения. А вот эти люди, – он указал на своих спутников, – это мои...

– Меня это не интересует, – прервал его Комаренко, – чего вы хотите?

– Как это чего я хочу? – возмутился ректор. – Я хочу, нет, я просто должен присутствовать на шоу!

– Извините, но все места уже заняты, – сказал помощник, как отрезал. Считая, что разговор закончен, он повернулся спиной к ректору, намереваясь скрыться в аудитории, однако огромная волосатая рука резко развернула его.

– Позвольте. Я повторяю – я *ректор* данного учреждения, и вы просто обязаны найти мне место. Мне и моим заместителям. – Наклонившись совсем близко к лицу Комаренко, так, что тот почувствовал резкий запах чеснока изо рта ректора, он произнёс почти шёпотом: – Знаете ли, у меня много знакомых на телевидении, и я могу сказать кое-кому, что некоторые...

Комаренко резко оттолкнул его и обратился к Сазоновой, ретиво сдерживающей проректоров: – Посмотри, пожалуйста, куда можно пристроить этих товарищей... – Ректор свирепо зыркнул на него, – э... господ ректора и его заместителей.

– Спасибо за оказанную помощь, – лицо ректора расплылось в улыбке.

– Час до съёмки, – раздалось из репродуктора.

– Участники! Где участники?! – голос Комаренко уже срывался, помощник режиссёра тяжело дышал. От яркого света юпитеров он взмок, рубашку уже можно было выжимать. – Что же это такое? Час до съёмки, а участников всё ещё нет! Сазонова! Сазонова!

– Да, – запыхавшаяся Сазонова появилась в дверях.

– Быстро найди участников! Если их не будет через пятнадцать минут, я не знаю, что я здесь сделаю!

– Поняла, Николай Петрович, – Сазонова моментально исчезла в проеме.

Комаренко повернулся к сцене.

– Где микрофоны? Микрофоны где, я спрашиваю? Где Прелов?

– Да здесь я, – звукорежиссёр возник прямо из-за спины. – Здесь. Несём мы уже микрофоны. Сейчас всё тип-топ будет. Вы же меня знаете, Николай Петрович, не подведу.

– Смотри у меня, – Комаренко погрозил ему кулаком.

Через пять минут Сазонова начала запихивать в аудиторию людей и подталкивать их к стоящим в центре сцены столам. Три стола были составлены вместе и были обращены лицом к остальным, стоящим отдельно.

– Вот, Николай Петрович, это комиссия. А вот этот маленький, – она указала на невысокого щупленького человечка с полностью белой шевелюрой, – это председатель.

Председатель сидел посередине за составленными вместе столами. У него дёргался один глаз, по лицу градом катился пот, и он постоянно протирал лоб платком, быстро пришедшим в полную негодность.

– Это – председатель? – заорал Комаренко. – Да он же трясется, как паралитик! Он вообще до съёмки доживет?! Или откинет копыта прямо в прямом эфире?!

Председатель, услышавший такие эпитеты в свой адрес, сжался ещё больше, от нервного напряжения у него задёргался второй глаз, и он стал периодически трясти головой.

– Это же мартышка в цирке, а не председатель! – не унимался помощник режиссёра. – Я не собираюсь опозориться перед всеми зрителями! Немедленно замените его на более спокойного.

– Но... Ведь его назначают заранее, – Сазонова даже не знала, что и сказать, – мы не можем его вот так просто заменить...

– А меня это не интересует! – оборвал её Комаренко. – Но его я снимать не буду, уберите его! И быстро!

Двое работников сцены подхватили председателя под руки и вынесли из аудитории. Вместо него Комаренко выхватил первого попавшегося из числа зрителей:

– Вот вы будете председателем комиссии. Выглядите вы достаточно спокойным.

– Но ведь я в этом совершенно ничего не смыслю. – Молодой человек попытался сопротивляться, но Комаренко нашёл жертву и не собирался с ней так просто расставаться.

– Вам и не нужно разбираться. Сидите, слушайте, задавайте вопросы. И вообще, вы не один в комиссии. Вам помогут.

– Но...

– И никаких «но»! – С этими словами Николай Петрович запихнул упирающегося «председателя» на его место. Остальные члены комиссии ухватили его за руки и зашикали, боясь, что разъярённый помощник режиссёра выпроводит и их из аудитории под горячую руку.

– Отлично, – Комаренко довольно потёр руки, – с этими разобрались. А где остальные участники? – Он повернулся к Сазоновой и вопросительно посмотрел на неё.

– Их сейчас доставят. Понимаете, они решили перед экзаменом немного «принять» для храбрости. Сейчас их приводят в порядок.

– Что?! О, Боже, пьяные участники! Кого мы снимать будем?!

– Не волнуйтесь, Николай Петрович. Вы что, забыли, как студентом были? – Сазонова хитро подмигнула. – Они не пьяны. Вернее, они как раз в том состоянии, чтобы сдавать экзамен. А вот, кстати, и они. – Она рукой указала на появившихся в дверях студентов.

Студенты шли бодро, даже, можно сказать, весело. И их никто не поддерживал, а это главное. Все были в отличных костюмах, специально заказанных для этого дня у лучших модельеров. В углу сразу защёлкали вспышки фоторепортёров.

Студенты расселись каждый за свой стол. Достали ручки и чистые листки.

– Десять минут, – раздалось из громкоговорителя.

Одновременно с этим в аудиторию вошёл режиссёр. Он молча прошествовал к своему месту, уселся, сложил руки на животе и стал наблюдать за происходящим.

Все стали бегать ещё быстрее, создавая видимость срочной работы. На сцене появился размалёванный ведущий.

– Пять минут.

Сазонова с Комаренко последний раз проверили, правильно ли рассажены группы зрителей, ещё раз объяснили всем их обязанности, а затем подбежали к режиссёру.

Режиссёр лениво поднял руку, окинул взглядом сцену, где все замерли в ожидании, и дал отмашку. – Начали!

Заиграла музыка, ведущий выскочил на сцену. Зрители стали аплодировать, повинуюсь безмолвной команде Комаренко. Какой-то идиот вдруг стал кричать «Спартак – чемпион!», но его быстро утихомирили.

– Приветствую вас, дорогие телезрители, – начал нараспев говорить ведущий, когда стихли аплодисменты. – В прямом эфире снова ваша любимая телеигра – «Госэкзамен». «Госэкзамен» – это игра чувств, игра знаний, игра удачи и всего остального, что только вы можете себе представить! «Госэкзамен» – это наша жизнь!

А теперь позвольте представить вам наших сегодняшних участников. – Камера наехала на комиссию. – Это наша строгая комиссия, которая сегодня будет решать судьбы студентов.

Комаренко изобразил хлопок над головой, глядя на группу поддержки комиссии. Те сразу захлопали, как это было заучено на репетиции, кто-то даже засвистел. Комаренко повернулся на свист и заметил, что это сам ректор. – Ну, хоть не зря ему место нашли, – тихо произнёс он, повернувшись к Сазоновой.

Все члены комиссии представились, назвав свои научные звания. Только «председатель» запнулся, но предупреждённый ведущий пришёл ему на помощь: – Ну, и как всегда, комиссию возглавляет господин из нашей прославленной Академии Наук.

Зрители вновь разразились аплодисментами.

– А теперь познакомимся со второй нашей командой – командой студентов. – Ведущий прошествовал к ним, сопровождаемый камерой. – Сегодня это студенты факультета прикладной математики и информатики.

Подойдя к одному из студентов, он обратился к нему с вопросом:

– На что вы сегодня надеетесь?

– Ну... на халяву, как всегда, – засмутился студент.

– Конечно же, наш участник волнуется, иначе бы он не признался в этом так открыто. Но экзамен ещё не начался, и мы не можем заранее предвидеть, какие будут результаты. Что же, пожелаем удачи нашим участникам.

Группе поддержки студентов не требовалось дополнительных указок, чтобы хлопать, кричать и размахивать транспарантами, среди которых наиболее выдающимися были «Ректора на мыло!» и «ГЭЖ – пережиток империализма».

– Через минуту мы начнём нашу игру, а пока, – ведущий проделал странные пассы руками прямо в приблизившуюся камеру, – реклама!

Последний студент заканчивал свой ответ. На табло светился счёт, который явно был не в пользу комиссии.

– Ну, кратенько примерно так, – завершил свой ответ взлохмаченный студент, который за время ответа успел перемазать весь костюм мелом.

Комиссия безмолвствовала.

– Ну, что скажут наши беспристрастные судьи? – спросил ведущий.

– Мнэ... – ответил «председатель». К его уху склонился другой член комиссии и зашептал на ухо: «В этой теме у нас разбирался только наш председатель, поэтому мы ничего не можем сказать».

– Ну, – продолжил своё выступление «председатель». – Я занимаюсь этой темой достаточно давно и должен признаться, что за всё время не могу вспомнить столь содержательного ответа на данный вопрос. Поэтому я считаю этот ответ достойным наилучшей оценки, то есть пяти баллов.

Болельщики студентов в своём углу разразились громкими овациями. Зазвучала весёлая мелодия, и на сцену выбежали выплясывающие девушки. Они выполнили несколько акробатических фигур, затем выстроились в линию, приподняли юбки, и всем зрителям стали видны буквы, прикрепленные к бедрам девушек. Вместе буквы складывались в лозунг «ФПМ – чемпион!» Так же быстро, как появились, девушки исчезли в рядах болельщиков.

– Ну вот, как вы все видели, сегодня игра завершилась безоговорочной победой команды студентов. Их можно поздравить от всей души, и думаю, что сегодняшнюю ночь они проведут отнюдь не дома. Ну да это другая история.

В следующий раз вы сможете посмотреть «Госэкзамен» с участием команды исторического факультета. Следите за программой! Будьте с нами!

Режиссёр вновь махнул рукой. Камеры выключились, юпитеры погасли. Очередная программа была снята.

24.03.1999

Закон солнца

Удар хлыста отозвался в спине жгучей болью. Пришлось стиснуть зубы, чтобы не вскрикнуть. Не сдержишься, закричишь – последует ещё один удар. Уж это Джулия усвоила за столько лет.

– Не останавливаться! – орал чёрт-надсмотрщик, ежеминутно раздавая удары направо и налево. – Поживее, покойнички, поживее! Сам Повелитель доверил вам эту ответственную миссию... – Он огрел ещё одного грешника, тот поскользнулся и упал, уронив тяжеленный камень прямо себе на ногу. Особого вреда ему это причинить не могло, но от боли деться было некуда.

– Если не поспешите, то эти поганенькие ангелочки ворвутся сюда. А вам этого не хочется. – Чёрт остановил очередного носильщика и рукояткой хлыста приподнял его подбородок. – Ведь ты не хочешь этого, верно? – Остановленный быстро закивал, но это не спасло его от сильнейшего тумака. – Если они появятся здесь, то и вам не поздоровится.

Джулия уложила камень на место и двинулась за следующим. Целая вечность в Аду, слившаяся в одну сплошную муку! Именно так, как и было обещано. «Грешники будут вечно мучаться в царстве Врага Человеческого», – постоянно твердили церковники на Земле. В этом они все были похожи, вот только не могли сойтись на том, кого же считать грешниками.

Ты оказалась грешницей, в который раз сказала девушка сама себе. За такой долгий срок она уже позабыла, из-за чего умерла, что успела натворить в жизни, раз оказалась здесь. А может, она никогда этого и не помнила. Но уж если попала в Ад, то жизнь была далеко не праведной, логично рассудила Джулия. Кстати, и имени своего она не помнила. Джулией она сама себя уже тут окрестила. Для остальных она была безличным грешником за номером 51286489213. Имя можно было придумать себе новое через некоторое время, а вот номер был выжжен на запястье навечно.

Задумавшись, девушка стала медленнее двигаться. Очередной удар вернул её к действительности. На этот раз крик чуть было не сорвался с её уст, но долгая практика научила сдерживаться даже в такие неожиданные моменты.

Уложив очередной камень, она заметила, что чёрт прервал свою бесконечную речь, да и свиста хлыста что-то больше не было слышно. Джулия быстро подняла и вновь опустила взгляд. Этого мгновения ей хватило, чтобы установить причину временной поблажки: надсмотрщик о чём-то тихо разговаривал с невесть откуда возникшим демоном. Чувство вечного любопытства перебороло страх, и Джулия попыталась пройти как можно ближе к этой паре, надеясь, что за разговором чёрт не заметит этого дерзкого поступка.

– Ещё в трёх местах сегодня появились такие аномалии, – разобрала она голос демона, – но всевидящий Повелитель вовремя указал нам их.

Подойдя ближе, Джулия укрылась за огромным бурым валуном, решив подслушать беседу. Хоть какое-то разнообразие в вечном единообразии.

– Вот скажи мне, Корнал, и как это Ему удаётся всегда угадывать, где они попытаются прорваться? – спросил чёрт, ковыряя когтем в зубах.

Демон хмыкнул и ответил:

– На то он и Повелитель.

– Но даже если бы они и прорвались, то уж мы бы им тут задали жару, – надсмотрщик потёр ручки.

– Дурак! – оценил Корнал реплику чёрта. – Нельзя недооценивать врага. Возможно, в этом случае мы и не проиграем, но потреплют они нас основательно. Или ты думаешь, что они идиоты и не понимают, куда лезут?

– Ну... Ведь мы же их никогда не видели... – замялся чёрт. – Откуда же мы можем судить об их силе?

– А почему тогда ты судишь об их слабости? – Разговаривая, демон придирчиво следил за тем, как продвигается работа. – Когда ты ничего не знаешь о противнике, следует ожидать наихудшего и готовиться к нему.

– Что мы и делаем, – подытожил чёрт.

– Вот именно! А потому впредь старайся не задавать идиотских вопросов, – Корнал пристально посмотрел надсмотрщику в глаза, – Повелитель не любит сомневающихся, – добавил он тише.

Удостоверившись, что работа идёт как надо, демон вновь обратился к чёрту:

– Ладно, когда они закончат, – он кивнул на грешников, – проследи, чтобы саламандры укрепили всё огнем, а бесы довершат дело. Я же пока осмотрю вон тот вулкан. Что-то подсказывает мне, что там может таиться угроза. – Он повернулся и растворился в воздухе.

Чёрт вновь вернулся к своим обязанностям. Очередной удар хлыста настиг ещё одну жертву. Раздался вскрик. Новичок, подумала Джулия и, осторожно вынырнув из-за камня, незаметно пристроилась к остальным носильщикам.

Бурлящие потоки лавы, извивающиеся меж серных гейзеров и небольших вулканов в пурпурной долине – какой пейзаж может быть прекраснее? Что может так же завораживать взор? Пожалуй, только молоденькая чертовка, решил Сатана, глядя в огромное, во всю стену, окно.

Вырывающееся пламя, периодические вспышки природных взрывов – всё это выхватывало из вечной тьмы картины такой же бурлящей жизни Ада. Но Врагу Человеческому не нужен был огонь, чтобы рассмотреть свои владения. Он мог видеть в темноте, мог видеть сквозь землю и стены – он был Повелителем этих земель. Он мог здесь всё.

И поэтому факелы, освещавшие кабинет, были лишь его прихотью. Сатана обожал подолгу сидеть и просто наблюдать за языками пламени.

В отблесках огня его лицо казалось ещё более зловещим, чем было на самом деле. Правильные черты, орлиный нос, блестящие зубы, отличавшиеся от человеческих двумя огромными клыками, лоб, указывающий на недюжинный ум своего обладателя, небольшие, но мощные рога – всё говорило о том, что это выдающаяся личность.

Оторвавшись от прекрасного зрелища за окном, Сатана вернулся к своему столу, уселся поудобнее в огромное кресло и продолжил прерванное чтение. Небольшая передышка позволила ему осмыслить прочитанное, а параллельно и продумать планы на ближайшее время.

Внезапно из ниоткуда раздался тихий стук.

– Войдите, – не поднимая головы, ответил Повелитель.

Прямо перед столом вспыхнул язык пламени, и из него вышел огромный демон. Приложив ужасную когтистую лапу к груди, он поклонился. Но это был не благоговейный жест, а, скорее, дань традиции.

– Повелитель, твой приказ исполнен. В указанных тобой местах найдены аномалии, позволяющие подозревать, что именно там силы Добра пытаются наладить Врата в наш мир. Я немедленно приказал принять меры по укреплению защитных барьеров.

Сатана молча кивнул головой.

А демон продолжал:

– Но я также обнаружил ещё одну аномалию, которая не была указана тобой. – Тут Сатана поднял голову и вопросительно посмотрел на Корнала. – Она появилась возле вулкана Поро. Я сам не знаю, как догадался, что нужно искать именно там. Какая-то сила указала мне, что окрестности вулкана стоит проверить.

– Ты всё выполнил верно, Корнал. – Пальцами Сатана тихо барабанил по столу, думая о чём-то своем. Наконец он произнёс себе под нос: – Странно, что я не знал об этой аномалии, очень странно.

Вновь взглянув на терпеливо ожидающего демона, он спросил:

– А что слышно с постройкой наших Врат?

– Боевые демоны готовы кинуться в них в любой момент, но, похоже, Создатель, – Корнал чуть ли не прошипел это имя, – он тоже как-то угадывает места нашей предполагаемой высадки. Мы постоянно натываемся на пентаграммы.

– И так всегда... – отстранённо произнес Сатана.

– Да, Повелитель. Но мы не отступимся.

– Хорошо, Корнал. – Сатана кивнул, – спасибо за твою работу, можешь идти отдыхать. Демон поклонился и исчез в алом пламени.

Повернувшись в кресле к окну, Сатана взглянул на теряющийся в дымке вулкан Поро. Очередная загадка. Была ли эта аномалия единственной, укрывшейся от его ока? И какую угрозу может нести столь редкая ошибка?

Над горизонтом появился первый луч восходящего солнца.

Архангел вплыл в приёмную на небольшом пушистом облачке. Оно струилось под его ногами, обволакивало и нежно щекотало лодыжки.

– Чего тебе, Корнелий? – чуть ли не рывкнул Создатель.

Что-то он сегодня не в духе, отметил про себя архангел. Надо будет это учесть.

А Создатель продолжал бушевать:

– Может, ты наконец порадуешь меня хотя бы сегодня?

Корнелий печально покачал головой.

– Нет, Всемогущий. К сожалению, все наши Врата оказались запертыми с той стороны. Все попытки опять насмарку. И Враг не дремлет. Он опять пытался проникнуть в наш священный мир. Но, слава Богу, – он поклонился, – саперы во главе с архангелом Петром опять были на высоте. Все возможные места высадки дьявольских сил оказались вовремя запечатаны пентаграммами.

– Опять! Опять, опять! – Создатель стал мерить огромными шагами свой кабинет. При каждом шаге нимб над его головой вспыхивал. – Сколько ещё это может продолжаться? А? Я тебя спрашиваю! – Вытянутым пальцем он ткнул в грудь Корнелия.

– Мне это неведомо, Создатель. – Архангел смиренно опустил взор. – Его нимб потускнел, как бы показывая, что Корнелий раскаивается в своих несовершенных проступках.

– Все мои попытки оборачиваются неудачей! А ты говоришь, что Враг не дремлет! В один прекрасный день вся эта красота, – Бог указал на зелёные луга, голубое небо и синее-синее море вдалеке, – вся эта благодать может исчезнуть, а никому и дела нет! Только я постоянно должен заботиться обо всех. Слава мне, что я пока ещё могу чувствовать, где коварный Сатана попытается прорваться на этот раз.

Он кружил вокруг стола, постукивая кулаками по голове и повторяя:

– Но как? Как он может чувствовать, где я в следующий раз попытаюсь организовать штурм? Как, как, как?

– Кх... – решил прервать монолог Корнелий. – Хочу сообщить, что вчера мной была предпринята попытка на свой страх и риск создать ещё одни Врата.

– Что?! Ты сам выбрал место?!

– Да, Всемогущий.

– Да как ты смел?! – одной рукой Создатель сжал его плечо, а второй ухватился за прекрасное белое крыло.

– Я просто подумал, что, возможно, Враг чувствует только ваши Врата.

Бог отпустил его и задумался.

– Возможно, – произнёс он спустя несколько минут. – И что же?

– К сожалению, моя идея оказалась неверной. Место, выбранное мной, также оказалось заблокированным.

– Досадно, досадно. Ладно, я тебя прощаю. – Создатель вдруг поостыл, и теперь было видно, как он похож на обыкновенного уставшего от постоянных неудач человека. – Всё-таки обидно, что не получилось. Ну да ничего... – Он похлопал архангела по плечу. – Ступай, вон я начертал на листе очередные места. – Он указал на замусоленную бумажку на столе. – Попробуйте, авось получится...

Взяв лист, Корнелий поклонился, разогнал облачко в воздухе и самостоятельно вылетел из приемной.

– Ну что, как там Сам? – ангел посмотрел на Корнелия с надеждой.

– Да... так себе... – Корнелий пролетел мимо, кинув на ходу: – Следуй за мной, есть работёнка.

У первой встретившейся им группы душ архангел резко затормозил и обратился к ним:

– Есть среди вас желающие поработать на благо Рая?

– А что делать надо? – раздался одинокий голос.

– Вот с ним полетите Врата налаживать, – Корнелий кивнул в сторону ангела.

– Опять? Не, не пойдет... – ответил тот же одинокий голос.

– Так для вас же стараемся, не для себя, – в сердцах крикнул архангел.

– А путёвку дадите? – спросил появившийся наконец в первых рядах обладатель одинокого голоса.

– Какую путёвку? – решил прикинуться дурачком Корнелий.

– Обычную путёвочку. На пару деньков на Землю в качестве ангела.

– Ладно, Бог с вами, дадим, – ответил архангел, а про себя подумал: «Работу-то всё равно делать надо».

– Тогда другое дело, – обрадовался мужичок.

– Другие желающие есть? – спросил Корнелий. Из толпы вышло ещё несколько человек. Хватит, пожалуй, решил архангел. Повернувшись к молодому ангелочку, он указал на вышедших:

– Бери их и лети Врата налаживать. Вот места, где нужно вести работы. – Он протянул парню листик с пометками Создателя.

– Будет сделано, – ответил ангел, обрадованный таким доверием.

А из него выйдет толк, если не зазнается, решил про себя Корнелий и моментально позабыл об этом деле, сосредоточившись на очередной задаче.

– Юлий, – позвал он одиноко сидевшего молодого человека, который во время всей дискуссии даже не заинтересовался происходящим.

Парень обернулся, увидел зовущего и немного нехотя поднялся.

– Юлий, есть дело. Полетели. – Не говоря больше ни слова, архангел подхватил парня и понёсся к далёкой горе.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда Корнелий с Юлием закончили работу.

– Ну что, будем надеяться, что это уж Врагу окажется не по силам. – Архангел с любовью осмотрел творение своих рук. – Если не заметит, то через пару дней мы сможем добавить ещё несколько конструкций, и тогда боевые архангелы смогут наконец показать себя в деле.

Вытерев руки о крылья за спиной, он в последний раз окинул содеянное критическим взглядом и обратился к Юлию. – Пока не стемнело, надо бы проверить, как там этот ангелочек с работой справляется. Даже имени его не узнал... Хочешь, летим со мной.

Юлий отрицательно покачал головой.

– Ну, как знаешь. Тогда я полетел. – Он махнул на прощание рукой и скрылся в облаках.

Проводив его взглядом, Юлий уселся поудобнее на землю и стал следить за исчезающим кругом солнца.

Вот осталась только половинка. По земле побежали розовые тени. Вот – только треть. Птицы продолжали радостно щебетать, резвясь в воздухе. Стало прохладнее. Юлий обхватил себя руками. И вот от солнца осталась лишь тоненькая полосочка. Наконец, исчезла и она. Последний лучик мигнул и пропал.

В то же мгновение весь пейзаж стал быстро преобразаться. Зелёные луга стали темнеть, трава жухла прямо на глазах. Вода в реке начала густеть, багроветь и закипать. В земле разверзлись огромные дыры, из которых повалил смрадный серный пар.

Сам Юлий тоже стал изменяться: его волосы вдруг начали быстро расти и превратились в длинные нечёсанные космы, а на руке стали проявляться цифры. Пять, один, два, восемь, шесть...

Одновременно с этим стала преобразаться и приёмная, где за столом сидел Создатель. Стены, сотканые из тончайшей паутины, затвердели и стали отливать зловещей чернотой.

Создатель покачнулся и рухнул в кресло. Его нимб стал опускаться всё ниже, пока не коснулся головы. Вспыхнув в последний раз, он обволок сиянием всю макушку. Бог схватился двумя руками за голову, ногти стали вытягиваться и заостряться. Сияние погасло, и на голове осталось два прекрасных рога.

Ночь снова вступила в свои владения.

28.03.1999

Иголка в стоге

Эта звёздная система, значившаяся в галактическом каталоге как SU-49SS-DD, не была примечательна ничем, кроме своего второго, неофициального, названия. Так уж повелось ещё на заре покорения космоса, что любой путешественник, первым оказавшийся у звезды, имел полное право дать ей звучное имя на своё усмотрение.

Каталог не проливал свет на историю открытия этой системы, и оставалось только догадываться, что именно двигало тем первопроходцем, который дал ей имя «Твою!..», но сейчас я понимал его как нельзя лучше. Как он был прав!

Всего каких-то четыре минуты назад ничто не предвещало неприятностей, наш разведывательный бот «Редон» спокойно летел к своей цели на краю галактики, как вдруг весь корпус сотрясся в судороге, и корабль просто выкинуло из подпространства в ближайшую звёздную систему.

В ответ на мой запрос о нашем местоположении бортовой компьютер надолго задумался, чего с ним обычно не случалось. Да и не должно было, если верить той инструкции, которую мне вручил техник-монтажник перед вылетом.

Наконец строчка возникла на экране, и одновременно с ней в рубке с шумом появился Колька Вечеров. Он был из той категории людей, с которыми и в горы, и в разведку можно идти. Собственно, в разведку-то я с ним и пошёл, в космическую. Хотя никогда и не мог понять, как же Колька ухитрился попасть в нашу группу.

Дело в том, что Вечеров выделялся среди прочих людей незаурядным ростом, в небольших коридорах корабля умещался с трудом, постоянно цеплялся за любой выступающий прибор то головой, то плечом, то ещё какой-нибудь частью тела.

Вот и теперь, протиснувшись сквозь узкую дверь, Колька быстро распрямился и с размаху шагнулся головой о крепёжную балку.

– Твою!.. – в сердцах выругался он, потирая ушибленное место.

– Наверное, ты тоже выяснял название местной системы... – я уже давно привык к «несчастливым случаям» напарника.

– Чего? – не понял Вечеров. – Какое название?! – он возмущённо взмахнул рукой. – Командир, у нас отказали второй и третий двигатели, причина мне совершенно непонятна, а ты тут сидишь и в ус не дуешь. – Он уселся в кресло штурмана, опёрся на руку и стал буравить меня осуждающим взглядом.

Наверное, я должен был что-то сделать. Вскочить и создать видимость бурной деятельности по спасению корабля и экипажа. Особенно экипажа. Но от чего и от кого спасать? Это мне было неизвестно.

Тем не менее, я всё же встал:

– Ну, пошли взглянем, что там стряслось.

Вся аппаратура показывала, что вдруг остановившиеся двигатели в полном порядке. Но мы всё равно развернули тестовый комплект и провели полную проверку. С выполнением всех предписываемых инструкцией процедур. Как я и предполагал, с тем же результатом.

Мы снова вернулись в рубку.

– Куда хоть нас занесло? – Колька уселся в своё кресло и закинул ноги на пульт управления на манер ковбоя из вестернов.

Я молча развернул к нему свой дисплей, на котором всё ещё отображалась скудная информация о системе SU-49SS-DD. Колька бегло просмотрел текст и протянул: «Дела...»

Должен вам сказать, что нашему положению действительно было не позавидовать. Находимся чёрт знает где на самых задворках известного сектора космоса. Вдали от основных путей, а потому и от любой толковой ремонтной базы. Практически бездвижны.

Инструкция в данной ситуации рекомендовала единственный вариант действий: подать сигнал бедствия и ожидать спасателей. Ну а кому, как не нам, было лучше всего знать, что спасатели доберутся до нас в лучшем случае через три или четыре месяца! Конечно, провианта и энергии у нас хватит, в разведке всякое может случиться. Но сидеть сиднем треть года – перспективка не самая радужная, согласитесь. К тому же время простоя хоть и оплачивалось, но по сниженному тарифу (сумел какой-то особо ретивый чиновник пропихнуть такой закон в Думе).

На ум постоянно приходило название системы... Ох, прозорливый был этот первооткрыватель!..

– Что будем делать? – похоже, Колька прекрасно понимает: нам не остаётся ничего другого, как вызывать спасателей (ремонт даже одного двигателя в полевых условиях – вещь просто невозможная, а уж когда неисправны несколько, то и думать не о чем). Но и принимать такое решение сам он не желал. Оно и правильно: я – командир, он – подчинённый.

Я потянулся к закрытой кнопке аварийного вызова. Колька лишь тяжело вздохнул, проследив за моей рукой. Но не успел я даже коснуться кнопки, как корабль взорвался гулом сирены!

– Опасность! Опасность! Опасность! – орал механический голос.

Долгие тренировки не были напрасными, мы подскочили и вмиг оказались возле шкафчиков со скафандрами. Вечеров буквально впрыгнул в свой, на удивление не задев при этом ни одного угла и балки. Шлемы мы защёлкнули одновременно.

Только после этого устав разрешал мне ознакомиться с тревожной информацией. Оказалось, что автоматические системы слежения обнаружили деятельность чужого двигателя, тип которого не совпадал ни с одним известным двигателем кораблей Содружества. И совсем недалеко от нас, раз сработала сирена.

Вы спросите: ну и что такого? Радоваться должны, что кто-то рядом почти в безлюдной пустыне оказался. Так-то оно так, но вот у многих ещё свежи были в памяти события десятилетней давности, когда точно так же в космосе мы встретились с крагами. А эти не стали особо церемониться, сразу врезали изо всех орудий по нашему разведчику, и – поминай как звали. Начавшуюся войну удалось остановить лишь через пять лет, когда установилось хоть и шаткое, но перемирие с нашими новыми соседями по космосу. Да и то, лишь при помощи квазмотиков, которые имели адское терпение и могли уговорить кого угодно.

Однако же с тех самых пор в уставе появились чёткие инструкции относительно вот таких вот непредвиденных ситуаций. В частности, всему экипажу полагалось сразу же облачиться в защитные скафандры, а корабль автоматически приводился в полную боевую готовность.

К сожалению, наш корабль хоть и обладал боевым вооружением, но назвать его крупным можно было с огромной натяжкой. Основной задачей «Редона» была быстрая разведка. Для этого ему требовалась скорость и манёвренность, тяжёлые системы обороны являлись ненужной помехой.

Всё вооружение контролировалось с единственного пульта, находящего рядом с местом штурмана, который в боевой ситуации становился также и борт-стрелком. А вот за наличие на нашем корабле «невидимки» я искренне в этот момент порадовался.

«Невидимкой» у нас окрестили сравнительно новый прибор, разработкой которого военные занялись сразу же после заключения перемирия с крагами. А нам на вооружение он всего несколько месяцев назад достался. По-научному «невидимку» принято было называть ССП – система сокрытия от противника. Эта поделка включалась при любой опасной ситуации и не только накрывала весь корабль мощным силовым щитом, но и практически полностью пре-

секала любую возможность сканирования. Получалось, что любой противник, появившийся вблизи нашего корабля, просто не мог узнать, с каким врагом он столкнулся. Он не имел возможности узнать ни наши размеры, ни огневую мощь, ни тип защиты. Ни-че-го! Конечно, в любом случае он мог просто выстрелить. Но тут уж приходилось полагаться на случай: его выстрел мог и уничтожить противника, а мог и просто срикошетить и, чего доброго, укокошить самого стрелка.

В настоящий момент бортовой компьютер отобразил данные с «невидимки»: неизвестные предприняли попытку просканировать нас. Ну-ну, подумал я, пробуйте-пробуйте...

Я пробежал пальцами по клавиатуре и сам запустил процесс сканирования противника. Вечеров следил за всей информацией, которая дублировалась на его мониторе. На экране появился ответ.

– Это как это так?! – Колькин крик резанул по ушам, усиленный наушниками. – Их же только-только смонтировали! Мы же несём на себе один из тестовых вариантов!

На экране горела всего одна строчка: «Сканирование невозможно». Это значило, что наши неожиданные гости тоже имеют свою «невидимку». А это было действительно странно.

– Может, это кто-то из наших? – неуверенно спросил я.

– С новым, неизвестным нам двигателем? – саркастически усмехнулся Колька.

Тут он был прав. Системы слежения не поднимали бы панику, будь впереди корабль Содружества. Значит, кто-то другой. Кто-то, кто тоже обжигался в космосе и потому научился прятаться.

Да, ситуация выходила патовая. Противник ничего не мог выяснить про нас, но и мы в свою очередь ничего не знали о том, с кем столкнулись. Или мирно разойтись, или... Уйти мы всё равно не могли на повреждённых двигателях, оставалось только ждать, что предпримут гости.

– Коля, следи за любым неожиданным шагом с их стороны, – честно признаться, я слегка перетрухнул.

– Да будто сам не знаю, – пробубнил Вечеров в ответ.

Мы ждали. Прошла всего пара минут, но мне казалось, будто ожидание длится вечность. По виску скатилась холодная капля пота.

Когда компьютер сообщил о поступившем вызове, я чуть не подпрыгнул в кресле. Вот тебе и хладнокровие космического аса.

– Подтвердить визуальное соединение? – спросил компьютер.

Я взглянул на Кольку. Тот нерешительно кивнул. Правильно, а что нам ещё оставалось делать?

– Подтверждай, – отдал я приказ.

Спустя миг экран вспыхнул.

Сначала мы не видели ничего, кроме мутной сероватой стены какого-то тумана. Затем изображение подстроилось, и в центре появилась морда зелёной ящерицы. Типа наших варанов, только с огромными глазами и торчащими наружу огромными зубами. Не хотелось бы встретиться с таким лицом к морде.

Варан разинул свою пасть, и мы услышали похрустывание, причмокивание и массу других малопонятных звуков.

– Извини, парень, этого мы не понимаем, – ответил ему Колька.

Варан замолк на мгновение, затем обернулся, махнул кому-то рукой и снова разявил свой рот. На сей раз на нас полились совершенно иные звуки, настолько же понятные нам, как и предыдущие щелчки с причмокиваниями. Но только нам, потому что компьютер среагировал мгновенно:

– Похоже на диалект одной из недавно обнаруженных отсталых рас в секторе IN-37IS-MN, перехожу на перевод.

– Надеюсь, мерзкие уродцы, теперь вы сможете меня понять, – похоже, компьютер решил не только перевести тираду варана, но и подобрал ему наиболее подходящий голос. На редкость противный, между прочим.

– Продолжай, красавчик, мы слышим, – моментально среагировал Колька.

Чужак услышал его и, похоже, понял. Его лицо (если можно так назвать его рожу) искривила гримаса, и он прокаркал в ответ:

– Отлично! Теперь вы сможете узнать, что смерть ваша неминуема.

– Это отчего же? – не удержался я.

– Потому что вы посмели ступить на нашу территорию, необдуманно близко пробравшись к нашим фортам.

Отключив микрофон переговорника, я кивнул Вечерову:

– Быстро просмотрю ещё раз всю информацию о ближайших небесных телах. – А затем ответил рептилии: – Извините, уважаемый, но о каких фортах вы говорите? Мы вообще знать не знали, что нарушаем границы вашей территории. У нас мирные...

– Заткнись, дитя болотного глифа. – Перебивать было крайне невежливо с его стороны, тем более в таких выражениях, но нам предписывалось при первом контакте вести себя как можно более миролюбиво. – Заткнись и слушай: естественно, вы не могли обнаружить наши форты, они прекрасно защищены от таких ублюдков как вы. Но я вызвал вас не для того, чтобы раскрывать тайны. Вы должны узнать имя своего победителя и восславить его перед смертью во имя народа Кррррифта!

Пена так и брызнула из его пасти, он воздел свои лапы и прорычал что-то омерзительное. Не иначе, гимн родной страны спел.

В это время Колька показал мне, что никаких крупных небесных тел поблизости не существует. Ни планет, ни метеоритов. К какой же территории мы приблизились?

– А не заметил ли ты, сукин сын, что у нас прекрасные щиты, которым плевать на твои воинственные замашки? – бросил Колька, когда рептилоид умолк.

Я лишь тихо прошептал ему:

– К сожалению, мы не можем быть уверены в них.

– Но и он тоже, – так же тихо ответил Колька.

Варан на миг задумался, а потом разразился ещё более омерзительным карканьем, которое наш компьютер переводить и не думал. Видимо, это было нечто типа смеха. Наконец рептилоид снизошёл до понятного нам ответа:

– Я прекрасно вижу вашу «невидимку». Я не знаю мощи вашего корабля, но могу быть уверен, что он не выдержит боя один на один с целой эскадрой. – Он снова захохотал и резким движением руки оборвал связь.

– Какой эскадры? – удивился Колька, указывая на показания, где выводились данные всего об одном корабле.

– Блефует, – отозвался я, на всякий случай проверяя готовность всех систем.

И тут строчки с данными понеслись по монитору, отображая данные о новых непрошенных незнакомцах. Десять, двадцать, сорок, сто...

– Твою... – тихо прошептал ошарашенный Колька.

Снова заголосила сирена.

– Да сами видим, – я выключил сигнал тревоги.

– Славьте народ Кррррифт! Время пришло, – компьютер включил связь, даже не спрашивая нас. Будто мы адски жаждали увидеть этого варана. А тот, прорывав свой призыв, снова вознамерился отрубиться, но Колька успел крикнуть в ответ:

– Стой! Нам надо время, чтобы придумать лучшую здравицу в вашу честь.

Варан, как мне показалось, заинтересованно обернулся. А главное, связь не выключил, чем Вечеров не преминул воспользоваться.

– Нам нужно часа два, не меньше, и тогда ваш народ будет прославлен в веках...
– Мудрое решение, – голос варана был удивлённым. Или мне это только показалось? –
У вас есть десять минут. – И он всё же отключил связь.

– Десять минут! – негодовал Колька. – Что мы сумеем сделать за это время?
– Придумать здравицу? – попытался пошутить я.
– Да пошёл ты к чёрту, – Вечеров склонился над панелью управления орудиями корабля.
Я видел, что он быстро перебирал всевозможные комбинации наводки, просчитывал возможный урон как со стороны противника, так и с нашей. Хотя по большей части выкладки его основывались на предположениях. Понятно было, что так нам ничего сделать не удастся.

– Время? – спросил вдруг Колька, не переставая решать свои стратегические задачи.
– Ещё шесть минут.

Он просмотрел ещё несколько вариантов, когда я высказал и так уже давно очевидную мысль:

– У нас нет шансов. Мы стоим на месте, у нас практически никакого вооружения. Защита выдержит, но не массивный удар целой эскадры.

Колька повернулся ко мне.

– И что, предлагаешь просто так сидеть?

Ответить я не успел: сигнализация вновь ударила по ушам.

– Неизвестные корабли пришли в движение и быстро приближаются, точное расстояние установить невозможно, – выпалил компьютер своим привычным голосом.

– Приготовиться к отражению атаки, – резко скомандовал я. Хотя ни бортовому компьютеру, ни Вечерову не требовалось дополнительных распоряжений на сей счёт.

– Ну хоть с собой нескольких заберём, – крикнул Вечеров, перекрикивая визг аварийки.

– Скорость противника растёт, – продолжал сообщать компьютер.

Колька был готов дать залп в любой момент, но по кому? Да и достанет ли? С таким количеством противников воевать было глупо, но и безропотно ожидать заклания – это не по мне.

Выстрела мы не видели. Да и не могли увидеть в космосе. Однако бесстрастный голос сообщил нам: – Пробоина по левому борту, включаю аварийные системы.

Я почувствовал, как капли пота потекли за шиворот.

– Да куда стрелять?! Где они?! – не выдержал Колька.

Я взглянул на монитор и обомлел. Все точки, огромная вражеская армада канула в неизвестность. Мы больше не видели ни одного корабля. Значит, либо они ушли (что маловероятно), либо имели что-то покруче наших «невидимок». Честно говоря, я не понимал, почему мы до сих пор были живы при таком раскладе.

– Вызов противника! – крикнул я, сам не понимая, зачем мне это.

– Противник не отвечает, – отрапортовал компьютер.

Мы молча отсчитывали секунды, ожидая удара в любой момент. Удара, который бы мы даже не успели осознать.

Прошла минута. Пять.

– Что с пробойной? – нарушил молчание Колька, вспомнив, что он всё же и бортмеханик.

– Пробоина ликвидирована, – прозвучал сухой ответ.

– Противник? – поинтересовался я.

– Противник не обнаружен.

Мы подождали ещё пять минут. Наглый рептилоид со своей армадой никак не проявляли себя.

– Странно всё это, – пробормотал Колька.

– Проверил бы ты, что там за пробоина. А я пока слежу за окружающим.

Вечеров удивлённо посмотрел на меня, затем переключил управление оружием на мой пульт, встал и прошествовал из рубки, задев по привычке притолоку шлемом.

Я осматривал все экраны, ожидая нападения в любой момент. Но космос не подавал больше никаких признаков жизни.

Спустя пару минут в дальнем левом коридоре раздался грохот, вслед за которым я услышал в наушниках ругань Кольки.

– Перейди на автоматическое слежение, – скомандовал я компьютеру, рассудив, что всё равно уже ничего не смогу решить при массовой атаке, и кинулся в коридор вслед за механиком.

В левом отсеке моим глазам предстал Колька. Он сидел на полу и потирал левую ногу.

– Похоже, сильное растяжение, – пожаловался он.

Рядом с ним на полу валялось множество мелких шариков, на которых Вечеров, скорее всего, и поскользнулся.

На левой стенке коридора явственно виднелись следы от недавних пробоин, быстро и умело затянутые регенерационной системой. По размерам они как раз совпадали с шариками на полу.

– Дробью они стреляют, что ли? – проговорил Колька, поднимая ближайший к нему шарик. – Затем он тихо вскрикнул и стал показывать мне на дробинку. – Ты посмотри, посмотри!

Я опустил на колени и поднял ближайшую из них. Шарик как шарик, с небольшими неровностями и аккуратной канавкой по диаметру. Я открыл шлем скафандра, протёр глаза и поднёс шарик ближе. И только в этот момент я понял, что так удивило моего напарника.

С двух сторон «дробинки» явственно виднелись миниатюрные выступы, не могущие быть ничем иным, как бортовым вооружением. Повернув шарик, я сразу же обнаружил и игрусечные сопла двигателей.

– Вот почему они так внезапно пропали с радара, – пробормотал Вечеров, подбирая ещё несколько штук. – Построили «невидимку», а она же их и подвела, – усмехнулся Колька.

Через несколько часов мы снова сидели в рубке.

Сигнал «SOS» исправно передавался в эфир.

На столе мы аккуратно выложили все собранные «шарики», оказавшиеся микро-кораблями. Их насчиталось ровно сто тридцать три штуки. Колька хотел расковырять один, но я ему не дал. Мало ли какую опасность могли они таить. Для кррррифтов же фатальным оказался обычный удар о стены нашего корабля.

Теперь я мог поверить, что в округе находятся форты этих неизвестных нам ранее рептилоидов, однако же искать их не имел ни желания, ни возможности. Если таковы по размерам их боевые корабли, то каких же размеров могут быть базы? Да и каковы сами эти кррррифты? Если учёные и вскроют эти скорлупки, установить контакт с воинственной расой будет тяжело. Поди найди их в таком пространстве. Легче иголку в стоге сена отыскать. Да и на кой чёрт сдалась нам та иголка?

13.04.2002-14.12.2002, Дрезден – Минск

ОБЫСК

В качестве вступления разъясню, как стало возможным писать Киру Бульчëву и Владимиру Кнари вместе. История проста. Кир Бульчëв на своем сайте в первые дни 2001 года объявил конкурс на окончание его рассказа «Обыск» из цикла о Великом Гусяре (информация о конкурсе и других участниках до сих пор лежит на странице автора: http://www.rusf.ru/kb/konkursy/dopishi_rasskaz/konkurs_dopishi_rasskaz.htm). На вызов откликнулось шесть участников, 7 апреля этого же года Кир Бульчëв подвëл итоги, где объяснил, что идея конкурса была уцербна с самого начала: «Нельзя сваливать собственную недоделанную работу на других, тем более раз речь идëт о художественном творчестве. Предложив написать конец рассказа, я перенëс писательство в игру «Угадай-ка».

В итоге победителя Кир Бульчëв не выбрал, а рассказу решил дать отлежаться.

Я с детства нежно любил творчество Кира Бульчëва и очень хорошо знал его цикл о Великом Гусяре. Поэтому захотел попытаться сил и стал одним из этой шестëрки участников.

После конкурса Кир Бульчëв разрешил публикацию данного «совместного» творения с надлежащим предуведомлением о его появлении. В 2002 году рассказ в таком виде уже публиковался в журнале «Порог» (г. Кировоград, Украина). И вот теперь – в составе этого сборника.

Вначале идëт часть самого Кира Бульчëва, а затем – моë окончание.

(начало рассказа, Кир Булычѳв)

Нас окружают тайны.

Нам хочется от них избавиться.

Для этого существуют специальные категории людей.

Например, сыщики пытаются понять, кто убил бабушку и кому она мешала своим храпом? Доктор допытывается, чем болен пациент и почему он помирает вовсе не от того, от чего лечили? Некоторые учёные ищут ключи к тайнам мироздания, молекуле ДНК или почерку автора «Слова о полку Игореве».

Не только детективы, но и научно-популярная литература посвящена разгадке тайн. В победе над тайной заключается исторический оптимизм и урок для преступников.

В жизни тайны раскрываются куда реже, чем наоборот.

Вы когда-нибудь видели доказательство теоремы Ферма? Вы знаете, кем был Джек-потрошитель, который убил нескольких уличных женщин в Лондоне конца XIX века? Простите, а кто разгадал тайну Атлантиды? Кто прочёл письма этрусков?

Наконец, отыскал ли кто-то смысл жизни?

И загадку нашего посмертного существования?

Не знаете? Я тоже не знаю.

Как повезло Шерлоку Холмсу! Рядом с ним под именем Ватсона находился английский писатель Конан Дойл, который постоянно нуждался в деньгах на любовниц и карты. Любой провал Холмса в его рассказах обретал форму великого достижения. На этих обманах выросла ложная репутация Холмса и наше убеждение в том, что он – великий сыщик.

Ничего подобного.

В наши дни также происходят загадочные явления. Природа и человек бросают нам вызовы.

Например, вы слышали, что случилось в прошлом году в городе Великий Гусляр?

Событие было спланировано и тщательно подготовлено.

Иначе как объяснить объявление по местному радио, которое передавалось тридцать первого декабря, под Новый год, Новый век и Новый миллениум, простите за латынь.

Объявление звучало примерно так:

«Дорогие гуслярцы и гости нашего города! Приглашаем вас сегодня, в новогоднюю ночь, посетить удивительное, сказочное событие, волшебство на площади Землепроходцев. Вы не пожалеете, если в час ночи оставите на полчаса праздничный стол и, тепло одевшись, выйдете на улицу, где вспыхивают ракеты и горят шутихи. Подарки и бесплатное пиво гарантированы. Не забудьте захватить детей – для них особые подарки. Оргкомитет».

Возможно, были и другие варианты объявления, но в большинстве своём гуслярцы услышали именно приглашение на площадь и, главное, на раздачу подарков.

Сколько раз твердили нашему миру, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, но всё равно мы стоим под деревом и ждём, когда эта дура-ворона разинет свою пасть.

А она уже сжевала жалкий кусочек сыра.

Если кто из жителей города не слышал объявления, соседи и родственники обязательно подсказывали. Казалось бы, услышал про подарки, молчи, рта не раскрывай, жди новогодней ночи. Чем меньше народа на площадь придёт, тем больше тебе достанется.

Но не таковы жители Великого Гусляра.

Пускай, думал каждый, мне достанется только половина подарка и полкружки пива, но соседа Удалова я обязательно позову. Пойдём вместе, вместе веселее.

Такой народ живёт в нашем городе.

Погода стояла приятная, даже лучше обычной. Без особой оттепели, морозец, как по Гоголю, снег по колено, кроме центральных улиц, где с утра прибирали.

А ночью высыпали на небо звёзды и месяц – только и смотри, не пролетит ли чёрт этот месяц украсть.

Сказал добрые обобщающие слова товарищ президент, сыграли привычный старшему поколению советский гимн, помахали флагом перед Спасской башней, и с боем часов жители Великого Гусяра подняли бокалы и стали друг дружку поздравлять с удивительным праздником, миллениумом. Сколько лет фантасты писали о третьем тысячелетии. Где теперь эти фантасты? А миллениум наступает тяжёлой ногой времён и твердит нам: все уже померли, а мы еще живы!

Ура!

Начали есть, выпивать, разговаривать, шуметь, но во всех домах поглядывали на часы.

Многие не могли дождаться, когда же наступит час ночи?

Некоторые спешили съесть всё пораньше, а другие наоборот, тянули время, полагая, что самый главный пир развернётся после получасового перерыва.

И вот ровно в час во всех домах погас свет.

На секунду.

Загорелся и снова погас.

Само собой включилось радио и сказало сладким голосом:

– Скорее, не будем тратить времени даром! Нас ждут на площади!

Телевизоры, которые показывали «голубые огоньки» по числу программ, на секунду погасли, и тут же на экранах появилось лицо пожилой дикторши Леонтьевой.

– С новым годом, малыши! – сказала она. – Побежали на улицу, в снежки играть, подарки получать.

Этого гусярцы не выдержали.

И принялись одеваться. А некоторые брали с собой сумки.

Выйдя на улицу, на лёгкий трескучий морозец, под звёздное небо, по которому изредка проплывали небольшие, подсвеченные луной облака, гусярцы слышали отдалённую музыку и как будто звуки хорового пения. Ноги сами несли их на площадь, по мере приближения к которой всё громче слышались голоса и смех.

Люди спешили, чтобы им хватило подарков, дети бежали впереди, потому что ими владело нетерпение.

И вот широкий простор площади, ограниченной торговыми рядами и украшенной памятником Землепроходцам, некогда уходившим отсюда на покорение Сибири и Аляски...

Всех без исключения, кто вступал на площадь, от малых детей до профессора Минца и руководителей городской администрации, охватывало чувство причастности к общему празднику и общей сладостной судьбе. Возникало желание веселиться долго и обязательно в коллективе.

Всё население города, от младенцев до стариков, ещё час назад немощных, а сейчас готовых отбросить палки и костыли, выскочить из инвалидных колясок и пуститься в пляс, скопилось на площади, просторной, но в обычное время, конечно же, недостаточной для такого количества народа. Но никто не толкался и не страдал от тесноты, всем хватило места.

Более того, кто-то успел за первый час нового тысячелетия украсить площадь павильонами и эстрадами, расставить по ней высокие новогодние ёлки, увешанные гирляндами цветных лампочек, даже водрузить колёса обозрения, комнаты смеха, зверинцы и небольшой музей восковых фигур, интересный тем, что, помимо изображений бывшего президента Ельцина, обезглавленной Марии Стюарт, Ивана Грозного, убивающего своего сына, космонавта Гагарина, там стояли также жители Великого Гусяра, и даже дети, узнав их, весело кричали:

– Мама, мама, смотри, Удалов стоит! Я про него в книжке читал.

– А это старик Ложкин, только он не старик.

– Мама, а как этого лысого зовут? Ну вот этого, который рядом с Кошеем Бессмертным?

– Это профессор Минц, – отвечала мама и невольно краснела, потому что Лев Христофорович как раз в этот момент проходил рядом и останавливался, не менее детей поражённый сходством себя и восковой фигуры.

На эстраде совместно танцевали Алла Пугачёва и Плисецкая, кому кто нравится, а фокусник Дэвид Копперфильд, загримированный под Чарльза Диккенса, доставал из цилиндра живых кроликов, но не прятал их куда-то за кулисы, как делают его собраты, а кидал в толпу, чтобы каждый мог взять кролика себе, ощипать и поджарить. Кролики не давались в руки и прыгали в толпе, что придавало празднику дополнительную суматоху и крикливость.

Желающие могли встать в любую очередь – кто за продуктовым набором, кто за конфетами или даже детскими игрушками, но для детей Дед Мороз раздавал подарки отдельно, и не надо было стоять в очереди, так как дедушка ловко кидал мешки с подарками подходящим к нему детям и никому ни разу не попал по головке.

Для молодёжи был выделен участок площади под танцы, и молодёжь этой возможностью пользовалась. А старики могли порадоваться передвижной аптеке и концерту, который давало привидение Клавдии Шульженко.

Час или два пролетели незаметно.

Усталые, но довольные гусярцы расходились по домам, неся пакеты с подарками и волоча за уши кроликов.

За их спиной гасли огни ярмарки.

Артисты собирали инструменты, Алла Пугачёва стирала грим, а Дэвид Копперфильд пересчитывал цилиндры и ворчал, что опять у него что-то украли.

После сияния площади улицы Гусяра казались слабо освещёнными, тёмными и плохо расчищенными от снега.

Да и фонарей было даже меньше, чем обычно.

– Всё познаётся в сравнении, – заметил Лев Христофорович Удалову, когда они свернули к себе на Пушкинскую.

– Странно, – начал было Удалов, но фраза осталась незавершённой, потому что он громко взвыл, провалившись ногой в яму и вытянувшись во весь рост.

– Ты куда? – спросил Минц.

– Здесь не было ямы! – ответил Удалов, когда друг помог ему встать.

Наблюдательный Минц согласился с Удаловым. Этой ямы не было два часа назад – они ведь шли по улице на площадь...

– Смотри-ка, – сказал старик Ложкин, догнавший соседей. – Яму выкопали. Кто это сделал?

Яма была небольшой, но свежей. Ещё одна, тоже недавно выкопанная, была видна у края дороги.

– Как будто животное завелось, – сказал Ложкин. – Крупного размера.

– Это динозавр! – воскликнул Максимка-младший, внук Удалова. – Пока мы за подарками ходили, на нас динозавры напали.

Такая перспектива ему понравилась. У Максимки были счёты с некоторыми учителями, и он надеялся, что динозавры расправятся с ними в первую очередь. Хотя почему бы динозаврам бросаться именно на учителей, он не знал.

Дальше фонарей не было. Они не перегорели, а были разбиты. Осколки стекла поблёскивали под луной, один из столбов упал, другой пошатнулся и торчал под острым углом.

Удалов ускорил шаги.

– А мы не слышали, – сказал он.

– Громче музыка играла, – заметил Ложкин. Он остановился, чтобы подождать жену. Жена взяла побольше подарков, и тащить их было тяжело, вот и отставала.

Они вошли во двор. Благо, недалеко от площади.

Самое удивительное – увидеть стол для домино, выкорчеванный подобно старому дубу о четырёх стволах.

Под ним земля была разворочена. Там искали.

Когда? Кто?

– Искали, пока нас не было, – сказал Минц, и все с ним согласились. – И я во всём виноват. Я не имел права не предупредить вас, сограждане, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. И я не удивлюсь, если подарки, полученные вами на площади, с наступлением утра развеются, как дым.

Ложкин, услышав эти слова, воскликнул:

– Нет, только не это!

И потащил жену с подарками к себе, на второй этаж.

– Кстати, – спросил сам себя Корнелий Иванович, – а кто финансировал мероприятие?

– Никто не сознается, – сказал Минц. – К тому же я давно хотел заметить, что мой восковой портрет является не более как злобной карикатурой.

– А мне показалось – похоже, – засмеялся Грубин и пошёл к себе.

И почти тут же окно в его комнату на первом этаже распахнулось, и Грубин, высунувшись во двор, закричал:

– Они за это ответят!

Крик его стал понятен каждому, кто вошёл в свою квартиру.

Всё, буквально всё, было перевернуто вверх дном, посуда частично перебита, мебель частично переломана, одеяла и подушки валялись на полу, их животы были взрезаны, и пух медленно кружил по комнатам.

В кабинете Минца взломщики устроили побоище. Трудно поверить, на сколько частей, ключев и обломков были разорваны, разбиты, расколоты, раздавлены приборы, сосуды, банки с химикалиями и ценными биологическими отварами.

Но Минц не рыдал и не звал на помощь.

Он принял случившееся за печальную аксиому.

Кто-то желал покопаться в вещах всех жителей города Великий Гусяр, что само по себе невероятно. Для того чтобы сделать это незаметно, в отсутствие хозяев, похитители пошли на большие финансовые и организационные расходы. Устроить действо для всех жителей Гусяра – задача непосильная даже для городской организации ФСБ. Никакой олигарх не пошёл бы на это по двум причинам: во-первых, это означало бы разорение олигарха, а, во-вторых, в Великом Гусяре ни одного олигарха пока нет.

Не меньшие расходы требуются и на то, чтобы обыскать город.

Причём сделать это за один час.

Сколько же народа в этом участвовало?

Что им было надо?

Конечно такое дело по зубам американцам. Но никто не видел столько американцев в Вологодской области за последние столетия. И вряд ли в Великом Гусяре вы отыщете нечто, так необходимое американцам, что они ухлопают на поиски его столько сил и долларов.

Конечно, рассуждал Минц, рассматривая с лупой осколки приборов в надежде найти на них отпечатки пальцев или иные следы преступников. Не исключено, что в городе орудовали пришельцы.

Но что может соблазнить пришельцев в Великом Гусяре?

Минц думал.

Заря всё не занималась...

(окончание рассказа, Владимир Кнари)

В первый день Нового Года большинство населения страны честно отсыпается после бурно проведенной ночи. А особенно когда новый год по совместительству оказывается первым годом нового века и тысячелетия.

Однако же жителям Великого Гусяра не выпало в этот день даже этого счастья. Да и сами посудите: как можно спокойно спать, когда буквально весь город подвергся массовому набегу неизвестных вандалов?

К чести жителей стоит всё же заметить, что великогусярцы пережили случившееся мужественно. Не было паники, не случились стихийные митинги, никто не призывал вешать виновных на первом столбе. Вот только уныние как-то само собой быстро расползлось по городу...

Лев Христофорович решил с помощью дедукции как можно быстрее выявить злостных вредителей имущества, однако оказалось, что есть вещи, утрата которых может и его ввести в депрессию.

На полу его квартиры в свете тусклого зимнего солнца блекло отсвечивали осколки фаянсовых и хрустальных наборов, ежегодно вручаемых профессору разными именитыми гостями из столь же именитых институтов и университетов мира. Но наборов этих Минцу было не жаль.

А вот потерю богатейшей библиотеки, столько лет собиравшейся книжка к книжке, он вандалам простить не мог.

Если пересчитать все дни, проведенные им за чтением этих книг, хватит, пожалуй, на несколько лет. Да что там лет? Почти вся жизнь его прошла в этих книгах!

И теперь вся эта его жизнь валяется ворохом обрывков на полу! Шелестит в ледяном потоке воздуха из разбитого окна...

Минц просидел в комнате среди этих бумажных залежей почти до середины дня, когда холодное зимнее солнце уже собралось прятаться на ночь. Он перебирал вырванные страницы, будто прощаясь с каждой, как с погибшим боевым товарищем.

Тяжело вздохнув, он вслух задал главный вопрос, который мучил в этот момент весь Великий Гусяр:

– А всё же, кто это устроил?

И в тот момент, когда он, не дождавшись ответа, поднялся, чтобы зажечь свет, особенно большая груда бумаги в углу вдруг зашевелилась.

Профессор Минц был настоящим исследователем и изобретателем, а потому совершенно не испугался ожившего вороха обрывков. Лев Христофорович всё же щёлкнул выключателем, дабы получше рассмотреть интереснейший научный феномен, как вдруг внутри кучи кто-то громко чихнул.

От этого громкого, а главное, сильного чиха бумага разлетелась в стороны, и взору умудрённого опытом профессора предстал некий субъект, отличающийся повышенной волосатостью тёмного цвета и яркими зелёными глазами, испуганно глядящими из вороха всклокоченной шерсти вперемешку с бумажными ошмётками.

– Позвольте, молодой человек... – проговорил Минц, надевая очки и внимательнее рассматривая незнакомца.

Но тут существо вновь громко чихнуло, отчего оставшаяся вокруг него бумага с громким шелестом разлетелась по всей комнате, а у волосатого субъекта обнаружился хвост.

Да-да, самый настоящий хвост!

Минц, наконец надевший очки, от удивления только и смог протянуть долгое «Да-а-а...», а хвостатый гость уже начал затравленно озирается в поисках подходящего убежища.

К сожалению, профессором уже завладела страсть к открыванию и познанию неизведанного, когда никто и ничто не может просто так уйти неопознанным. Незнакомец, видимо, увидел в глазах Льва Христофоровича иное будущее для себя, а именно в виде препарированной тушки, и потому лишь тихо заскулил в углу.

Лев Христофорович был великим учёным, но никогда не был извергом. В своё время активисты «Green Peace» даже наградили Минца своей почётной медалью, придуманной ими специально для учёных. На одной стороне медали была изображена маленькая белая мышь с пробиркой в лапках, а на другой красивым каллиграфическим шрифтом выведена гордая надпись: «Во время опытов не пострадало ни одно животное!»

Со словами «уси-пуси» и умиротворяющей гримасой на лице профессор медленно двинулся к «неопознанной обезьянке», как он мысленно уже окрестил для себя это существо из-под груды бумаги.

«Неопознанная обезьянка» продолжала скулить, но когда профессор приблизился почти вплотную, она вдруг с криком «Я не виноват!» ринулась в соседнюю комнату. Лев Христофорович сначала оторопел, а потом кинулся следом.

Казалось бы, что ещё можно уничтожить в уже и так развороченной квартире? Однако, как показал опыт погони за теперь уже «неизвестной *говорящей* обезьянкой», уничтожить в квартире Минца можно было ещё многое. И всё это многое было их совместными усилиями уничтожено.

Уничтожение сопровождалось жутким грохотом и звоном, топотом Льва Христофоровича и дикими воплями и нецензурной бранью убегающей «обезьянки».

И вполне естественно, что многие соседи просто не могли оставить без внимания странные события, происходившие в квартире их горячо любимого и уважаемого профессора.

Первым у дверей оказался Грубин. Пока он прикидывал, вызывать бригаду скорой помощи, или сразу звонить в психиатрическое, чтоб усмирить поехавшего головой на почве утраты имущества Минца, возле дверей материализовались старик Ложкин и Удалов с внуком Максимкой.

В этот момент за дверями раздался особенно жуткий грохот с последовавшими трёхэтажными матюками.

– Это не Минц, – уверенно сказал Ложкин.

– Надо ломать, – подытожил Грубин.

Удалов с Грубиным поднажали и с громким «У-ух!» высадили дверь профессорской квартиры.

Когда осела пыль, глазам соседей предстала картина, которую можно было бы назвать так: «Иван Грозный убивает своего сына на развалинах Помпеи».

Конечно же, Лев Христофорович никого не убивал. Просто он полулежал на ворохе осколков и ошмётков, а на коленях у него в пожилых, но крепких руках билась и извивалась свежепойманная неведомая зверушка.

На несколько минут в квартире установилась тишина. Только обезьянка пыталась вырваться из профессорских рук, да Максимка пыхтел, проталкиваясь из-за спин взрослых.

Когда же мальчонка пролез между ног деда, лохматый незнакомец наконец смог вывернуться и со злостью укусил Минца за палец.

– Ой! – только и выговорил профессор, но хватки не ослабил.

Маленькая бестия в ответ зло щёлкнула хвостом.

– Деда, смотри, маленький чертёнок! – весело закричал Максимка, подбегая к Льву Христофоровичу.

– А ведь и верно, – согласился Корнелий Удалов. – Чертёнок, ей же ей!

– Чертёнок? – с недоверием переспросил Минц и будто впервые взглянул на свою добычу. Почему-то только теперь, после слов удаловского внука, он увидел не замеченные ранее маленькие рожки на голове незнакомца да копытца на ногах.

А Максимка тем временем ласково погладил чертёнка по голове.

– Он кусается, – опоздало предупредил Ложкин, с подозрением глядя на исчадие ада.

– Бедненький, напуганный... – как ни в чём ни бывало увещевал тем временем Максимка.

Чертёнок вроде бы оттаял, разомлел от такого обращения, попытки освободиться стали слабее.

– А матерился тоже он? – прагматично поинтересовался Грубин, осматривая останки квартиры.

– Он, – признался Минц.

– Я! – гордо ответил чертёнок довольно детским голосом. – А чего он? – и брезгливо кивнул в сторону профессора.

– Та-а-ак... – произнёс Грубин, подойдя поближе и осматривая пришельца со всех сторон.

– Отпустите! А не то!.. – резко взвизгнул чертёнок и снова попытался укунить Минца.

Не столько испугавшись этого «а не то», сколько уже устав держать трепыхающуюся добычу, Лев Христофорович спросил:

– А убежать не будешь?

Чертёнок из-под бровей обвёл всех хмурым взглядом и буркнул тихо: «Не буду. Куда уж мне теперь...»

И действительно, отпущенный, он никуда не ринулся убежать, а лишь стал приглаживать свою отливающую голубизной чёрную шерстку, косо поглядывая на присутствующих. Максимка стоял рядом, восхищённо разглядывая пленника.

– И откуда он у вас взялся, Лев Христофорович? – нарушил паузу Грубин.

– Да вот... – неопределённо ответил Минц, обведя рукой свою квартиру. – Появился вот...

– Это всё не случайно, – заявил вдруг старик Ложкин.

– Что это? – уточнил Удалов, попутно оттягивая упирающегося внука от подозрительной твари.

– Да вот это... существо... и разгром во всём городе. Не случайно это всё!

– Может, и не случайно, – согласился с Ложкиным Грубин. – Не случайно? – спросил он, уже обращаясь к умывающемуся языком, словно котёнок, чертёнку.

– Не случайно, – как-то с горечью и слезами в голосе ответил маленький пришелец.

– Ну, тогда рассказывай, что тут происходит, – заявил Удалов, за ночь подсчитавший, во сколько обойдётся городу восстановление асфальтового покрытия на улицах, ремонт квартир и прочее, а тут вдруг нашедший потенциального козла отпущения.

– А мёду дадите? И чайку? – уже просительно осведомился поникший виновник разрухи.

Казалось бы, объявись в каком городе нечистая сила, это подняло бы шум и переполох среди жителей. Но не такими были жители Великого Гусяра. На своём веку они уже навиделись столько всего, что появление одного-единственного представителя нечисти могло вызвать разве что небольшую заинтересованность. Если бы не означенные события с разгромом во всём городе. В свете этих событий появление чертенка рассматривалось по-иному. А потому нужно было расставить все точки над «i».

Допрос подозреваемого и следствие было решено перенести в квартиру Грубина, потому как в квартире Льва Христофоровича ни о каком чае с мёдом речи идти не могло. К Удаловым и Ложкину тоже решили не идти, чтобы их жёны раньше времени не подняли панику, или, что

более вероятно, не начали распространять непроверенные слухи по всему городу. Удаловского внука Максимку решили взять с собой, раз уж он всё равно был в курсе событий.

«Сперва нужно разобраться!» – трезво заявил Грубин и повёл всех в свою уже отчасти прибранную квартиру.

Когда чай был разлит по кружкам, а принесенный Ложкиным мёд разложен по блюдечкам, все вновь устремили свои взгляды к пришельцу. К этому моменту его уже успели рассмотреть как следует.

Был он невысокого роста, примерно по пояс Максимке. Всё тело его покрывала мягкая тёмная шёрстка. Руки были вполне обычные, с пятью пальцами. Лицо тоже вполне человеческое, вот только также покрытое коротенькой шёрсткой. Зато на голове, как и положено чертёнку, росли маленькие рожки. На ногах присутствовали копытца, а длинный тонкий хвост оканчивался острой стрелочкой. В общем, чертёнок как чертёнок. Даром, что их раньше не видели никогда в Великом Гусяре.

– Ну, рассказывай, – взял инициативу в свои руки Грубин. – Но только по порядку. Во-первых, лично я, да и все гусярцы (он обвел взглядом присутствующих, олицетворявших, по его мнению, всё гусярское население) хотели бы знать: кто ты такой?

Чертёнок лизнул шершавым языком мёда, игнорируя положенную рядом с чашечкой ложку, а потом встал, поклонился по русскому обычаю до пола и провозгласил:

– Казумадрил, младший помощник кострового третьей особой бригады его величества Сатаны. К вашим услугам.

– Казу... как? – переспросил Удалов.

– Казумадрил, младший помощник костр... – вновь начал тираду чертёнок, но тут его перебил Удалов-младший:

– Кузька! Как домовёнок в мультфильме!

Озадаченный чертёнок запнулся, затем махнул рукой и ответил:

– А... пусть будет Кузька...

– Ладно, Казу-как-тебя, – продолжил Грубин. – Вопрос второй: кто учинил сие бесчинство в городе? – и указал на развороченный шкаф и сломанный торшер.

– Ну... мы учинили, – сознался Кузька. – Вернее, не я, а черти и демоны. – Он помялся немного, вспомнил квартиру Минца и добавил: – Ну, и я чуть-чуть.

– И что, все они теперь так же прячутся в квартирах? – напугался Удалов.

– Нет, конечно же! – выпалил Кузька, как-будто всем должна была быть понятна абсурдность такого утверждения... – Им-то зачем? – спросил он присутствующих.

На поставленный вопрос никто, естественно, ответить не мог. А потому после минутной паузы чертёнок отхлебнул ещё чаю, долизал мёд и поведал им свою историю целиком.

Как и предполагал старик Ложкин, разгром в Великом Гусяре, а затем и появление Кузьки были совсем не случайностью. Началось всё с того, что много лет назад (а вернее, тысячелетий) вот этот самый чертёнок Кузька по безалаберности своей посеял где-то в пределах будущего города Великий Гусяр вещь, позарез необходимую Повелителю Ада.

Тут Кузьку перебил Удалов, засомневавшийся в возрасте допрашиваемого, но профессор Минц компетентно заявил ему, что черти живут значительно дольше. Спорить с наукой Удалов не мог, а потому больше не мешал рассказу.

Так вот, эта столь необходимая Врагу Человеческому вещь каким-то образом была связана с наступлением Армагеддона, последней битвы Добра со Злом за людские души. Развязать эту битву Сатана порывался уже давно, да всё как-то не чувствовал себя готовым к ней.

И вот сколько-то лет назад его военный штаб решил, что войска Тьмы уже достаточно сильны, шансы на победу довольно велики, в общем – самое время начинать.

И всё бы ничего, да было несколько условий, которые испокон веков оговаривали правила начала этой битвы. И правила эти не мог нарушить даже сам Сатана.

Первое правило, носившее название закона больших чисел, было довольно простым и заключалось в том, что начать битву можно лишь в год, когда заканчивается одно тысячелетие по земному календарю и начинается следующее. Тут всё было просто, подождать несколько сотен лет не составляло труда.

Потом шло ещё несколько довольно простых правил про различные церемонии, сопровождающие начало битвы. В общем, о них даже есть упоминания в различных религиозных летописях. Это всё тоже не создавало никаких препятствий.

И вот когда уже приготовления к битве начались вовсю, какой-то старый демониска-крючоктвор, всю жизнь проведший не на боевом посту, а в пыльных библиотеках сатанинского дворца, выкопал какое-то мелкое упоминание об условии, оговоренном в пункте 666 приложения 13 к описанию вселенской войны, где говорилось о том самом артефакте, что Кузька умудрился потерять.

Что это за вещь, и как она попала к чертёнку Кузьке, мелкой сошке в сатанинской канцелярии, рассказчик сообщать не желал. Однако по множественным оговоркам всё же можно было составить некоторое её описание.

Во-первых, она была действительно мелкой, размером с небольшую статуэтку. Во-вторых, в верхней своей части имела два переплетенных кольца, за которые её при желании можно было подвесить на шнурке.

Конечно, опознать по таким признакам её не смог бы никто из присутствующих, за исключением самого Кузьки.

Так вот, когда выяснилось, что артефакт сей утерян, Сатана сначала разгневался, но сделать Кузьке особенно ничего не мог, так как хуже Ада места придумать не мог.

Тогда он решил просто плюнуть на эту мелкую оговорку и начинать битву без её учёта. Когда же в ночь с 1000-го на 1001 год битву начать не удалось, Сатана понял, что мелочь мелочью, а халявы не будет – придётся искать потерю.

Пришлось снарядить всех своих демонов на поиски, но и тут снова вылез этот крючоктвор проклятый и заявил, что опять есть закавыка: вещь эту на грешной Земле обнаружить можно всё в ту же злополучную ночь из старого тысячелетия в новое как раз после часа ночи до шести утра. Вот и баста! Ищи-свищи, как говорится.

Так и получилось, что в ночь, когда все жители Великого Гусляра вовсю веселились на площади, расхватывая бесплатных кроликов и другие призы, по всему городу, во всех квартирах орудовала нечисть поганая, тщасть найти столь необходимую им вещицу.

– Я знал, что это только нечистой силе или инопланетянам возможно такую агитацию развернуть! – не выдержал Ложкин. – Разве ж это видано, чтобы в нашей России столько кроликов и на халяву раздавали?! – спросил он. – Да ни в жисть! – сам же и ответил.

С ним все согласились. Халяву русский люд любит. Но вот всё больше получать, а не раздавать.

Но тут Грубин спохватился, что самое главное-то Кузька ещё не сказал, и с сожалением в голосе спросил:

– Так что, всё теперь? Скоро этот ваш Армагеддон начнётся?

– Да, мы-то что... – проговорил в наступившей тишине Удалов, – а вот внуков жалко, не пожили ведь ещё, – и он с дедовской любовью прижал Максимку к груди.

– Да что ему будет-то? – осведомился Кузька, воспользовавшийся ситуацией и стацивший мёд у зазевавшегося Ложкина. – Пусть живёт. Чего ему помирать-то? – разрешил он, вылизывая остатки мёда из банки.

– Это как это почему?! – возмутился Удалов. – Армагеддон ведь! Всё, конец людскому роду! Я хоть и атеист, но тоже наслышан, – гордо заявил он.

– Так не нашли ведь... – вздохнул Кузька. – Иначе чего бы я тут прохлаждался?

– А и правда, с чего бы это вы объявились, когда остальные ваши сородичи убрались восвояси? – спросил молчавший до сих пор Лев Христофорович.

– Так крючоквор-то тот напоследок, с досады выдать, шепнул Сатане, что есть место похуже Ада – Земля ваша. В ссылке я тут, если по-вашему. Аж до Армагеддона. Пока не найду его... этот... – Последние слова Кузька произнёс с такой тоской в голосе, что у собравшихся даже слёзы выступили от сострадания.

Первым опомнился Максимка, вырвавшись наконец из дедовых объятий:

– Так ты что, у нас теперь жить будешь?! Вот ведь здорово! – и от такой радости он чмокнул пригорюнившегося чертёнка в нос.

Профессор Минц тем временем протёр очки и солидно резюмировал:

– А следующая попытка, значит, через тысячу лет будет, как я понимаю?

Чертёнок кивнул в ответ.

– Значит, товарищи, будем жить! – не очень жизнерадостно возвестил Лев Христофорович.

– А беспорядки кто за них убирать будет? – Удалов с досадой кивнул на Кузьку.

– Ну, как-нибудь потихоньку... – ответил Минц. – Ведь главное, Корнелий, в том, что жизнь продолжается!

К весне улицы города были приведены в порядок, в квартирах восстановлен уют, но события миллениума навсегда вошли в анналы истории Великого Гусяра.

А Кузька так и остался жить в доме на Пушкинской. Вместе со Львом Христофоровичем Минцем. Правда, пришлось его отучить от привычки материться во гневе. Да и соседи его полюбили, парень он оказался работающий, старухе Ложкиной бельё помогал стирать, с Максимкой Удаловым уроки делал, да и в домино отменно играть умел.

Про его поиски всу уже стали забывать, когда однажды Удалов, проходя мимо памятника Землепроходцам, заметил в руке одного из легендарных героев города некую подозрительную вещь. Подойдя поближе, он с ужасом обнаружил, что в огромном кулаке зажата мелкая безделушка с двумя переплетёнными кольцами. Он тысячу раз видел этот памятник раньше, но как-то не обращал внимания на эту деталь.

Удалов протёр глаза, потрогал странный предмет, попытался выдернуть. Однако два кольца составляли единое целое с памятником.

Тут-то он и вспомнил, что памятник делали в точности по картине какого-то древнего живописца, запечатлевшего на холсте уход землепроходцев. Картина та хранилась в городском музее, да при очередном пожаре в хранилище погорела. Елена Сергеевна, бывшая в то время директором музея, страшно горевала тогда: реставраторы так и не смогли полностью восстановить полотно.

Поздно ночью Удалов вышел на улицу, вооружившись мастерком и ведром с раствором. Озираясь по сторонам, он тихонько подкрался к памятнику.

«Нам-то ладно, а вот внуки...», – прошептал он и принялся за работу.

Скульптор из него был никудышный, но каменщиком Удалов был признанным. Не прошло и получаса, как два кольца в руке землепроходца исчезли, сменившись шляпкой гриба. И в последующие годы многие туристы неизменно задавали вопрос: зачем уходящему на покорение Сибири и Аляски нужен с собой гриб? На что молодые городские экскурсоводы так же неизменно отвечали, что тоска по родине, мол...

А профессор Минц нашёл неожиданное применение Кузькиному появлению в городе. В июне он заявил, что ретрогенетика ещё поможет человечеству, и что им уже начата подготовка к опыту для научного подтверждения теории о том, что все демоны пошли от падших ангелов.

Но это уже другая история...

01.01.2001 (Кирил Бульчёв)

10-11.03.2001 (Владимир Кнари)

Мёртвый город (хроника истерии)

8 часов до

Людей на улице было немного. В этот час каждый старался либо замкнуться в себе, оставшись наедине с одиночеством и пустотой, либо же предаться самым низменным и похотливым желаниям, которые до этого пытался затолкать подальше в своё естество. Да и не любой решится выбраться на улицу в такую метель.

Что ж, Диму это только порадовало. Совершенно не хотелось видеть сейчас горланящую толпу, а ещё хуже – столкнуться с кем-то из знакомых. Он не встретил и десятка прохожих, пока шёл от дома до завода, да и среди них лишь один произвёл впечатление спешащего по делам человека, остальные же явно лишь празднично шатались по улице, не найдя лучшего способа убить оставшееся время.

Почему бы и нет? – подумал Дима. – Чем такой способ хуже других? Вообще, что сейчас лучше, а что хуже, когда до конца света осталось каких-то жалких восемь часов? Зачем вот, например, мне понадобилось тащиться сюда сквозь метель, которую никто не ждал в середине весны? Видно, вся природа гневается и готовится к неминуемому концу. – Он с некоторой злостью толкнул металлическую калитку на проходной, и та жалостливо скрипнула в ответ.

– Кто это? – тут же отозвался на скрип старческий голос из сторожки.

Ого! А ведь дядя Вова здесь, кто бы мог подумать...

Дима подошёл к окну, прижался к нему лбом, пытаясь в темноте небольшой комнатухи разглядеть говорившего.

– Дядя Вова, это я, Дима Беренков.

Старик наконец нашарил свои очки, нацепил их на нос и всё равно подслеповато поглядел сквозь стекло на неожиданного посетителя.

– А... ты, Дима... Чего ж ты пришёл, завод ведь не работает. – Даже не дожидаясь ответа, дядя Вова махнул рукой: – Ай, заходи, раз уж здесь.

Дима открыл дверь и окунулся в теплоту уютной сторожки.

– Да знаю я, дядя Вова, знаю. Но и дома сидеть не могу, – запоздало ответил он. – Может, я и сам не знаю, зачем пришёл, – тихо добавил он себе под нос, а затем вновь обратился к старику. – Вы вот тоже здесь, как погляжу. – Он без приглашения уселся на свободный стул и протянул онемевшие руки к радиатору, с завистью покосившись на металлическую кружку, от которой так и веяло жаром и ароматом только что заваренного чая.

– Здесь, здесь, – прошамкал старик, роясь в ящике стола. – Куда мне деться-то? Конец света, не конец, а привык я уж тут сидеть, что поделаешь... О! – Он наконец нашёл то, что искал, и поставил на стол вторую металлическую кружку. – Чай будешь? Я тут про запас заварил, как знал, что кто-нибудь заглянет на огонёк.

– Не откажусь.

Дядя Вова, не жалея, налил заварки с полкружки, а затем долил кипятком из небольшого чайничка.

Минут пять они молча смаковали чай, думая каждый о своём. Затем сторож нарушил молчание:

– Вот скажи мне, Дима, почему так получается? Столько лет жили, верили в своё правое дело, а потом – бац! Не в то верили, оказывается. Зря царя скинули, зря от Бога отреклись! Может, потому и пропадаем сейчас, что тогда отреклись, а теперь вновь уверовать не смогли?

– Почему же не смогли? – Дима развалился на стуле, как на мягком кресле, быстро разомлев с холода от горячего. – Да в эту минуту, поди, почти каждый либо в храме Божьем, либо

дома перед иконой сидит. Все веруют. Даже, вон, президент давеча по телевизору покаяться призывал, чтобы чистыми пред Богом предстать.

– Так-то оно так, – вздохнул сторож. – Да не так. Не от веры туда идём, а от страха. Боятся люди, что в ад этот чёртовый попадут, вот и бросились грехи замаливать, думают, прибежали сейчас в храм, пожертвовали ненужные уже деньги на Божьи дела, ударились лбом перед иконой – и всё, Господь уже простил их. А если же он и есть, Господь, то маловато этого будет, я так думаю. По мне, живи ты по совести всю жизнь, и в церковь можешь не идти. А если ж кутил, Бога в себе не чуял, то и сейчас тебе он не поможет, как ни крутись.

– Вот уж не знал, что ты в Бога уверовал на старости лет, – удивился Дима.

– А я и не уверовал, – возмутился старик. – Нет, я тебе так скажу: коли Бог и есть, то он вот здесь сидит, – он ткнул себя кулаком в грудь, – здесь, и только здесь. Совесть твоя – вот и есть Бог! Един во всех лицах! Потому и не поможет это всё... – он указал через окно на огромный плакат на торце заводского корпуса, уже порядком примелькавшийся за последние полгода.

«А ты искупил свои грехи?!» – вещала надпись на нём. А нарисованный священник очень сильно напоминал Диме солдата-красноармейца, который во время войны точно так же вопрошал со стен: «А ты записался добровольцем?» Та же вытянутая рука с указующим пальцем, тот же взгляд, от которого невозможно уйти, прожигающий тебя насквозь...

– Показуха всё это... – тихо проговорил дядя Вова и одним глотком допил свой чай, заставив Диму задуматься, а не добавил ли туда старик чего для крепости.

6 часов до

Лариса чуть не обожглась, когда сын вдруг дёрнул её сзади за халат.

– Ой ты, Господи! – вскрикнула она, отпрыгивая от плиты.

Дениска упал и сразу же заплакал.

– Ну, успокойся, сыночек, – Лариса склонилась над малышом, обняла его и погладила по голове. – Извини, малыш, мама не хотела. – И когда всхлипывания стали тише, строго добавила: – Но и ты больше не пугай так маму, хорошо?

Малыш кивнул и уткнулся лицом в халат, обняв Ларису своими маленькими ручками. Она прижала его покрепче к себе и снова ласково спросила:

– Ну, что ты хотел, малыш?

Дениска всхлипнул ещё раз, скорее для приличия, чем от боли, и немного обиженным, но требовательным тоном сказал:

– Мам, дай вкусенького.

– Где же я тебе возьму сейчас вкусенького? – Дениска опять начал всхлипывать. – Ну ладно, иди в комнату, сейчас я что-нибудь принесу. – Она опустила мальчишку на пол, несильно хлопнула его пониже пояса: – Беги.

Обрадованный малыш уже с криками радости убежал в комнату.

– Что же тебе сделать-то? – тихо запричитала Лариса. – Сейчас придумаем.

Она достала сахар, зачерпнула его ложкой и немного полила водой. Затем зажгла газ и стала подогревать ложку, как делала это ещё в детстве. Спустя некоторое время леденец был готов.

Дениска с воплями радости принял угощение, а Лариса ушла на кухню готовить дальше (зачем, она не знала и сама). Но что-то перевернулось внутри неё, она подошла к окну, взглянула на небо, сокрытое сейчас тучами и хлопьями снега, и со слезами на глазах произнесла:

– Зачем? Зачем ты лишаешь их сейчас всех этих маленьких радостей?

Вдруг телевизор в комнате чуть ли не заорал, поддавшись детским пыткам, и Лариса отчётливо услышала настолько знакомый теперь голос Патриарха:

– Готовьтесь, лишь самые достойные будут допущены Им, Судный час уже близок. Когда в последний раз сойдутся луна и солнце, души ваши предстанут пред Ним... Покайтесь, и будьте готовы...

4 часа до

В цеху царил полумрак, и Диме не захотелось включать свет. Очень кстати сейчас была такая мрачная атмосфера. Станки неясными силуэтами напоминали чудовищ, которых, если верить священникам, скоро можно будет увидеть воочию, когда Тьма спустится на мир.

Неестественная тишина, не воцарявшаяся здесь на протяжении многих лет, теперь стала полновластной хозяйкой. Зачем работать станкам, если производимые ими детали уже никому не понадобятся?

Не без труда найдя своё рабочее место, Дима открыл защитный кожух на станке, с нежностью провел рукой по остановившимся механизмам, на ощупь, по памяти проверил, всё ли в порядке. Потом двинулся вокруг, но тут под ногой что-то зашуршало. Дима достал зажигалку и в свете маленького огонька разглядел, что это всё тот же плакат, только уменьшенная копия. Он поднял лист, поставил на станок, а сам двинулся сначала влево, потом вправо, неотрывно глядя в глаза нарисованному священнику. Тот не отпускал его. «А ты искупил свои грехи?» – стучала фраза в мозгу. Всё так же глядя на картинку, Дима достал сигарету, вставил её в рот, затем смял плакат и поджег его зажигалкой. Когда тот запылал, Дима прикурил от его огня.

Пыхнув дымом, он произнёс вслух: – Искупил, не искупил, какая теперь разница? – Плакат почти догорел в его руке, и он бросил его на пол, тщательно растоптав тлеющие остатки.

– А что такое грехи?

От этого громко произнесенного вопроса сердце Димы подпрыгнуло к горлу. Он резко развернулся, пальцы сами чиркнули зажатую в руке зажигалку, и в свете маленького огонька Дима увидел задавшего вопрос.

О, Господи... Послал же Бог такого идиота на душу. Это был местный дурачок, которого мальчишки прозвали Додиком. У Додика была крайне интересная внешность – приплюснутый сверху череп и огромные, торчащие в стороны уши. А вот глаза глупыми отнюдь не выглядели.

– Что ты тут делаешь? – почти прокричал Дима.

– Не было никого, – на этот раз почти шёпотом ответил Додик. – Тихо. Спокойно. – Он погладил безмолвные механизмы, будто домашнюю собачку. – Все ушли, никто не гонит, – он пошёл вдоль ряда станков, так же поглаживая другие, – никто не кричит. – На расстоянии метров в пять, когда его лицо уже тяжело было разобрать в неярком свете зажигалки, он вдруг обернулся и опять громко спросил:

– Что такое грехи?

– А тебе зачем? – глупо в ответ спросил Дима.

– Ну, на этой бумаге, что вы сожгли, – Додик указал на пепел на полу, – на ней было написано: «А ты искупил свои грехи?»

– А что такое «искупить» – ты знаешь? – так и не ответил на вопрос Дима.

– Нет, – честно признался Додик.

– Тогда почему про грехи спрашиваешь?

Додик пожал плечами и снова тихо ответил:

– Не знаю, просто так... Так что это?

– Ну, это такие вещи, которые делать не стоит, – как мог, объяснил Дима.

– А что такое «искупить»?

– Ну, а это – как бы попросить прощения за сотворённые тобой грехи. Ясно?

Додик задумался, опустил на корточки и начал что-то выводить пальцем на пыльном полу. Затем поднялся, сделал пару шагов к Диме и тихо, почти шёпотом спросил:

– А зачем делать грехи? – не дожидаясь ответа, он повернулся и двинулся вдоль станков в темноту цеха.

Дима даже обрадовался его внезапному уходу, так как ответ на этот вопрос Додика найти не мог...

2 часа 47 минут до

Их лица все эти годы стояли перед ним, он гнал их от себя, пытался забыться в выпивке, но они продолжали преследовать его. Они всегда были с ним, лица тех несчастных, которых приказывали сослать на «десять лет без права переписки». Лица ещё более несчастных, которым выпало искуплять в лагерях свою «вину» перед отечеством...

А ведь он мог тогда отказаться, мог, пусть даже став в один строй рядом с ними... У стенки или за ней...

Дядя Вова допил очередную кружку чая, вымыл и спрятал её назад в ящик. Тщательно проверил заготовленную загодя верёвку, привязал её к металлической трубе, влез на табуретку и надел петлю на голову.

– Если ты здесь, внутри, то тебе давно стоило сделать это, а если нет, то не буду утруждать тебя тем, что могу сделать и сам, – хрипло произнёс старик, глядя в окно, где тучи уже начали рассеиваться, будто специально позволяя солнечному свету пробиться на землю, чтобы все успели увидеть тот миг, когда «сойдутся луна и солнце».

– Показуха всё это... – вновь сказал он и оттолкнул табуретку...

1 час 45 минут до

Никакие голоса хористов уже не могли заглушить те стенания, тот вой обречённых, что разносился под куполом храма. Несколько тысяч людей сумели впихнуться вовнутрь и ещё больше стояли снаружи, пытаясь в последний миг быть как можно ближе к Богу, надеясь на спасение, в которое они не верили...

Люди рыдали, моля о прощении, мало задумываясь над тем, за что... Люди рыдали, а хор пел... Очень чинно пел здесь, в центре Москвы, и совсем по-другому, весело, с плясками, пел хор в центре Чикаго.

Все церкви мира и многочисленные секты ждали наступления рокового часа, который уже несколько раз назначали, но потом откладывали разные «предсказатели». И именно в этот раз почему-то все церкви разом признали наступление Судного дня...

Все наспех отпускали грехи, уже давно не выдерживая полной процедуры, так как желающие исповедаться прибывали и прибывали...

47 минут до

Решение далось ей не сразу.

Со слезами на глазах Лариса взяла две таблетки, налила стакан воды.

– Выпей, Дениска, выпей. Так надо.

Мальшу явно не хотелось пить лекарство, он отворачивался, пытался выплюнуть его.

– Выпей, и мы пойдем баиньки... – Наконец Ларисе удалось запихать таблетку сыну, тот проглотил её, и лишь после этого она сама выпила вторую.

Взяла сына на руки, уложила его на кровать:

– Теперь мы будем спать. Долго-долго. И тебе приснятся хорошие сны, – и тихо запела любимую с детства колыбельную: «За печкою поёт сверчок, угомонись, не плачь, сынок...»

Когда Дениска задремал, она легла рядом и, закрыв глаза, рыдая произнесла:

– Прости меня, Господи, прости... Пусть лучше так... Тихо и спокойно...

3 минуты до

Дима и сам не знал, зачем достал старый отцовский револьвер. Но оружие в руках придавало сейчас какой-то решимости. Вот только для чего?

Он включил телевизор и радио на полную громкость, чтобы заглушить крики истерии, доносившиеся, как ему казалось, отовсюду.

На экране сменялись кадры прекраснейших пейзажей, эпизодов истории человечества, достижений мысли... И всё это сопровождалось великим «Адажио» Томасо Альбиниони...

Неизвестный ди-джей радио не отставал от телевидения. В этот миг он не нашёл ничего лучшего, как включить перед своим уходом (или помрачением?) бессмертный «Реквием» Моцарта, как бы насмехаясь над последними слушателями.

«Прими их души, Господи...»

Но даже музыка не могла заглушить то, что творилось сейчас у него внутри.

Сначала Додик со своими дурацкими вопросами, а потом ужасный труп с вывалившимся языком... И яркое солнце, глядящее на это, такое неуместное в последние минуты существования человечества.

«Зачем делать грехи?.. Прими их души, Господи...»

Солнце стало меркнуть, Тьма всё больше сгущалась, а два оркестра гремели...

Дима не выдержал напряжения и с диким воплем схватил старый пистолет. Гром музыки заглушил ещё один отчаянный выстрел...

Время отсчёта

Солнце скрылось за диском луны, и крик ужаса прокатился по всей планете, переходя в предсмертные хрипы...

2 часа 11 минут после

Солнце светило вовсю.

Додик брёл по улице, сопровождаемый целой сворой собак, наряженных цветными бантами и лентами. Собаки весело лаяли и норовили лизнуть его руки, когда он гладил одну из них.

А он шёл по тихой улице, глядя на развешанные там и тут плакаты со странными и непонятными словами. Шёл, а солнце отражалось тысячью зайчиков в недавно наметенных сугробах, как бы говоря: «Плюнь на всё и радуйся жизни»...

08.03.2000

Прецедент

Хотя уже давно стояла весна, на улице всё ещё было прохладно. А в этот день ещё и мерзкий дождик накрапывал.

Окинув грустным взглядом реку, Харон отошёл от окна, улёгся на диван и поплотнее закутался в тёплое цветастое одеяло. В такие дни у него было особенно противное настроение, когда не хотелось делать ничего. То есть вообще. Хотелось просто вот так лежать, смотреть в потолок и мечтать о прекрасном.

Размечтавшись, Харон и не заметил, как задремал. Но сну его было не дано продлиться долго – крики на улице стали настолько громкими, что сумели добраться до него через толстые стены. Раздосадованный, Харон поднялся, обвязал вокруг шеи огромный шерстяной шарф, закрыв им не только шею, но и огромную бороду, натянул на ноги уже порядочно разбитые валенки и вышел во двор.

Заметив его появление, толпа на другом берегу стала кричать ещё громче. Не обращая на неё особого внимания, лодочник доковылял до пристани, стянул с шеста здоровенную жестяную воронку, прочистил её и прокричал, обернувшись к толпе:

– Приём! – такое обращение у него стало уже стандартным в последние годы. Харон любил всё новое, а потому изобретение радио не осталось для него незамеченным. – Приём! Внимание! Говорит начальник лодочной станции Харон. По техническим причинам, то есть по причине поражения главного лодочника вирусом ОРЗ, лодочная станция сегодня закрыта. Работа возобновится в ближайшие дни, перевозки будут осуществляться согласно расписанию.

Толпа разразилась яростным воем, однако Харона это никак не трогало. Он равнодушно повесил самодельный рупор обратно на шест и двинулся к дому.

Чтобы больше не слышать шума толпы, он включил в комнате радиоприёмник. К сожалению, кроме шумов, ничего не передавали. Тогда он натянул одеяло на голову и, с твёрдым намерением выспаться, повернулся лицом к стене.

Однако уже через час его сон был вновь нарушен. На этот раз были слышны не только крики, но и какой-то ужасный вой сирены, от которого сводило зубы. «Э-эх», – только и произнёс Харон, пытаясь найти невесть куда завалившиеся тапочки. «Хорошо, вы меня достали, я выхожу», – подумал он, одеваясь и снимая с гвоздика берданку.

Хлопнув дверью, он окинул сонным взглядом противоположный берег Ахеронта. Люди не обращали на него никакого внимания, все головы были повернуты куда-то в сторону, к чему-то, что было скрыто от пожилого перевозчика душ домом. Как только Харон подошёл к углу дома, вновь раздался ужасный вой. Харон резко дёрнулся назад и уже с осторожностью выглянул из-за угла. Увиденное поразило его до глубины души: прямо на него двигался корабль. По размерам его можно было сравнить разве что с горой. От удивления Харон даже выронил из рук ружьё.

Такое явление было явно непредвиденным. Даже больше – совершенно невозможным здесь, в преддверии царства Аида.

А корабль тем временем бросил якорь...

В тронном зале царил полумрак, свойственный всему царству в целом. Непогода внешнего мира не властвовала здесь. Вечная ночь. Ни один лист не упадёт с дерева, ни одна капля дождя не выпадет на голые безжизненные холмы. А олицетворение всему этому вневременному постоянству – владыка этих земель, мрачный царь Аид, брат могучего Зевса-громовержца.

Но сегодня царь был темнее тучи. Он бы уже давно удавился, но боги бессмертны. А уж повелитель царства мёртвых никак не мог сам стать мертвецом. Потому Аиду оставался лишь

самый проверенный способ – бутылка отличного портвейна, ставшего за много лет роднее любого человека. Нет, пожалуй, не любого – любимая Персефона всё-таки ближе. А теперь её нет рядом. И он пьёт. Потому что её нет. А всё из-за этой Деметры с её гипертрофированными материнскими чувствами!

Аид потянулся к бутылке, но уже нетвёрдая рука, запутавшись в мантии, лишь задела сосуд. Бамс! Ещё одной бутылью меньше. С ворчанием царь сполз с трона и нетвёрдыми шагами направился к маленькому бару, спрятанному за гобеленом, изображавшим подвиги великого Геракла. Вытянув очередную бутылку, Аид профессиональным движением вскрыл её и прямо здесь же уселся на пол.

В этот самый момент в зал и ворвался Харон.

– Неслыханно! Невиданно! Там такое творится! – сразу начал кричать он, обращаясь к трону, но, заметив, что тот пуст, остановился и стал обшаривать зал глазами. Целая гамма чувств пробежала по его лицу, когда он, наконец, обнаружил своего властелина. Да и то сказать – многодневная щетина, блуждающий взгляд, растрёпанные волосы, мантия, обёрнутая два раза вокруг талии и заткнутая за пояс – всё это могло поразить даже искущённого в таких делах Диониса.

Мгновенно оценив ситуацию, Харон выскочил из зала и появился уже с огромным кувшином, до краёв наполненным ледяной водой. Совершенно бесцеремонно, сохраняя молчание, он окатил Аида с головы до ног, и когда яростные проклятья стали стихать, поднял его, встряхнул и усадил на трон, предварительно протерев тот мантией.

Свирепый взгляд царя давал понять, что хмель если и не вышел полностью из головы, то хотя бы покинул её на время.

Уже более спокойным голосом Харон продолжил:

– Так вот, о чём я? Возле врат в царство стоит огромный корабль. Требуют пустить.

Злость на лице Аида сменилась чувством глубокого безразличия:

– Ну?

– Говорят, что все пассажиры – призраки. Плата за проезд через Ахеронт у них есть, даже больше, чем нужно – я сам проверял, хотя перебраться на этой посудине они могут и без моей помощи.

– Ну так и впусти, а я-то при чём?

– Так ведь они требуют впустить их вместе с кораблем!

– То есть? Как это с кораблем? Почему с кораблем? – Аид слегка заинтересовался. – «Каждая душа – и богатого купца, и обычного простолюдина – входит в царство мёртвых лишь в одежде без каких-либо иных предметов», – произнёс он выученную фразу. – А эти, говоришь, с собой корабль решили утянуть?

– Ну...

– И куда я его дену? У нас и так скоро места не будет хватать!

Аида снова потянуло к бутылке, разговор вдруг стал ему неинтересен.

– И вообще, почему к нам? Пусть к этому, как его там... В общем, в небесное царство отправляются, там места побольше будет.

– Но...

– И всё! Не желаю больше ничего слышать!

После этих слов царь демонстративно отвернулся. При этом глаза его обшаривали помещенье в поисках утерянной бутылки. Старому лодочнику не оставалось ничего иного, как молча покинуть зал.

Пожилой офицер нервно курил, прислонившись к шесту. Для мертвеца он смотрелся очень неплохо, да и вообще для человека своего возраста. То есть возраста, в котором он поки-

нул белый свет. Высокая фигура, едва заметное брюшко – людей с такими признаками было много, но вот стать... Форменный китель только подчёркивал статность его фигуры.

Заметив вышедшего из ворот Харона, он смял и отбросил сигарету.

– Теперь мы можем пройти?

В ответ Харон скорчил странную гримасу, по которой трудно было понять – можно или нет. Офицер учтиво молчал, ожидая ответа. Наконец Харон выдавил из себя:

– Не хотелось бы вас огорчать, капитан, но... как бы это сказать... значит... Нельзя! – и сразу, чтобы капитан не успел ничего ответить, перевозчик выдал скороговоркой: – Поймите, у нас и так места мало осталось, а тут ещё вы со своим... В общем, есть же и другие отделения. Обратитесь туда. – Договорив, Харон опустил голову, не желая смотреть в глаза седовласому офицеру.

Тот смерил его презрительным взглядом, а затем чётко произнёс:

– Вы понимаете, что у меня около полутора тысяч человек здесь? И вы ещё предлагаете мне мотаться с ними в поисках пристанища? Вот уж не думал, что в потустороннем мире столкнусь с обычной бюрократией. – Помедлив некоторое время, он продолжил: – Отлично. Я подаю на ваше отделение иск. Есть у вас здесь судья?

Старик, явно почувствовав грядущие неприятности, вжал голову ещё поглубже в плечи, сосредоточенно рассматривая при этом дыру на пятке правого валенка.

– Сэр, я вас спрашиваю – есть здесь суд?

Харон понял, что от ответа уйти не удастся:

– Ну, есть. Правда, судья сейчас только один, да и тот уже давным-давно никаких дел не вёл. Не нужно это никому...

– Хорошо, будьте добры проводить меня к нему.

Минос по своей натуре был человеком, в общем-то, миролюбивым. Но дело судейства, позволявшее распоряжаться судьбами других (пускай и потусторонними), пришлось ему по душе сразу. Многие годы его впечатляющие способности были никем не востребованы, поэтому приходилось посвящать себя изучению всех тонкостей любимой профессии. Минос следил за каждым громким делом во внешнем мире, вникал во все нововведения криминалистики. Короче, он чувствовал себя профессионалом, которому нечего было делать.

Поэтому просто невозможно описать тот восторг, с которым судья воспринял известие о судебном иске капитана к царству Аида. Здесь явно было над чем поработать.

К суду он готовился заранее: погладил чёрную мантию и напудрил парик, которые ему удалось выменять у одного английского призрака, бывшего в своё время судьёй в Англии (призраку они всё равно были не нужны – войти-то с вещами нельзя). Пришлось вспомнить все дела прошлого, которые слушались в самом царстве Аида. И уже выходя из дому, Минос прихватил с собой небольшую Библию – подарок одного бывшего инквизитора. Так, на всякий случай.

Одевшись и аккуратно разложив все важные на его взгляд вещи на столе, Минос решил начать слушание. Высоко подняв голову, он громко произнёс:

– Встать, суд идёт.

Зал был переполнен – многие «пассажиры» решили поприсутствовать лично на этом процессе, люди стояли даже в проходах, а некоторые особо предприимчивые тарасились через окна.

Выждав паузу, Минос позволил всем сесть. Поправив манжеты, он раскрыл толстый том с материалами слушаемого дела. (На самом деле к делу во всём томе относилось лишь заявление капитана, написанное на официальной бумаге. На предварительную просьбу получить отказ в письменной форме Аид заявил, что будет говорить только в присутствии своего адвоката, а так как такового не оказалось, то и отказ не был получен.)

Прокашлявшись, судья продолжил:

– Итак, слушается дело по поводу отказа царя Аида принять корабль с душами пассажиров в царство мёртвых. В качестве истца выступают сами пассажиры во главе с капитаном, в роли ответчика – царь Аид. Судья – Минос.

Вот заявление истца, – он прочёл единственный лист дела. – Теперь для дачи показаний вызывается главный свидетель – перевозчик душ умерших Харон.

Харон, побритый и прилизанный, в своём лучшем хитоне, взобрался на трибуну.

– Значит, дело было так...

– Погодите, свидетель, – прервал его Минос. Сверившись со своими записями, он сказал: – Сначала поклянитесь на Би... нет, это не пойдёт... Во! Поклянитесь на вот этой книге, что обязуетесь говорить правду и только правду, – с этими словами он протянул Харону какую-то серую книжечку с изображением богов Олимпа.

– Клянусь говорить правду и только правду. Значит, дело было так...

Воодушевлённый, Харон минут тридцать распинался по поводу «дела», коснувшись сути лишь вскользь. Зато слушатели узнали много интересного о превратностях жизни старого лодочника, про тяжёлые будни простых работников царства, про низкую и несвоевременную зарплату, о холодных зимних ночах, когда ветер стучит снегом в окно... Минос молча слушал, когда Харон начал ругать олимпийское начальство и Аида в частности, но когда тот переключился на систему правосудия, он решил прервать этот монолог, которому могли бы позавидовать многие ораторы античности.

– Кхе... Свидетель, перейдём к сути дела. Ответчик запретил вам пускать истцов в царство или нет?

– Да.

– Что «да»?

– Запретил.

– Спасибо, вы свободны.

Харон, которому явно было что ещё сказать, с досадой на лице двинулся к своему месту в зале.

Минос тем временем продолжал:

– Так... Истец, вы подтверждаете слова свидетеля?

– Да, – ответил капитан корабля, выступавший от имени всех пассажиров.

– Ответчик, вы подтверждаете слова свидетеля? Не приукрасил ли он некоторые моменты?

Аид зло посмотрел сначала на Миноса, потом на Харона, затем вновь повернулся к судье и ответил:

– Да, так оно и было. Но я был в нетрезвом состоянии. Прошу освидетельствования экспертизы.

– Суд отклоняет просьбу ввиду её несущественности. – За эти слова Минос получил ещё один испепеляющий взгляд в свою сторону. Но он уже настолько вошёл в роль, что ничего не замечал вокруг.

– Ответчик, вы отказываетесь принять души умерших?

– Нет.

– А почему же вы дали устный приказ не пускать их?

– Я дал приказ не пускать их вместе с кораблём.

– Хорошо. Истец, согласны ли вы попасть в царство мёртвых без своего корабля?

– Нет, ваша честь.

– Ответчик, огласите суду причину вашего отказа пустить души на их плавучем средстве, именуемом в данном деле кораблём?

– Всё просто: есть правило по поводу попадания души в царство, и оно всем известно.

– Тоже верно. – Минос почесал затылок. – Ладно. Истец, вам известно это правило?

– Да.

– Почему же тогда вы упорствуете?

– Ваша честь, есть одна маленькая деталь, не учтённая судом. Все дело в том, что корабль также является призраком.

– Что?! – трудно было понять, кто первый выкрикнул это – Минос, Аид или Харон.

– Да, – продолжал капитан, – судно это затонуло, что и послужило причиной гибели такого количества людей. Таким образом, его больше не существует в живом мире, значит, оно призрак.

– Нда... В ваших словах есть логика... – Минос задумался. Минут через пять он встал и объявил: – По причине всплывших во время слушания новых фактов в деле суд удаляется на совещание. – После этого он вышел в дверь позади своего кресла. С кем же собрался совещаться судья, никто так и не понял.

Спустя час слушание было продолжено.

– Суд ознакомился со всеми фактами, вопросов больше нет. Также суд обнаружил дело, которое слушалось много лет назад в этом зале по сходной причине. Тогда выдвигалось требование принять в царство мёртвых корабль, долгое время наводивший ужас на многих моряков Европы. Судья того дела постановил впустить «Летучий Голландец».

На лице Аида читалось явное удивление. Видя это, Минос продолжил:

– Ответчик мог запомнить об этом инциденте, так как сам не присутствовал тогда на слушании по причине болезни, корабль был отдан на попечение Харону, но в последующие годы куда-то вдруг исчез, – тут он многозначительно посмотрел на «попечителя». Тот покраснел и попытался спрятаться за чужими спинами, вдруг почему-то вспомнив два сарайчика и маленький паромчик с резными перилами.

– Пользуясь правилом прецедентов, суд постановляет: признать иск правомерным, а посему пустить всех пассажиров вместе с кораблем в царство мёртвых.

Переодевшись, Минос догнал капитана корабля и, хитро подмигнув ему, спросил:

– А всё-таки, признайтесь, зачем вы так упорно требовали пропуска корабля? На кой ляд он вам здесь нужен?

Суровое лицо капитана вдруг изменилось, в углах глаз появились лукавые морщинки, он улыбнулся и ответил:

– Сэр, а вы знаете, сколько добра на «Титанике»?..

18-19.01.1999

Неудачливый преемник

Крог был негодяем. Всю свою жизнь он только тем и занимался, что творил всевозможные подлости и пакости.

Привязать к хвосту кошки консервную банку? Любимое дело раннего детства. Связать сзади косички девочкам? Мелкая шалость школьных лет. Проехать по луже близ автобусной остановки? Весёлая выходка юношества.

Ну да это мелочи, которые быстро прошли. Душа требовала настоящей сволочной выходки, истинно изуверского поступка.

Крог решил больше не промышлять мелочёвкой и полностью посвятил себя любимому делу.

К двадцати пяти годам он стал самым известным преступником планеты, за ним гонялось ровно двадцать тысяч детективов по всем городам и сёлам. Его улыбающееся лицо украшало многие стены, двери больших и маленьких магазинов, вагоны в метро, борта авиалайнеров и морских судов. Глаза Крога уже были известны каждому зрячему гражданину, все незрячие знали их по словесному описанию. Всякий увидевший их просто не мог забыть этот зловещий взгляд, за который Крог выложил лучшим врачам преступного мира ни много ни мало шестьсот шестьдесят шесть чёртовых дюжин новобаксов.

Тем не менее, Крогу удавалось оставаться и самым неуловимым преступником всех времён и народов. О нём слагали песни, легенды, сказания и былины. Уже давно бытовало мнение, что Крог может менять внешность по одному лишь желанию. Журналисты бульварных газетёнок ухватились за эту идею, и повсюду появились статьи, разоблачающие самых видных деятелей искусства и политики, неоспоримыми фактами доказывающие, что это и есть Крог в своём новом обличье.

Казалось бы, чего ещё может желать такая сволочь, как Крог? Однако ему, как истинному негодяю, было и этого мало.

Он решил отметить в истории раз и навсегда: уничтожить одним махом полмира (вторую половину он резонно решил оставить для себя).

И вот тут-то он впервые и прокололся!

Когда уже всё было готово, оставалось лишь нажать на огромную красную кнопку, Крога отвлек диктор телевизора. Да, Крог любил смотреть телевизор, так как был крайне тщеславен. Поэтому экран во всю стену постоянно был включён и успевал отображать новости с трёх тысяч четыреста двадцати девяти каналов одновременно.

Так вот, когда уже палец почти коснулся ужасной кнопки, Крог краем уха уловил очередную сенсацию про себя, выданную на триста семнадцатом канале. Диктор произнёс всего одну фразу: «Мы должны прервать нашу трансляцию в связи с чрезвычайным событием – ужасной гибелью известного преступника Крога».

От удивления Крог ошеломлённо застыл с поднятой рукой. Секунд двадцать он перебаривал услышанное, а затем решил подстегнуть этот процесс и протянул руку за пивом.

Но так как он всё ещё пребывал в ступоре, то по привычке взял со стола гранату, профессиональным движением выдернул чеку и, не дождавшись обычного шипения открываемой банки, взглянул на руки.

В этот момент и раздался взрыв. Крог даже не успел понять, насколько пророческим оказалось преждевременное заявление журналиста триста семнадцатого канала...

В серном дыму Крог предстал перед Повелителем Иного Мира, ужасным Спамом. Ещё не сообразив, кого видит перед собой и куда подевалась вожденная красная кнопка, Крог рухнул на пол, получив сильнейший удар могучей руки Спама.

– Дурак! Как же ты меня достал! – прокричал писклявым и одновременно гнусным голосом Повелитель Иного Мира. Казалось, он вложил в этот крик все свои силы, так как сразу сник. В расстройстве он поискал что-то рукой под собой, но обнаружив лишь пустоту, тяжело вздохнул, щёлкнул пальцами, и из ничего прямо под ним материализовался трёхногий плохо выкрашенный стульчик, на который Повелитель сразу и уселся. Получив опору, он обхватил голову руками и заголосил:

– Такое дело угробил! Столько сил на него тратят, помогают в каждом полезном начинании... А он... – в сердцах Спам пнул ногой сжавшегося возле него Круга. – Ай, всё испоганил...

Тут рогатую голову Спада осенила идея, брови подскочили ко лбу:

– Оно, конечно, и хорошо, что *испоганил*, – обрадовался он. – Но, – возразил он сам себе, – испоганил *поганое* дело. То есть... – тут он вновь задумался, – то есть сотворил добро! Короче, достал ты меня...

Спам зло зыркнул на преступника всех времён и народов. Тот защитился от несправедного гнева руками и с оправданием в голосе выкрикнул:

– Не хотел я! Так получилось! – а потом значительно тише осведомился: – А что испоганил-то?

Спам лишь махнул на него рукой: – Ай, всё испоганил... Помощника я себе готовил, понимаешь? Хотел тебя на своё место посадить... Надоело это всё, отдохнуть хочу... А ты всё... А-а...

Глаза Круга загорелись, и он быстро-быстро затараторил:

– Так я что? Я же ничего, я ведь даже не «против». Можно сказать, «за» обеими руками, – и он продемонстрировал, как он ими «за».

Повелитель Спам грустно взглянул на него, из косого глаза даже вытекла скудная нечеловеческая слеза, тут же зашипевшая и испарившаяся.

– Толку-то, что ты теперь «за»? Ты же только что своими собственными руками сорвал самое гнусное и бесчеловечное преступление со времён сотворения мира.

– И что? – чувствуя неладное, осведомился Круг.

– И то! – резко ответил Спам. – Не могу я теперь тебя своим преемником сделать.

– А чего так? – только появившаяся надежда не хотела уходить.

– Нельзя, – со знанием дела произнёс Спам, будто этим всё и объяснил. Затем подумал и всё же добавил: – Договорённость у нас такая с этим, ну... В общем, сам знаешь с кем.

– Так что, меня теперь туда? – Надежда вновь появилась на горизонте.

– Ага, щазззз! – злорадно ответил Враг всего живого. – Разевай рот пошире! Ты сам себя порешил, забыл уже? Так что туда тебе тоже дорога заказана.

– Так а куда? – удивился Круг.

– Ну... – замаялся Спам. – У тебя два пути: или «пшик!» – и исчезнуть, или же снова на Землю...

– Второй шанс? Исправить ошибку? – обрадовался Круг, вновь почувствовав себя самым страшным преступником.

– Ну, типа того... – согласился Спам. – Типа второй шанс. Почти...

– Ну так это же значительно лучше, чем «пшик!» – Тут до Круга наконец дошло слово «почти». С удивлением и даже со страхом он спросил: – А почему «почти»?

– Да у тебя этих «вторых» шансов уже столько было... – удручённо возвестил Спам.

– Так что, я всё забуду, получается? – расстроился Круг. – Это ж и толку никакого не будет. Совсем с начала, как новый человек?

Спам сполз с табуретки и обнял несостоявшегося преемника за плечи:

– Понимаешь, в чем дело... Дело-то в том, что неотработан у меня ещё этот перенос назад. Моё ноу-хау! – гордо возвестил он. – А потому требует хороших полевых испытаний. Я на тебе уже два раза опробовал.

– И оба неудачны?

– Почему же? Отнюдь! Оба раза ты переносился. Но! – Спам поднял палец, и Круг проследил за ним вверх, с тоской подумав о верхнем, земном мире, который он так несвоевременно покинул. Спам же продолжил: – Первый раз ты память полностью потерял и даже при моей помощи долго там не задержался.

– А во второй? – уныло спросил Круг.

– А во второй раз промашка со временем получилась. Досадно, но ты вернулся на Землю задолго до первых своих подвигов во благо Зла. Младенцем, в общем. Так что проверить, была ли у тебя память, – затруднительно. Но думаю, что не было её... Нутром чую, – закончил он.

Круг сидел ни жив, ни мёртв. Потом наконец тихо спросил:

– А «пшик!» – это насовсем?

– Конечно! – радостно ответил Спам. – Пшик! – и больше тебя нигде не существует. Правда, и мне с самого начала всё делать придется. Ты ж, сам понимаешь, уже проверенный экземпляр, а что новый выкинет, даже Ему не известно, что уж обо мне говорить.

– Так ты свою машинку отрегулировал хоть? – Как и Спаму, Кругу этот «пшик!» не нравился.

– А то! Обижаешь! Память у тебя стопроцентно будет!

– А со временем что? Опять младенцем не стану?

– Это я тоже подкрутил, – уклончиво ответил Повелитель Зла.

Круг ещё немного для приличия помолчал, будто размышлял над предстоящим выбором, которого, собственно, у него и не было, а затем махнул рукой:

– А... Давай, врубай свою машинку!

– Ну, родненький, это мы мигом... К чёрту!

Пробуждение было далеко не из приятных. Всё тело ломило, ног и рук Круг не чувствовал вообще. Он попытался открыть глаза, но и это ему не удалось.

И тут он вдруг понял, что ощущений вокруг хватает и без этого. Только вот какие-то очень уж непривычные были эти ощущения.

Он ещё подергался, пытаясь осознать свои новые чувства, а потом весь ужасный смысл случившегося вдруг открылся ему. Круг даже не смог закричать, когда понял, что адская машинка действительно оставила ему память, но закинула на самую первую ступень эволюции на Земле...

А Спам уселся ждать своего преемника, даже не догадываясь, насколько долгим окажется ожидание...

30.06.2000-07.07.2000

Во спасение

Посетителей в этот день на кладбище было немного. А на ставшей уже знакомой аллее и вообще никого.

– Вот и снова я, Ева, – Нил Самуилович положил принесенные цветы на могилку, рядом с небольшим и аккуратным памятником. Два алых тюльпана. Цветы хоть и незатейливые, но Ева именно их больше всех прочих любила при жизни. Розы она всегда считала слишком холодными, жестокими. Нежные, приятно ласкающие руки бутоны тюльпанов нравились ей куда больше. Всю жизнь мечтала увидеть наяву огромное-преогромное поле, засаженное этими красавцами. Не довелось...

Нил Самуилович достал из кармана выглаженный носовой платок, сначала промокнул им лоб, а затем расстелил его на ближайшем камешке и присел.

– Помнишь Петуховых, Ева? Так вот мальчик у них родился. И большой какой! Весь дом гордится. Защитник вырастет...

Внезапный порыв ветра попытался сбросить цветы, но быстро иссяк, лишь слегка сдвинув бутоны. Нил Самуилович поправил их и для верности присыпал стебли горстью земли. Вытерев руки всё тем же платком, он сложил его и спрятал в карман пиджака. Некоторое время постоял молча, глядя куда-то внутрь могильного камня, будто мог рассмотреть в нём нечто, невидимое никому другому. Вздохнул и тихо продолжил:

– Вот, а Кимановы уже не живут у нас. В Москву уехали. Собрались быстро и уехали. Вместо них какой-то военный с семьёй теперь. Жена и двое ребятишек... – он мял свои руки, не зная, куда их деть. – У нас почти всё по-старому. Вот только раскладушку я выкинул, совсем худая стала. И светло ведь теперь! Недели две назад, гроза ещё была, молния точнёхонько в наш старый вяз попала. Так спилили его, и солнце прямо в окно бьёт. Непривычно...

Нил Самуилович постоял ещё немного, снова поправил цветы и обратился к жене:

– Пойду я, Ева, ты уж извини. На днях снова загляну, жди. Ещё тебе цветы принесу, а то ведь отойдут скоро, ты же знаешь. До свидания, любимая.

Он кинул последний взгляд на могилку, повернулся и быстрыми шагами направился к выходу.

Последние дни его всё чаще одолевали недобрые мысли. Начальство на заводе за полгода сменилось несколько раз. Руководство страны вплотную взялось за врагов народа. Просто удивительно, насколько те успели просочиться во все сферы жизни советских трудящихся.

В прошлом году по стране пролетела целая череда открытых процессов. Самым громким, конечно же, было дело о троцкистско-зиновьевской банде. А там уж пошло-поехало. Оказалось, что большинство военачальников работали на Германию, Японию и прочие оплоты капитализма, только и видящие, как бы сжить со свету страну честных рабочих.

Конечно, Нил Самуилович понимал, что дело тут нечисто. Не могли люди, которых он лично знал многие годы, вдруг оказываться предателями родины, признаваясь в самых ужасных грехах. Он понимал нелепость всех обвинений, но теперь, похоже, было опасно даже думать на эту тему. Тем не менее, он продолжал размышлять, прекрасно отдавая себе отчёт, что и сам может в недалёком будущем стать «врагом народа». Чтобы осудить человека, теперь было достаточно простого доноса. А доносчиков вокруг хватало. Обладай ты хоть малейшим достоинством, выделяющим тебя из толпы окружающих, и обязательно найдётся «униженный и оскорблённый», который посчитает за подвиг черкануть несколько строк куда следует о «зловредной» деятельности вражеского наймита.

Год назад умерла жена Нила Самуиловича. Тогда же он заметил в себе новый дар, позволивший предчувствовать грядущие неприятности. И вот сегодня, вставая с постели, Нил

Самуилович в очередной раз уловил смутные ощущения грядущей беды. Раньше чувства его не подводили, но такой сильной тревоги не возникало ни разу. К сожалению, дар позволял предвидеть, но не мог изменить грядущие события.

Погружённый в мысли, Нил Самуилович и не заметил, как рядом будто из пустоты возник молодой человек.

– Товарищ Зильман, вы не будете возражать, если я составлю вам компанию?

Нил Самуилович резко остановился и взглянул на заговорившего. Его лицо Нилу Самуиловичу было определённо незнакомо. Правильные черты, нос со следами недавнего перелома, тёмные глаза – но вместе с тем и нечто странное, вызывавшее тревогу и неясный страх.

– Извините, мы знакомы? Что-то я не могу припомнить вашего имени...

– О! До настоящего момента вы не видели меня ни разу в жизни, – весело ответил незнакомец. – Хотя кое-что и могли слышать, в этом я уверен. Тем не менее, я знаю о вас многое.

Вот и началось, подумал Нил Самуилович. Молодой человек мог быть кем угодно, его внешний вид определённо говорил лишь о том, что он не рабочий. Слишком статная фигура, не те манеры. Типичный сын интеллигентных родителей. Одежда тоже не проливали свет на род его деятельности: костюм тёмных тонов, сверху наброшен распахнутый плащ кремового цвета, а на голове шляпа. Так выглядят сотни и сотни жителей города. Незнакомец будто услышал его мысли:

– Моё имя вам вряд ли что-нибудь скажет... Впрочем, зовите меня Вениамином Карловичем. Кстати, вы куда-то направлялись?

Нил Самуилович хотел ответить, что шёл в сторону дома, потому как у него много неоконченных дел, но неизвестный опередил его.

– А впрочем, почему бы нам не прогуляться по той тихой аллее и не поговорить?

Нил Самуилович неохотно взглянул в указанном направлении. Он не имел ни малейшего желания гулять по парку с этим человеком, а тем более о чём-либо говорить, но с удивлением услышал свой голос:

– Почему бы и нет?

– Тогда прошу вас. – Молодой человек сделал приглашающий жест.

Пока они шли в глубь парка, незнакомец, назвавшийся Вениамином Карловичем, и Нил Самуилович лишь изредка бросали друг на друга изучающие взгляды, не произнося ни слова. Нил Самуилович гадал, кто такой его попутчик и зачем ему понадобилось так вот останавливать его на улице, приглашать на прогулку. А может, это иностранный шпион? Да нет, полноте... Похоже, всеобщая волна повсеместной шпиономании захлестнула и его.

Молодой человек лишь недобро улыбался, когда их взгляды встречались.

Солнце впервые сегодня вышло из-за облаков и сразу стало припекать. Нила Самуиловича удивляло, почему Вениамин Карлович не снимет ни шляпы, ни плаща. Хотя, по тому не скажешь, что он испытывает неудобства от жары.

Наконец они удалились достаточно от звуков большого города. Кроме них двоих, на глухую и тёмную аллею никто из гуляющих не пожелал заглянуть. И это настораживало. Молодой попутчик замедлил шаги и прервал долгое молчание.

– Вижу, вы всё это время гадали, кто я такой. – Нил Самуилович ничего не ответил. – Так вот, я считаю, что не имеет смысла ходить вокруг да около. Вы человек разумный, поэтому с вами можно говорить начистоту. Вы нужны нам. Именно из-за ваших способностей, вашего ума, если желаете...

– Кому это – нам? – поинтересовался Нил Самуилович, внутренне напрягшись. Быть может, его мысли про шпионов и не были далеки от истины.

А Вениамин Карлович внезапно сделал быстрое, неуловимое движение и оказался прямо перед Нилом Самуиловичем, буквально пронзив его взглядом. И что-то нехорошее снова почувствовалось в этих тёмных глазах, что-то, чего там не могло быть:

– Нил Самуилович, ответьте честно, вы знакомы с вопросами религии хотя бы в общих чертах?..

Нил Самуилович непроизвольно оглянулся по сторонам. К счастью, вокруг по-прежнему никого не было. Худшие его опасения начинали сбываться. Но опасный собеседник и не ждал ответа.

– Да что я спрашиваю! Я же знаю, знакомы. – Он понизил голос и задал ещё один вопрос, постепенно переходя на заговорщицкий шёпот: – Тогда позвольте спросить вас вот ещё о чём: вы верите во всё то, о чём говорит христианство?

Нилу Самуиловичу показалось, что глаза его собеседника всего на какое-то мгновение неуловимо изменились. На миг они стали бездонными, затягивающими далеко-далеко. Но не успел он понять, что произошло, а назвавшийся Вениамином Карловичем со странной ухмылкой на лице слегка приподнял шляпу. Лишь так, чтобы Нилу Самуиловичу стали ясно видны маленькие рожки, доселе скрывавшиеся под ней.

Сердце его похолодело. Если раньше дело пахло шпионами и провокаторами, то теперь принимало совсем другой оборот. Шпионы хоть и опасны до крайности, но всё же понятны, привычны уже, что ли... А тут... тут совершенная чертовщина...

Мысли неслись бешеным потоком, сталкивались друг с другом в поисках разумного объяснения. Розыгрыш? Но зачем? Кому мог понадобиться такой странный розыгрыш?

Странный собеседник будто увидел происходящее в мозгу человека.

– Нил Самуилович, ну зачем мне вас разыгрывать? – шляпа уже вернулась на положенное место, снова скрыв от излишне любопытных глаз истинную сущность владельца.

Вениамин Карлович отошёл на шаг в сторону, жестом предложив продолжить прогулку. В какой-то миг Нилу Самуиловичу показалось, что из-под полы плаща высунулся и вновь спрятался кончик хвоста. Он не мог утверждать наверняка, видел ли его на самом деле, или это ему только померещилось. В сложившейся ситуации можно было ожидать чего угодно. Он вновь покорно последовал за... чёртом? Демоном? Или всё же неумным шутником?

– Сами посудите, ну что мне это даёт? Ничего. Поэтому лучше просто поверьте моим словам и собственным глазам. Я – именно тот, за кого себя выдаю. И повторяю ещё раз: вы нужны *нам*.

На этот раз Нил Самуилович уже полностью осознал, кто именно им интересуется. Как ни странно, он был склонен верить собеседнику. А если верить всему сказанному, то сам собой напрашивался единственный вопрос:

– Если я правильно всё понимаю, *вас* интересует моя душа?

– Именно! – обрадовался чёрт. – Конечно, можно было бы забрать и живьём, но это повлечёт за собой множество дополнительных расходов, которые...

Но Нил Самуилович резко оборвал его:

– Зачем?

– Зачем? – удивлённо переспросил Вениамин Карлович (Нил Самуилович уже и не знал, как его называть). – Понимаете ли, мы не испытываем недостатка в негодях. Эти так и так попадают к нам. А в последнее время, – он странно улыбнулся, на его лице явственно читалось: «Ну, вы же понимаете...», – в последнее время таких становится всё больше. Те же из них, кто ещё волею судьбы жив, нагрянут чуть позже, когда придёт и их время. Но негодяи – это мелкий контингент. Толку от них мало. А для многих наших задач нам просто необходимы люди умные, талантливые... Ну, Нил Самуилович, вы сами должны понимать.

Нил Самуилович шёл, по большей части глядя себе под ноги, ситуация уже не казалась фантастической. Его ум всего лишь впитывал и анализировал новую информацию, из области домыслов перекочевавшую в разряд реальности.

– И для этого вы покупаете подходящие души заранее, так?

– Да-да! Ведь в большинстве случаев мы не можем знать наверняка, куда попадёт душа после смерти. Это не в компетенции Ада. Прямая дорога в нашу обитель ждёт лишь особо отъявленных мерзавцев. Поэтому и приходится идти на сделку с подходящими кандидатами. В сущности, нам это ничего не стоит.

– Как же это – не стоит? – от удивления Нил Самуилович даже остановился. – Если я правильно знаком с вопросом, при покупке души вы обещаете её владельцу всё, что он пожелает, разве не так?

– Всё верно, Нил Самуилович, всё верно. Приятно, знаете ли, иметь дело с образованным человеком. В последнее время в вашей стране это становится сделать всё тяжелее... Так вот, по поводу цены. Да, мы обещаем всё, что попросит человек, за исключением бессмертия и прочих вещей, которые делают сделку бессмысленной. Но во сколько бы ни обошлось желание клиента, потом он всё равно попадает к нам, и срок его работы будет *вечен!* Некоторые затраты за вечного работника – это ничто. – Вениамин Карлович в этот момент был очень похож на какого-нибудь оратора на митинге, пытающегося втолковать внимающей толпе очевидные истины, которые эта толпа ввиду узости своего мышления не замечает.

– Да, наверное, это так, – согласился Нил Самуилович. – Но как вы определяете, допустима назначенная цена или нет? В случае бессмертия всё понятно, но если цена не так прозрачна?

– Поверьте мне, дорогой мой Нил Самуилович, цена всегда прозрачна. Потому что если человек хочет что-то скрыть, это всегда заметно. ВСЕ-ГДА! – последнее слово он произнёс по слогам.

Несколько минут они молча шли по аллее, показались одинокие прохожие. Вдалеке проехал трамвай.

– И вы желаете, чтобы я дал согласие и назвал свою цену? – после раздумий спросил Нил Самуилович.

– Признаться, именно за этим я и явился.

– Прежде, чем дать ответ, позвольте спросить вас, Вениамин Карлович. Моя жена – Ева – где она сейчас?

Видно было, что вопрос этот не обрадовал собеседника. Он замялся, будто не решаясь дать ответ, но уже сама эта нерешительность значила больше последовавших слов:

– Могу вас порадовать, что к нам она не попала.

– Значит, если я соглашусь на ваши условия, то жены мне не видать никогда, – не спросил, а лишь констатировал Нил Самуилович.

– Ну-у... – протянул чёрт.

– Не видать, это и так ясно. – Чёрт сокрушённо кивнул в ответ, и Нил Самуилович продолжил: – До нашей с вами встречи я не верил в рассказы служителей церкви, но вы сами заставляете меня изменить отношение к делу. Если небеса существуют, и моя Ева там, то я никоим образом не соглашусь продать свою душу в ад.

– Но вы ведь всё равно можете попасть туда, – возразил чёрт.

– Возможно, – согласился Нил Самуилович. – Но пока у меня есть надежда, что я могу и *не попасть* туда, я не буду сам загонять себя в «вашу обитель», как вы выразились.

Они уже почти дошли до выхода из парка, мимо то и дело проходили парочки или одинокие любители свежего воздуха.

– Ну что ж, – пожал плечами Вениамин Карлович. – Дело ваше. Неволить не имею возможности. Но прежде, чем я покину вас, запомните, Нил Самуилович: вы в любой момент

можете принять моё предложение. Для этого вам достаточно мысленно обратиться ко мне и произнести: «Я согласен!»

– Не думаю, что мне это понадобится...

– Не зарекайтесь, – перебил его чёрт, снова холодно буравя человека взглядом. – До встречи! – прямо на глазах черты его изменились, одежда истаяла. Всего на долю секунды он предстал перед Нилом Самуиловичем в своём истинном облике, после чего просто исчез, будто и не стоял рядом секунду назад.

Хорошо ещё, что этот факт так и остался никем не замечен, подумал Нил Самуилович. А может, они и вовсе не видели его собеседника?

Переполненный противоречивыми мыслями, он направился по своим делам, которых у него сегодня было немало.

Полгода пролетело незаметно...

В эту ночь Нилу Самуиловичу не спалось. Часа полтора он ворочался в постели, пробуя все известные ему методы, чтобы заснуть. Ничто не помогало. Тогда он решил не противиться внезапной бессоннице, встал, оделся и тихо, стараясь не на шуметь, двинулся по тёмному коридору на кухню. Продвигался медленно, нащупывая дорогу ногой, а всё же задел оставленный кем-то из соседей на полу тазик. Тот негромко, но гулко пропел что-то басовитое. Звук не должен был разбудить крепко спящих, но из-за двери Марии Семёновны сразу раздалось ворчание на тему «не спится тут всяким». Нил Самуилович не ответил, только спросил мысленно, что же не даёт спать самой Марии Семёновне?

Рукой он нащупал выключатель, и зажжённая лампочка успела высветить шмыгнувших по полу тараканов. От этой напасти жильцы коммуналки не могли избавиться уже несколько лет. Как только они использовали новое средство, тараканы исчезали на неделю-другую, а затем снова появлялись.

Нил Самуилович поставил на примус чайник и сполоснул чашку.

Пока вода закипала, он выглянул в окно. Во дворе горела всего одна лампочка, в её тусклом свете роились снежинки, складываясь в причудливые вихри. Скамейка перед подъездом была уже вся запорошена этим ранним осенним снежком.

В доме напротив зажглось окно – видимо, какому-то бедолаге также не спалось.

Чайник наконец закипел, Нил Самуилович уже отвернулся было от окна, когда во дворе послышался гул автомашины. Появление автомобиля возле дома в такое позднее время было странным, а потому Нил Самуилович непроизвольно снова повернулся к окну.

Машина въехала в свет фонаря с выключенными фарами и резко остановилась, пробуксовав по снежку ещё метра полтора. Свет позволил увидеть огромные буквы, выведенные на кузове грузовика: «ХЛЕБ».

Неясный холодок проник в душу Нила Самуиловича, не давая ему отвернуться и заняться чаем. Из кабины вышел человек в штатском, из кузова выпрыгнули ещё двое. Молча они вошли в подъезд.

Боясь двинуться, Нил Самуилович вслушивался в звуки. Даже отсюда, из кухни, он слышал тяжёлые шаги поднимающихся по лестнице. Не мог, никак не мог слышать, но слышал! Трое прошли первый пролёт, поднялись выше, выше... Шаги замолкли у двери квартиры, где застыл сейчас Нил Самуилович.

Всё нутро свело холодной судорогой. Вот и всё, ты знал, что это когда-нибудь случится, сказал себе Нил Самуилович.

Ещё до того, как раздался звук звонка, он был уверен, что их будет три. Потому что на дверной табличке было написано: «Зильман Н.С. – звонить три раза». Первый звонок прозвучал быстро, будто звонивший старался не разбудить остальных соседей шумом.

Да о чём ты?! Нил Самуилович одёрнул себя. Какое тому человеку дело до сна соседей? Да и соседи не выказывали признаков недовольства вторжением ночных гостей. Даже Мария Семёновна примолкла в своей комнате.

Второй звонок.

Они все всё знали...

Чайник кипел, разбрасывая обжигающие брызги, а Нил Самуилович всё не двигался с места. Нужно было открывать, ничего иного не оставалось.

Но тут в памяти всплыл разговор, состоявшийся в парке несколько месяцев назад. Нил Самуилович вспомнил каждое слово, произнесенное тогда. Решение пришло само собой. Будь что будет! Он ещё не сделал всё, что хотел в этой жизни. В мыслях возник смутный образ того нереального собеседника.

Звонок зазвонил в третий раз, а губы прошептали: «Я СОГЛАСЕН...»

И с последним слогом мир вокруг будто застыл. Он не перестал существовать, но звуки, воздух – всё замерло, скованное остановившимся временем. Выплеснувшаяся из чайника вода замерла в воздухе, так и не упав на пол. Язычок пламени примуса остановился, впервые позволяя рассмотреть себя со всех сторон.

Но тишину нарушило появление нового действующего лица. Возле стола из ничего начал проявляться образ. Это не был собеседник из парка, напротив человека возникло некое демоническое создание, один вид которого бросал в дрожь. С рыком оно взмахнуло перед собой ужасной лапой с острыми когтями, и Нил Самуилович зажмурился, ожидая разрывающего плоть удара. Но рёв стих, а боли не последовало.

– Как я и предрекал, вы вспомнили обо мне, когда припекло, – раздался знакомый голос, в котором слышались весёлые нотки. Нил Самуилович открыл глаза.

На месте демона теперь стоял его давешний знакомец, Вениамин Карлович. Однако в этот раз ни шляпа, ни плащ не скрывали его истинной сущности. У него действительно имелся хвост, некогда показавшийся лишь на миг.

– Ну, вы всё же решили согласиться на моё предложение, Нил Самуилович? – поинтересовался чёрт. Он отодвинул рукой зависшие в воздухе брызги кипятка и пристроился на табуретке у стола.

Нил Самуилович наконец отошёл от окна и сел напротив посланника ада. В этот момент он понимал, что их беседу не услышит никто из соседей, что он может пока не беспокоиться о тех троих за дверью. Но лишь на то время, пока чёрт будет здесь. Нил Самуилович получил эту отсрочку и должен ею воспользоваться наилучшим образом.

– Я думаю, что у меня ещё есть дела в этом мире... – тихий голос Нила Самуиловича разительно отличался от громких реплик ничего не боящегося чёрта. Но привычки не так легко искоренить.

– Вы знаете, а вы в этом не одиноки. Практически все, с кем мне приходилось иметь дело, считали точно так же. Даже больше, мы можем спросить любого, и я уверен, он скажет, что у него есть ещё здесь дела. – Чёрт так вальяжно устроился на табуретке, будто под ним было по меньшей мере роскошное мягкое кресло.

– Нет, вы меня не совсем поняли. Коль мне суждено уйти... – Нил Самуилович запнулся на миг, – уйти *туда*, то я бы хотел постараться сделать здесь как можно больше, чтобы спасти других.

– О! Это похвально, – с иронией воскликнул его собеседник. – Но вы отдаёте себе отчёт, что вся эта ваша благотворительность всё равно не поможет вам, если вы подпишете со мной договор? Иначе зачем мне вам помогать?

– Конечно.

– Тогда я вас совершенно не понимаю... – чёрт встал и в упор посмотрел на Нила Самуиловича. Затем махнул рукой. – Ладно. Если вы знаете о последствиях, то дело лишь за формальностями. Что вы желаете? Эти, – он кивнул в сторону входной двери, – не проблема. Но вы ведь хотите чего-то большего, верно?

– Отчасти – да, – согласился Нил Самуилович. Он тоже встал и повернулся лицом к окну, глядя на застывшие в воздухе снежинки. – Я всего лишь хочу прожить отведенный мне здоровьем срок и не зависеть от желания таких гостей. Всё остальное я сделаю сам, без *вашей* помощи.

– Больше ничего? Ведь это такая малость...

Нил Самуилович развернулся:

– Больше – ничего, – внезапно окрепшим голосом ответил он.

– Хорошо-хорошо! Дело ваше. Тогда меня интересуют детали: у вас есть пожелания на сей счёт? Мешающие вашей жизни люди должны погибать, просто исчезать, никогда не задумываться о вас?..

Нил Самуилович перебил его:

– Нет, пускай они живут. Пусть всё будет как можно ближе к обычной жизни. Пусть только меня не смогут убить и... – он запнулся: – Вы можете дать мне бумагу, которая будет выпроваживать таких гостей восвояси? – он тоже кивнул на дверь.

– Бумагу? Выпроваживать? Да пожалуйста. Но не сложно ли это всё?

– Мне бы хотелось как можно меньше повлиять на ход моей жизни и жизни остальных людей.

– Ну, вы всё равно повлияете. Самим своим существованием.

– Это – необходимость.

– Ладно, уговорили, – согласился чёрт. – Какую бумагу вы хотите?

Прямо из воздуха перед ним возник белый лист и ручка с чернильницей.

– Позвольте, я сам напишу, – Нил Самуилович взял у него письменные принадлежности и быстро, размашисто набросал текст на листе.

Чёрт принял бумагу и бегло пробежал глазами написанное.

– «...уйдут ни с чем», – закончил он. – Да вы почти поэт! Так что, вам только этих троих убрать?

– Там ниже ещё несколько слов, – указал Нил Самуилович.

Чёрт взглянул на бумагу снова.

– Ах, да, под пальцем. «И каждый раз да будет так!» – теперь медленно и вслух прочёл он. – Ага!

Он ещё раз просмотрел текст, затем аккуратно сложил лист и передал его обратно человеку.

– Странные у вас желания, Нил Самуилович. На моей памяти вы первый, кто не попросил практически ничего. Но и заставлять вас заказать замок до небес в мои планы ну никак не входит. Дело ваше...

– Жизнь – это не так уж и мало, – заверил его Нил Самуилович.

– Возможно. Мне тяжело об этом судить, – чёрт взмахнул рукой, и в его ладони, как у заправского фокусника, появился другой лист, мерцающий разными цветами в тусклом свете электрической лампочки. – Но чтобы наша сделка заработала, нам осталось подписать контракт. Мелкая, но необходимая формальность, – он весело подмигнул Нилу Самуиловичу.

Тот начал закасывать рукав рубашки.

– Что вы делаете? – искренне удивился чёрт.

– Ну, как же? – смутился Нил Самуилович. – Ведь подпись... кровью...

– О! Что за слухи ходят на земле? Какая кровь? Зачем? Просто поставьте свою подпись, да и дело с концом.

Чёрт подsunул ему договор: – Ознакомьтесь, подпишите, и с этого момента ваша бумага станет действовать так, как вы того хотели.

Нил Самуилович внимательно прочёл напичканный стандартными штампами и канцеляризмами текст, а затем поставил внизу свою подпись. Листок с написанным ранее он сжимал в левой руке.

– Ну вот, – чёрт подкинул лист договора в воздухе, и тот просто испарился, не пролетев и пяти сантиметров. – Я же говорил: не зарекайтесь!

Он встал, слегка поклонился и произнёс уже без прежней весёлости:

– До встречи! – на миг его глаза снова стали бездонными колодцами, а затем он беззвучно и мгновенно исчез, как и лист договора минуту назад.

Мир взорвался звуками, от которых Нил Самуилович успел отвыкнуть за время беседы. В этот миг даже можно было услышать эхо последнего звонка в дверь. Третьего звонка.

Нил Самуилович быстро подбежал к двери и открыл замок. Трое молча зашли в прихожую, и вошедший первым спросил:

– Вы – Зильман Нил Самуилович?

– Да, – немного дрожащим голосом произнёс Нил Самуилович. Его рука протянула ночным посетителям полученную от чёрта бумагу, которую он всё так же сжимал в кулаке.

– Что это? – удивился вошедший и посмотрел на Нила Самуиловича. Его глаза удивительно были похожи на глаза Вениамина Карловича. Тот же тяжелый и прожигающий насквозь взгляд. Не дожидаясь ответа, он взял из рук Зильмана бумагу, развернул её и прочёл.

Затем козырнул по-военному, хотя и был в штатском, и громко извинился:

– Простите за беспокойство, Нил Самуилович, – после чего развернулся и вышел из квартиры, увлекая за собой молчащих спутников. Казалось, он и сам не понимал, почему только что просто ушёл, не забрав этого человека с собой.

Стоя в коридоре, Нил Самуилович слышал, как отъехала машина.

Подписанный с дьяволом контракт выполнил своё дело.

Чёрт сдержал слово: договор действовал.

Договор убрал первых троих НКВДшников.

Договор провёл его через страшную череду репрессий.

Договор не дал ему попасть в гетто, так и не дождавшееся jude по фамилии Зильман.

Договор остановил пулю неизвестного солдата: она просто замерла на секунду перед лицом побелевшего Нила Самуиловича, а затем упала к его ногам.

Договор хранил своего подопечного, чтобы тот мог в конце своего земного пути предстать перед Князем Тьмы и служить ему вечно.

А Нил Самуилович изо всех сил делал то, ради чего отсрочил эту встречу.

Он не пытался стать героем, он просто спасал, спасал и спасал. Знание своей судьбы позволяло ему идти на самые рискованные операции, и за ним тянулся след. След человеческих жизней.

Он никогда не считал, скольких сумел увести от расправы собственных властей, скольких спрятал, выходил и переправил во время войны, скольким сумел помочь после... Ему это было не нужно.

И всё же на закате жизни, когда здоровье уже начало подводить, и Нил Самуилович почувствовал, что дни его сочтены, он пожалел лишь о том, что сумел помочь десяткам и не спас тысячи...

Сердце внезапно кольнуло, и сразу боль исчезла. Пропала тяжесть, усталость. Осталось только ощущение лёгкости и внезапной радости: всё...

Мир снова застыл, как и много лет назад. Дети, до этого игравшие за окном, уже не кричали и не бегали. Соседка за стенкой перестала отчитывать своего недотёпу-сына. Исчез гул машин на проспекте.

И в этой тишине тело Нила Самуиловича стало стремительно изменяться. Он всё ещё видел свои руки, руки старика. Всё тело покрывали морщины. Но дряблая кожа пепельного оттенка стала зыбкой, будто призрачной. А под ней уже проявлялось тело здорового и сильного мужчины. Не юнца, но такого, каким он был в свои лучшие годы. Он с удивлением наблюдал за этой метаморфозой, когда за спиной раздалось покашливание.

– Кх... Это обычное дело после смерти. Нам ведь не нужны немощные старики. Что от них толку?

Нил Самуилович медленно обернулся. Вениамин Карлович ничуть не изменился за все эти годы. Да и с чего бы меняться бессмертному созданию? Вот только костюм теперь на нём был по современной моде.

– Вы удовлетворены тем, как выполнялся договор?

– Да, в целом – да, – даже голос Нила Самуиловича помолодел и казался ему непривычно громким.

– Тогда давайте не будем тратить времени понапрасну. Прошу, – чёрт приглашающим жестом указал на стену, где начал появляться чёрный проход. Вокруг прохода клубился такой же непроницаемо-чёрный дым.

Вместо того чтобы проследовать в указанную «дверь» Нил Самуилович обернулся, поднял со стола заранее приготовленный пожелтевший и немного надорванный лист бумаги и протянул его чёрту.

– Что это? – спросил тот, принимая бумагу. – Ах, это... Мне эта бумага не нужна. Можете просто выкинуть, – он протянул лист обратно. – Идёмте!

Нил Самуилович не двинулся: – Вы прочтите.

– Зачем? – удивился чёрт. – Да я и так помню, что там написано.

– Прочтите внимательно. Вслух.

Чёрт с неохотой снова развернул бумагу:

– «Когда придут за мной и захотят забрать, а я не пожелаю, пускай они уйдут ни с чем.

И каждый раз да будет так!»

Вениамин Карлович вопросительно посмотрел на человека:

– Ну? И что теперь?

Нил Самуилович усмехнулся:

– А теперь я вас больше не задерживаю.

Чёрт аж подскочил на месте от такой наглости.

– Что?! Как это вы меня не задерживаете?!

В ответ он услышал лишь спокойные слова:

– Потому что я не желаю идти с вами.

– Да мне плевать на ваши желания! – чёрт отбросил скомканный лист и двинулся к Нилу Самуиловичу, постепенно приобретая свои истинные черты. Но в этот миг в комнате появился третий.

Этот третий с виду походил внешностью на Вениамина Карловича, когда тот выглядел как человек, но, в отличие от первого, в его взгляде было несравнимо больше света и тепла. Когда он схватил за плечо чёрта, за спиной нового посетителя поднялись и снова опали белоснежные крылья.

– Венмар, своими действиями ты нарушаешь свой же договор! – спокойно произнёс ангел. Нил Самуилович отметил, что представившись впервые, чёрт лишь немного изменил своё истинное имя.

– Какой, к ангелам собачьим, договор?! – услышав ругательство, обладатель белых крыльев поморщился. Но чёрт уже обернулся к нему и не пытался сцапать своими лапами застывшего Нила Самуиловича.

Ангел протянул руку, и в неё вплыл скомканный лист. Аккуратно развернув бумагу, ангел показал её чёрту:

– Ты же сам его только что перечитал.

– Андрей, но ведь он провёл меня! Это касалось только людей! – попытался оправдать свои действия слугитель Сатаны.

Ангел лишь улыбнулся в ответ:

– Разве здесь есть хоть слово про людей? Или про чертей и ангелов? Этот человек провёл тебя, даже и не особенно напрягаясь. Ты сам позволил ему это сделать, сам!

Чёрт медленно осел на пол и обхватил голову руками.

– Но ведь это так просто... – пробормотал он, – он не просил ни бессмертия, ни копей Соломоновых...

– Да, он попросил лишь, чтобы его оставили в покое, – согласился Андрей.

Нил Самуилович молча следил, как бессмертные создания решали его судьбу.

Чёрт поднялся:

– И что мне теперь делать?

– Ты можешь удалиться, я так полагаю? – Ангел вопросительно посмотрел на Нила Самуиловича, и тот согласно кивнул в ответ.

Венмар зыркнул сначала на него, потом на ангела и зло бросил своему противнику:

– Я буду жаловаться, Андрей, так не должно было случиться!

– Твоё право. Но, думаю, тут ты уже ничего не поделаешь...

– Посмотрим, – крикнул чёрт и исчез в проходе, который сомкнулся за его спиной.

Нил Самуилович только теперь снова вымолвил:

– Спасибо.

– Меня не за что благодарить, – развёл руками ангел, – я лишь не дал Венмару сделать ещё одну непростительную ошибку. Так или иначе, но дело всё равно завершилось бы в вашу пользу: Сатана должен чтить правила.

– Я... я надеялся на это...

– Единственное, что мне непонятно, это как вам удалось так просто провести Венмара...

Подвох виден почти сразу, но он его не заметил...

Нил Самуилович погрузился в воспоминания, его мысли обратились к событиям давно прошедшей ночи.

– В тот момент будто кто-то подтолкнул меня к такому действию. И даже нашептал слова соглашения, – вспомнил он. – Они просто всплыли из ниоткуда.

Ангел явно заинтересовался услышанным:

– Похоже, вам кто-то помогал...

– Но зачем? И что теперь делать мне?

Ангел развёл руками:

– Даже мне не дано знать всё, что творится в мире. Тому были причины, я думаю. А что делать с вами... Если бы вы оказались негодяем, ваша душа осталась бы неприкаянно бродить по земле. Вообще-то, вы и сейчас можете выбрать себе такую судьбу. Но ваш жизненный путь позволяет мне предложить вам отправиться на Небо, ваши поступки были искренними. – Он пальцем указал на лист, который всё ещё держал в руках. – Но только предложить, силой увести я вас не могу, как видите, – он тепло улыбнулся и так же, как раньше чёрт, указал на стену, где теперь открылся светящийся ярким светом и обрамлённый облачными клубами вход.

Нил Самуилович подошёл к ангелу, взял у него из рук бумагу и, аккуратно сложив, спрятал в кармане.

– Моя Ева заждалась меня. Поэтому я принимаю предложение. – В его глазах блеснули хитрые искорки. – Но только пока.
И он шагнул в яркий проход.

22-31.05.2002

Будущее – в наших руках!

Юрский период

Ящер медленно срывал шершавыми губами зелёные побеги и меланхолично пережёвывал их. День был в самом разгаре, а брахиозавр всё никак не мог покончить с завтраком.

Под ногами туда-сюда сновали более мелкие собраты, и приходилось постоянно быть начеку, чтобы ненароком не придавить одного из них. В очередной раз выгнув шею и осмотрев каждую ногу, ящер осторожно, мелкими шажочками перешёл к следующему дереву.

Только он сорвал очередную порцию лакомства, как услышал за спиной тяжёлую поступь. Мелкота бросилась врассыпную, стремясь скрыться от сравнительно резво приближающейся туши.

Наконец рядом послышалось сиплое дыхание, иногда прерываемое кашлем.

– Кх!.. Уф... Еле тебя нашёл... Кх!..

Только тут брахиозавр соизволил обернуться к гостю:

– И в чём была такая спешка? – поинтересовался он, не прекращая жевать.

– А ты подними свою дурацкую голову повыше, кх... Да и посмотри во-о-он туда!

Посмотри, посмотри. Я пониже буду, а уж давно в курсе.

Брахиозавр смерил стегозавра презрительным взглядом, но всё же поднял голову и посмотрел в указанном направлении. Ничего особенного. Всё как обычно. Стоп! А это что? Среди деревьев то и дело появлялись маленькие головки каких-то незнакомцев. Да и деревья колыхались явно больше, чем того следовало ожидать в такой тёплый, почти безветренный денёк.

С удивлением в глазах он вновь спустился к стегозавру.

– И кто это?

– Обалдеть! Уже неделю прямо у него под боком, можно даже сказать, под брюхом такое творится, а он ни сном ни духом!

– Кто это? – сурово повторил брахиозавр.

– А будто ты не знаешь? Эти, с Гондваны. Снова припёрлись... Своего места мало...

– Снова? Что-то слишком часто они у нас гостить стали.

– Вот и я о том же, – закивал стегозавр. – Делать надо что-то. И чем скорее, тем лучше!

Исполин брахиозавр задумался, вновь взглянул в сторону незваных гостей и тихо согласился:

– Если так и дальше пойдёт, нам скоро есть нечего будет.

– Будто это и так непонятно? А делать-то что?

– Делать? Ну... можно начать бороться за территорию. Но в конечном счёте это всё равно не спасёт нас.

– Умный, да? А что же тогда остаётся?

– Можно и другой метод попробовать...

Стегозавр не выдержал:

– Да что ты всё вокруг да около? Есть идея – говори! Нет – ну так и не строй тут из себя!..

Брахиозавр укоризненно покачал головой:

– Идея есть. Но осуществить её не так просто. Места почему так мало?

– Потому что его не прибавляется!

– Нет, потому что мы слишком велики...

– И что же ты предлагаешь?..

Примерно двести миллионов лет спустя. Начало XXI века

Профессор уже не мог остановиться, он сел на своего любимого конька.

– Вы должны понять, что в ваших руках будет будущее всего человечества! Именно вы сумеете претворить в жизнь всё то, что сейчас людям кажется лишь чудесами!

Нанотехнологии – это панацея. Только в них все надежды расы!

Вы только посмотрите, что они могут дать: мы сможем создавать миниатюрнейших роботов, создающих приборы любой точности. Вплоть до атомов. Мы спасём наш мир от загрязнения, Гринпис будет целовать нам руки, когда наши малюсенькие друзья возьмутся за очищение. Мы победим голод, болезни и даже! – тут он наконец остановился на месте и высоко поднял палец: – И даже сможем стать бессмертными!

– А где же мы жить все будем? – раздался испуганный девичий голос откуда-то с задних рядов.

Но подобные вопросы не могли смутить профессора:

– А звёзды? Наши корабли смогут лететь куда угодно, черпая энергию прямо из космоса. Мы достигнем звёзд, иных планет! Мы покорим Вселенную!

Много, бесконечно много лет спустя

Прямо на выходе Би столкнулся с предками. Вот уж влип, так влип.

Х-предок сразу почувствовал неладное:

– Куда это ты собрался? У тебя завтра контрольная.

– Успею, – буркнул Би.

– Ну хорошо, и что же у тебя появилось такое срочное, ради чего ты решил пожертвовать подготовкой к семестровой контрольной? – Х-предок так и излучал укоризну.

У-предок, хоть и молчал, но по всему тоже интересовался ответом на этот вопрос.

– У меня дела, – медленно, стараясь быть невозмутимым, ответил Би.

– Так какие это дела? Давай, выкладывай! – Х-предок уже закипал.

– Дела. Мои дела, – Би не желал сдаваться.

– Значит, дела? Отлично! У него, видите ли, дела! А семестровая контрольная – это так, никому не нужная процедура. Так вот, молодой человек, я вам так скажу: НИКАКИХ ДЕЛ СЕГОДНЯ У ВАС НЕ БУДЕТ! Сдадите контрольную – тогда пожалуйста.

И он демонстративно запечатал выход, после чего ушёл в свою комнату. У-предок излучил сожаление и двинулся за Х-предком.

Вновь оказавшись в своей комнате, Би еле сдерживался, чтобы не взорваться.

Он чувствовал разносящееся возмущение Х-предка. Тот всё не мог успокоиться и сокрушался, что вот когда он был молодым, они были ответственнее. Они понимали, что нельзя ставить личное превыше общественного! Ну и в том же духе...

Врёт, конечно. Ну почему, почему Би всё время не везёт?! Теперь он наверняка пропустит очередной матч по атомарболу. А ребята, небось, ждут уже. Скоро четвёртая тысяча лет пойдёт, а этот Х всё так же продолжает считать его ребёнком.

Хотя, У говорил, что у Х постоянно нелады со своими отпрысками. Би у него уже сто семнадцатый. С предыдущими ста шестнадцатью Х так и не сумел найти общий язык, хотя пробовал каждый раз новый метод воспитания. Что ж, похоже, ему придётся опробовать и сто восемнадцатый метод. Да и с У они скоро разойдутся, всё к тому идёт. И плевать на двадцать тысяч совместных лет. Скорее бы. Может, и Би послабление наконец наступит...

Эн ждать больше не собирался. Раз Би не пришёл, сам виноват. Договаривались, что никого не ждут? Ну так сам и виноват! Он окликнул остальных ребят, и они просочились на стадион.

Матч должен был начаться с минуты на минуту. Команды уже разминались каждая на своей половине поля.

Ребята устроились на своих местах, и лишь место рядом с Эн пустовало. Би так и не появился. Наконец раздался сигнал, игра началась.

Игроки положительной команды сразу ринулись в бой, и отрицательным пришлось несладко. Плюсы виртуозно передавали атомарный мяч друг другу: только один из минусов бросался наперерез мячу, как ведущий его плюс мгновенно реагировал, разрушал его и пучком импульсов передавал код своему напарнику. Тот таким же отточенным движением ловил код, воссоздавал мяч и нёсся дальше.

Ко второму тайму у плюсов уже было неоспоримое преимущество. Минусы всё ещё держали оборону, но моральный дух уже был подорван. Эн решил, что сенсации тут не дождёшься. Да и какая может быть сенсация? Плюсы – они и в далёкой Африке плюсы.

– Пойду я, – кинул он друзьям. – К Би зайду, узнаю, чего случилось-то...

До конца рабочего дня оставалось минут тридцать. А Джею с Оу и Эй осталось переработать всего ничего. Джей давно признался себе, что чёрный труд часто идёт на пользу. Кажется бы, всего каких-то без малого пятьдесят тысяч лет на этом заводике, а как самочувствие улучшилось. Пожалуй, сезон доработает, а потом снова в какую-нибудь науку подастся. Благо, идей накопилось предостаточно.

А ведь не верил тогда. Думал, что идёт на непоправимый шаг. Так нет же: всего за тысячу лет вошёл во вкус, приноровился... И вон уже сколько оттарабанил.

Пока подавали очередную партию отходов на переработку, наклюнулась небольшая передышка. Эй спокойно отошёл в сторонку, проверяя очередную расслабляющую мантру, а вот Оу не преминул втянуть в себя какой-то очередной релаксант. Джей осуждал эту пагубную привычку, но, чего греха таить, и сам когда-то прошёл через подобное. Повеселевший Оу подошёл поближе.

– Слышь, Джей, тут Зет очередную байку принёс. Раздобыл где-то информацию, будто давным-давно людей было не так и много. Даже вообще почти не было. Ты представь, он говорит, что людей на Земле раньше жило то ли пять, то ли пятьдесят миллиардов. А то и меньше.

– Вы бы релаксантов побольше втягивали, вам бы и не такое пригрелось, – посоветовал ему Джей.

– Ды ты чё, я ж не вру! Зет так и говорил. А релаксанты он не принимает, это ты зря.

– Значит, какую-нибудь другую дурь.

– Да какая дурь? – обиделся Оу. – Я же говорю: информацию нашёл.

– Врёт он всё, твой Зет. – Вступать в дискуссию Джей сейчас не намеревался, но и слушать всякий бред тоже не было желания.

– А я говорю, не врёт. Эф тоже подтвердил, будто слышал когда-то подобное от своего Х-предка. А ещё Зет говорил, что раньше люди были огромные. Как дом. Или как несколько домов. Может, их потому и было так мало, а?

– Я же сказал: дурь. Больше верь всяким байкам. Ты посмотри: нас только на этом заводике больше десяти миллиардов. А ты тут...

– А что я? – смутился Оу. – Зет говорил.

– Ладно, хватит. Вон очередную партию тянут. Пошли.

Джей двинулся вперёд, подав знак вовремя пришедшему в себя Эй. Оу двинулся следом, тихо приговаривая:

– А всё же, вдруг это правда? Всякое ведь бывает...

Новый семестр принёс и новые предметы.

Би со скучающим видом следил за перемещениями профессора.

– Мегатехнологии – это интереснейший пласт науки! – вещал проф. – И хотя мы находимся лишь у истоков этого знания, оно уже открывает нам волшебные, неслыханные перспективы!

– Извините, профессор, а не могли бы вы привести примеры? – раздался скептический вопрос.

– Да сколько угодно! Посмотрите вокруг, люди бессмертны, людей огромное количество. Но ведь мы – лишь горстка по сравнению со Вселенной. Её тайны до сих пор не открыты! И именно мы можем открыть эту дверцу для человечества!

– Это как? – удивился всё тот же скептик. – До нас никто не открыл, а мы сразу откроем?

Все студенты почувствовали ухмылку профессора:

– Если мы сможем создать мегакорабли с мегароботами, для них космические расстояния не будут столь же велики, как для нас с вами сегодня! Но самое чудесное – мы можем попробовать увеличить нас с вами! Люди станут гигантами, и космос покорится им!

– Ну-ну... – процедил ещё кто-то в аудитории.

– Вы не верите? – профессор воодушевился. – А зря! Позвольте, я вам расскажу подробнее об этой удивительной новой науке, адептами которой вы становитесь уже сейчас...

Профессор что-то тихо вещал, а Би прямо-таки загорелся идеей людей-великанов. Это же как может чувствовать себя человек, состоящий, например, не из нескольких молекул, а из нескольких десятков. Каково это – иметь лишние молекулы? С ними же сразу и не разберёшься. А если их не десятки, а сотни?! Вообще крыша поедет. Но штука, должно быть, интересная.

Похоже, Би наконец обрёл своё призвание в жизни. Это действительно работа для настоящего человека. Ведь именно человек творит своё будущее! И оно будет таким, каким мы его сделаем!

Безумно много лет спустя. Снова Юрский период

Ящер медленно срывал шершавыми губами зелёные побеги и меланхолично пережёвывал их...

03.04.2004